

ГУСТАВ

МАЙРИНК

*АНГЕЛ
ЗАПАДНОГО ОКНА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Густав Майринк

Ангел западного окна

«Издательство АСТ»

1927

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

Майринк Г.

Ангел западного окна / Г. Майринк — «Издательство АСТ»,
1927 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-150692-6

Один из главных шедевров в истории существования мистической литературы. Последнее и самое совершенное творение писателя. «Книга на все времена» для любителей и знатоков эзотерики, достаточно равнодушно принятая европейской читающей публикой при первой публикации в 1927 году, заново открытая уже в эпоху нью-эйдж и с тех пор по праву занимающая место на вершине европейской прозы о событиях и реалиях, находящихся далеко за гранью обыденности. Насыщенный подлинной колдовской символикой роман, в котором история великого елизаветинского алхимика и оккультиста Джона Ди и его ассистента и «злого гения» Эдварда Келли перемежается с историей «магической войны» и оккультных интриг, где герой – своеобразный духовный наследник и реинкарнация Ди – внезапно для себя оказывается на пике столкновения интересов сил Света и Тьмы.

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-17-150692-6

© Майринк Г., 1927

© Издательство АСТ, 1927

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Густав Майринк

Ангел западного окна

© Перевод. Г. Снежинская, наследники, 2022

© Примечания. В. Ахтырская, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

С каким удивительным чувством держишь в руках перевязанные бечевой и запечатанные вещи умершего человека! От них словно тянутся в неведомый темный мир тончайшие нити, незримые, легкие, как паутина.

Переплетения и узлы бечевы, аккуратная обертка из синей бумаги – все без слов говорит о твердой целеустремленности в мыслях и делах человека, почувствовавшего приближение смерти. Он собрал, сложил в определенном порядке, перевязал письма и бумаги, шкатулки, наполненные тем, что некогда было так важно, а ныне умерло, тем, что хранило воспоминания, ныне поблекшие; занимаясь этим архивом, он рассеянно думал о своем будущем наследнике, в сущности, чужом, далеком человеке, обо мне, и понимал, что уже уйдет, претерпев неизбежное, к тому времени когда его посылка – связка бумаг, брошенная скитаться в мире живых людей, попадет в руки незнакомого родственника.

Пакет запечатан тяжелыми сургучными печатями с гербом моего кузена Джона Роджера, гербом моих предков по материнской линии. Мои тетки и кузины, любившие посудачить о Джоне Роджере, единственном племяннике моей матери, неизменно упоминали: он – «последний в фамилии», и эти слова, во всяком случае, мне так кажется, стали чем-то вроде пышного титула, которым дополнялось необычное английское имя; сами же тетки, производившие его тонкими, старчески сухими губами старательно и со странной, чуточку смешной гордостью, тоже были последними, благодаря кому все еще звучало, вернее, кряхтело и кашляло имя угасшего рода.

Родовое древо... в моей фантазии метафора, придуманная геральдикой, оживает и пускает буйные побеги: древо простерло узловатые ветви в далекие края и страны. Произросло оно в землях Шотландии, затем пышно цвело в Англии, – говорят, кровные узы связывают наш род с одной из древнейших фамилий Уэльса. Мощные корни протянулись в Швецию и даже Америку, а уже в недавнее время – в Австрию и Германию. Все ветви отмерли, сам ствол – в Англии – высох. Лишь у нас, на юге Австрии, оставался последний живой отросток, мой двоюродный брат Джон Роджер. И вот последний отросток загублен... Англией!

Мой дед по материнской линии, «господин лорд», свято хранил в памяти семейные предания и громкие имена. Между прочим, сам он в Штирии попросту держал молочную ферму. Джон Роджер, мой кузен, пошел другим путем – изучил естествознание и медицину, стал врачом, кроме того, не на шутку увлекся современной психиатрией. Он много путешествовал, усердно и терпеливо учился в Вене и Цюрихе, Алеппо и Мадрасе, Александрии и Турине, посещал дипломированных медиков и врачей, слыхом не слыхавших о каких-то дипломах, прилежно внимал речам заскорузлых от грязи восточных и ослепительно сияющих белой манишкой западных знатоков человеческой души.

Незадолго до войны он переселился в Англию. И, говорят, досконально изучил происхождение и историю нашего древнего рода. Что его побудило, не знаю, однако ходили слухи, будто бы он напал на след некоей удивительной тайны. Но тут как гром грянул – война. Роджера отправили в лагерь для интернированных лиц, он же был офицером запаса вражеской армии. Через пять лет он вышел на волю совершенно сломленным человеком и до конца жизни на

другой берег Ла-Манша не перебрался. Умер он в Лондоне, небогатое наследство быстро разошлось по нашей дальней родне.

А мне достались несколько вещиц на память и вот эта посылка, которую сегодня принес почталъон: мое имя написано четким почерком с прямыми буквами.

Родовое древо зачахло, герб преломлен...

Глупая мысль, не было никакого преломления герба – торжественного скорбного акта, совершаемого герольдом над могилой.

Только я сам тихонько говорю: «Преломлен герб» – и разламываю красную сургучную печать. Никто больше не запечатает письма этим гербом.

Разламываю древний, прекрасный герб... Разламываю? Странно: вот написал, и показалось, будто это неправда.

Конечно, я разломил герб, но кто знает, быть может, я не уничтожил его, а, напротив, заставил очнуться после долгого сна. Герб представляет собой щит, разделенный на три поля: в правом, синем, поле – зеленый холм с вонзенным в вершину серебряным мечом, он символизирует завоевание нашими предками владения Глэдхилл¹ в Уорчестере². В левом, серебряном, поле – зеленое дерево, у корней которого бьет серебряный источник: Мортлейк³, поместье в Среднем Эссексе. А в эти два поля снизу вклинивается треугольник, зеленый, и в нем изображен горящий светоч – старинная лампада, какие были у первых христиан. Необычный символ, сведущие в геральдике люди, разглядывая его, с недоумением пожимали плечами.

Я не сразу решился сломать последнюю, особенно рельефную печать, жаль ведь, такая красота. Но что это? В нижнем гербовом поле здесь не лампада! Это кристалл! Правильный двенадцатигранник⁴, а вокруг – лучи, сияющий ореол. Значит, сверкающий яхонт, не тусклый огонек масляной лампадки? И опять это странное ощущение: мне кажется, будто некое воспоминание, дремавшее много, много столетий, мучительно пробивает себе путь в мое сознание.

Каким образом в гербовой печати появился кристалл? И еще... да, конечно, надпись, мелкая надпись, окружающая его. Взяв лупу, я прочитал: «Lapis sacer sanctificatus et praecipuus manifestationis»⁵.

Я рассматриваю загадочное изображение, невесть откуда взявшееся на древнем, прекрасно мне известном гербе. Да и такой печати я никогда в жизни не видел. Значит, у моего родича Джона Роджера были две разные печати, или... никаких сомнений, отпечаток очень четкий, буквы на нем выпуклые, – выходит, в Лондоне Роджер заказал себе новую печать. Но зачем? Лампадка... Все вдруг становится ясно и чуть ли не смешно: лампадка, разумеется, эмблема более позднего происхождения, чем герб, это причудливая дань новым, христианским временам, а изначально в гербе был сверкающий драгоценный дар природы. Но что же означает надпись? Удивительно, отчего-то кристалл мне словно бы знаком, я как будто связан с ним, а вот чем?... Горный хрусталь, кварц? Помню, была сказка, в которой рассказывается о драгоценном камне, который сияет где-то высоко, на горных вершинах... Но саму сказку я забыл.

¹ *Глэдхилл* – такого населенного пункта в Великобритании нам обнаружить не удалось. *Прим. – В. Ахтырская*

² *Уорчестер* – графство не в Великобритании, а в США (в штате Мэриленд). *Прим. – В. Ахтырская*

³ *Мортлейк* – поселок в графстве Саррей в Англии, на Темзе, к западу от Лондона, некогда резиденция архиепископов Кентерберийских; известен также своими гобеленами (у Майринка перенесен в графство Эссекс). Любопытной представляется не столько география, сколько семантика названий: *Gladhill* – милый, приветный холм, *Mortlake* – гибельное озеро. *Прим. – В. Ахтырская*

⁴ *Двенадцатигранник*. – Додекаэдры (двенадцатигранники) адепты тайных мистических учений наделяли волшебной силой. Согласно Пифагору, двенадцатигранник как симметричное геометрическое тело является основанием Вселенной. По мнению Платона, додекаэдр божество использовало для построения универсума. С точки зрения алхимиков, число двенадцать лежит в основе главных субстанций и миров, и потому додекаэдры как нельзя более подходят для рассчитывания алхимических опытов. *Прим. – В. Ахтырская*

⁵ Камень таинственный, освященный и видения предивные являющий (*лат.*). – *Прим. перев.*

Я нерешительно разламываю эту последнюю печать и развязываю бечевку. Из свертка выскальзывают старые письма, грамоты, манускрипты, пожелтевшие пергаментные листы, испещренные тайными письменами розенкрейцеров⁶. А еще чертежи, рисунки, изображения пентаклей⁷; многие листы истлели, рассыпаются от ветхости; дальше – переплетенные в свиную кожу гравюры на меди, и тетради, целые кипы тетрадей всевозможного размера, и несколько шкатулок слоновой кости, до краев наполненных старинными вещицами, монетами и медалями, кусочками дерева и косточками, оправленными в серебро и золото, а вот что это? Тусклый блеск, резкие грани черных кристаллов... тщательно отшлифованные образцы девонширского каменного угля; целое богатство. И вдобавок записка, все тот же почерк, прямые, резкие буквы, это рука Джона Роджера:

«Читай – или не читай! Сожги – или сохрани! Тлен отдай тлену. Род графов Уэльских, род Хьюэлла Дата⁸, наш род ныне мертв... Маски».

Мне ли адресованы эти строки? Неясно. Да, конечно, мне. Смысл загадочен, но, пожалуй, я не испытываю желаний проникнуть в него и беспечно, как малое дитя, думаю: а зачем? Потом как-нибудь само выяснится. А вот странное слово «Маски»... Оно не дает мне покоя. Роюсь в толковом словаре и нахожу: контаминация английского и китайского, означает «ерунда, безделица». В общем, то же, что «ничего», словцо, излюбленное русскими.

Вчера засиделся допоздна, все размышлял о судьбе моего кузена Джона Роджера, о тщетности любых надежд и бренности мира, а встав наконец из-за стола, решил отложить на завтра дальнейшее знакомство с полученным наследством. С этой мыслью лег спать и быстро заснул.

Но загадочный кристалл, появившийся на печати с фамильным гербом, даже во сне не давал мне покоя, таких странных снов, как в ту ночь, мне никогда в жизни не снилось, во всяком случае, ничего подобного я не помню.

Алый яхонт сиял в вышине над моей головой. Вокруг была тьма, но от кристалла исходил тусклый свет, и вот свет его, вернее, единственный луч коснулся моего лба, в тот же миг я почувствовал, что между мной и сверкающим камнем установилась таинственная связь. Я пытаюсь освободиться от странных уз – они внушают мне страх – верчу головой, прячу лицо, но от луча не уйти... ворочаясь, я сделал жутковатое открытие – кажется, луч, исходивший из кристалла, вонзался в мой лоб даже тогда, когда я опускал голову и зарывался лицом в подушку. А сзади, я это явственно ощутил, моя голова стала лицом, чужим лицом, оно выступило у меня на затылке.

Я ничуть не испугался, но было неприятно, потому что теперь, с двумя лицами, как я понял, мне ни за что на свете не скрыться от светового луча.

Двуликий Янус⁹, подумал я во сне, понимая, однако, что пытаюсь объяснить загадку, используя лишь скудные обрывки знания, которые получил когда-то на уроках латинского. Я

⁶ *Розенкрейцеры* – представители тайного религиозно-мистического общества, основанного в Германии, вероятно, в XV в. и получившего название по имени своего основателя Кристиана Розенкрейца. Целью адептов розенкрейцества было обретение тайного знания и достижение всеобщего блага. Учение розенкрейцеров вобрало в себя элементы алхимии, герметической философии, неоплатонизма, каббалы. Розенкрейцеры весьма почитали Джона Ди. *Прим. – В. Ахтырская*

⁷ *Пентакль* – объемный вариант плоской пентаграммы, магический предмет, с древности использовавшийся оккультными для заклинания духов, низведения луны, вызывания дьявола (здесь можно вспомнить «Фауста» Гете), каббалистических и других магических ритуалов. По преданию, с его помощью царь Соломон и адепты мистического учения пифагорейцев проникали в мир демонов. *Прим. – В. Ахтырская*

⁸ *Род графов Уэльских, род Хьюэлла Дата...* – Хьюэлл Дат (Хьюэлл Добрый, или Хьюэлл Праведный) – король Уэльса (годы правления 904–950). Объединил под своей властью Гвинедд и Поуис – северную и южную части Уэльса, храбро отражал набеги викингов и нападения норманнов. Покровительствовал наукам и искусствам. В царствование Хьюэлла Доброго была предпринята кодификация права, а изданные им законы своей гуманностью выгодно отличались от бытовавших в ту пору в европейских государствах. При Хьюэлле Добром королевство Уэльс достигло невиданного прежде расцвета. *Прим. – В. Ахтырская*

⁹ *Двуликий Янус* (от *лат.* ianua – двери, ворота) – древнеримский бог входов и выходов, всякого начала, прошлого и

решил, ну и ладно, можно на этом успокоиться, однако покоя не настало. Янус! Глупости, при чем тут Янус, а если и правда Янус, то что все это значит? Во сне мысли с досадной настойчивостью вертелись вокруг вопроса: что все это значит? И никак не удавалось понять, кто же в таком случае я? Итак, я мучился от непонимания самого себя, а тем временем кристалл медленно, очень медленно опустился и повис прямо над моей головой. Мне показалось, что этот сверкающий камень несет в себе нечто донельзя чуждое, предельно чуждое, то, для чего у меня решительно не находилось слов. Любой минерал с далекой планеты и тот был бы мне ближе...

Странно, вот и сейчас, размышляя об удивительном сновидении, я почему-то вспомнил библейский рассказ о голубе, прилетевшем с небес, когда святой отшельник Иоанн крестил Иисуса Христа.

А во сне ко мне неотвратно приближался алый кристалл, и вот яркий луч ударил мне прямо в темя, вернее, в место соединения двух голов. Жгучий ледяной холод постепенно пронизывал меня. От холода, который, между прочим, вовсе не был неприятным, я проснулся.

Всю первую половину дня я растратил попусту, непрестанно раздумывая о смысле странного сновидения.

Однако постепенно я с большим трудом восстановил одно смутное воспоминание из моего раннего детства – припомнил разговор, вернее, рассказ, то ли прочитанный в книге, то ли от кого-то услышанный, впрочем, сейчас это не имеет значения. Речь там шла о кристалле и каком-то лике, а может, человеку, но совершенно точно помню, что его имя было не Янус. И перед моим мысленным взором возникла туманная картина.

В раннем детстве я любил забираться на колени к моему деду, благородному лорду, бывшему всего лишь владельцем поместья в Штирии, и старик, качая меня на коленях, рассказывал всевозможные, не вполне понятные мне тогда истории.

Все сказки, которые сохранились в моей памяти, я впервые услышал от деда, и, можно сказать, сам он тоже был фигурой сказочной. Однажды дед завел речь о снах. «Сны, – говорил он, – дают высокие права, несравнимые с любыми привилегиями, какие могут принести тебе, мой мальчик, знатный титул и владение родовыми землями. Хорошенько это запомни. В один прекрасный день ты станешь моим полноправным наследником, и я оставлю тебе в наследство наш фамильный сон, сон потомков Хьюэлла Дата». И таинственным, приглушенным шепотом, словно опасаясь, как бы сам воздух в комнате не услышал, дед поведал, не забывая в то же время подбрасывать внука на коленях, легенду о драгоценном яхонте, который находится в далекой стране, куда смертным пути заказаны, куда можно попасть лишь в одном-единственном случае – если твоим провожатым станет человек, превозмогший смерть... А еще дед рассказал о ком-то, чья двуликая голова увенчана золотой короной с сияющим кристаллом. Но кто же он? Помню только, дед говорил о нем будто о нашем родоначальнике или семейном пенате... Память подвела, больше ничего не помню, все тонет в густом тумане...

Ничего похожего на сон, о котором толковал дед, мне не снилось... до нынешней ночи! Так это и есть «сон потомков Хьюэлла Дата»?

Ломать голову бесполезно. К тому же мои размышления были прерваны приходом посетителя, моего русского приятеля Сергея Липотина, старого антиквара, владельца лавки на Веренгассе.

Липотина в городе прозвали Господин Ничего; раньше он был придворным антикваром российского императора и по сей день сохранил весьма представительную внешность, несмотря на то что злоключений выпало на его долю немало. В прошлом миллионер, большой знаток восточного искусства, эксперт, мировая величина, а ныне старый, безнадежно сломленный и тихо доживающий свой век мелкий лавочник, торгующий подобранными там и сям китайскими вещицами. Однако Липотин остался живым воплощением царской России. Благо-

даря его безошибочно верным отзывам я приобрел несколько замечательных раритетов. И вот что странно: если мне безумно хотелось приобрести какую-то редкостную антикварную вещь, но она, как назло, не продавалась, не было случая, чтобы Липотин вскоре не принес такую же или на нее похожую.

Сегодня, поскольку ничего иного, заслуживающего внимания, не нашлось, я показал старику, что мне прислали из Лондона. Липотин с похвалой отозвался о некоторых старинных гравюрах, назвав их *rarissima*¹⁰, заинтересовался также медальонами эпохи Возрождения: отменная немецкая работа, сказал он, тонкие вещи, не какие-то ремесленные поделки. Наконец он заметил герб Роджеров и вдруг замолчал, уставившись на него в глубокой задумчивости, словно опешив. Я спросил, что его так удивило. Липотин пожал плечами, закурил и ни гугу.

Потом мы немного поболтали о том о сем. Уже собравшись уходить, Липотин как бы невзначай обронил:

– Знаете, наш славный Михаил Архангелович Строганов, видимо, не протянет долго, вряд ли докурит начатую пачку папирос. Оно и к лучшему. У него уже ничего не осталось, ни на продажу, ни для ломбарда. Что ж... Такой конец всех нас ждет. У нас, русских, как у солнышка, на востоке восход, на западе – закат. Ну, будьте здоровы!

Он ушел, а я задумался. Значит, старик Строганов, русский барон, с которым я был едва знаком – иногда встречал его в кафе, – собрался в путь и скоро переселится в зеленое царство мертвых, в зеленые уголья Персефоны...¹¹ Насколько мне известно, жил он впроголодь, пил пустой чай и без конца курил. Когда он бежал из России, спасаясь от большевиков, вывез лишь то, что смог спрятать под одеждой. В том числе пяток перстней с бриллиантами и полдюжины массивных золотых часов – успел рассовать по карманам. На это и жил, пока было что продать, щеголял привычками богатого барина. Курил самые дорогие сигареты, их доставляли некие тайные посредники из восточных стран. У Строганова было любимое присловье: «Земные блага надо обращать в дым, такая и только такая жертва угодна Господу». Но на самом деле старик голодал, и если не сидел в антикварной лавке Липотина, то жестоко мерз в чердачной каморке, снятой где-то в предместье.

Итак, барон Строганов, в прошлом императорский посланник в Тегеране, уходит в мир иной. Что ж... Оно и к лучшему – как сказал Липотин. Я вздохнул, чувствуя странную душевную пустоту, и решил заняться бумагами Джона Роджера.

Взял наугад один листок, потом другой, стал читать...

Вот так я провел целый день, перебирая архив умершего кузена, и в итоге пришел к выводу, что совершенно невозможно привести в порядок эту груду бумаг – тут и обрывки каких-то исторических изысканий, и старинные рукописи: из этих обломков не возвести здание. «Прочти и сожги, – нашептывал мне внутренний голос. – Тлен отдай тлену!»

Вот, например, история известного Джона Ди¹², баронета Глэдхиллского, с какой стати мне интересоваться им? Лишь потому, что этот господин, страдавший, должно быть, пресловутым английским сплином, – один из предков моей матери?

¹⁰ Редчайшие (лат.). – Прим. перев.

¹¹ ...в зеленое царство мертвых, в зеленые уголья Персефоны... – Персефона – в древнегреческой мифологии владычица подземного царства, супруга Аида, похищенная им у матери Деметры и проводящая две трети года на земле, одну треть – в царстве мертвых. Зеленый цвет традиционно не связывается в мифологии с царством смерти, потусторонним миром и гибелью. В кельтских легендах зеленые холмы предстают обиталищем волшебных духов-сидов (ши), эльфы и фэйри обычно носят платье зеленого цвета. Не исключено, что Майринк помнил об этом факте, выстраивая цветовую символику романа «Ангел западного окна» с его кельтскими, валлийскими и шотландскими подтекстами и мотивами «зеленых зеркал», «зеленой бездны», «Гренландии», «зеленой земли», завладеть которой Джон Ди предлагает королеве Елизавете. Прим. – В. Ахтырская

¹² Джон Ди (1527–1609) – историческая личность, знаменитый английский ученый, прославившийся выдающимися знаниями в сфере математики, астрономии, географии, древних языков, философии. Стал вдохновителем ряда географических открытий. Видный астролог и алхимик, оккультист, создатель особой герметической философии. У Джона Ди действительно были кельтские – валлийские корни, правда, его фамилия, вопреки предположениям Майринка, происходит от валлийского *du* – «черный». Окончил Кембриджский университет, еще в юности обратил на себя внимание блестящими познаниями во мно-

Но выбросить эту гору бумажного хлама не хватает духу. Иногда вещи имеют над нами большую власть, нежели мы – над ними, наверное, они лишь притворяются неодушевленными предметами и жизни в них больше, чем в нас, людях. Я увлекся и не мог оторваться от чтения. Час от часа оно все больше захватывало меня, а почему – сам не знаю. Из беспорядочных фрагментов восстал окутанный сумрачной дымкой старины прекрасный и печальный портрет: высокий дух, жестоко разочаровавшийся человек; жизнь его на заре блистала во славе, к полудню омрачилась, и далее его подвергают преследованиям, осмеивают, распинают на кресте, подносят ему уксус и желчь, он низвергнут в геенну, и он же призван в конце концов вознестись к небесам и постигнуть их высшую тайну, чего удостоились лишь благородные души, непреклонные в вере, преисполненные любви.

Нет, не должна исчезнуть без следа история Джона Ди, отпрыска одного из древнейших британских родов, эрлов Уэльса, моего пращура по материнской линии.

Но я понимаю, что не удастся написать о нем так, как хотелось бы. Отсутствуют важнейшие необходимые условия – прежде всего, я не имею возможности изучить историю Джона Ди досконально; затем мой родственник Джон Роджер обладал огромными познаниями в тех областях, которые одни называют оккультными, другие же относят к парапсихологии и попросту сбрасывают со счетов. У меня по этой части ни опыта, ни соображения. Значит, постараюсь предельно добросовестно разобраться в хаотическом нагромождении руин и представить все в мало-мальски доступном пониманию виде. Или, как выразился мой родич Джон Роджер, «сохранить и передать другим».

Конечно, картина все равно получится подобной мозаике, из которой многие камешки выбиты. Но разве не бывает, что руина очаровывает нас зачастую больше, чем лишенное изъянов изображение, которое время пощадило? Загадочно изменяются очертания улыбающихся губ, они вдруг превращаются в скорбную складку искаженного болью лица, загадочно вперяет в нас свой взор око из-под выщербленного чела, загадочно вспыхивает на источенной временем картине багровая капля. Загадки, загадки...

Недели, а то и месяцы уйдут на кропотливые исследования, прежде чем я распутаю наполовину истлевшие узлы. Я в нерешительности: надо ли начинать? Если бы я хоть на миг почувствовал, что некто в моей душе понуждает меня к работе, то просто из упрямства без колебаний отбросил бы эту затею и сжег все, обратил в дым, чтобы... ну да, «угодить Господу».

гих областях науки. Преподавал в Кембридже, читал лекции в университетах Лёвена и Парижа. Испытывал большой интерес к сверхъестественному, подобно многим выдающимся умам эпохи Ренессанса, пытался связать науку и магию. Его научным занятиям некоторое время покровительствовала королева Елизавета. В 1564 г. Джон Ди опубликовал ученый труд «Иероглифическая монада», в котором обосновал принципы своего философского учения, вобравшего в себя элементы каббалы, неоплатонизма и пифагорейства. В 1582 г. знакомится с Эдвардом Келли (1555–1595?), юристом, оккультистом, алхимиком и медиумом, при посредстве которого общался с духами. Джон Ди утверждал, что устами Келли ангелы изрекали ему откровения на языке Еноха (по разным источникам, ангела, пророка или праведника, хранителя тайного знания в потустороннем мире, посланца Божьего). Современные историки спорят о том, насколько сам Келли верил в откровения ангелов, глаголавших его устами; не исключено, что он был не ловким авантюристом, каким его изображает в романе Майринк, а искренним адептом учения Джона Ди или безумцем. В 1583 г. по приглашению упоминаемого в романе польского аристократа Альберта Лаского, очевидно, рассчитывавшего получить с помощью алхимических опытов золото, Джон Ди и Келли отправляются на континент и некоторое время подвизаются в Праге, при дворе императора Рудольфа II, известного своим интересом к каббале и различным мистическим учениям, а затем в Варшаве, при дворе польского короля Стефана Батория. Однако и император Рудольф, и король Стефан, видимо, были разочарованы результатами их занятий. Затем пути Джона Ди и Келли разошлись: Келли остается в Праге, где около 1595 г. умирает при невыясненных обстоятельствах (возможно, был казнен, возможно, погиб при попытке к бегству). Джон Ди возвращается в Англию. Королева Елизавета, успевшая охладеть к причудливым планам ученого, тем не менее в 1592 г. назначает его на почетную должность ректора Крайстс Колледжа в Манчестере. Ди занимал ее недолго и вскоре отошел от дел. Впоследствии был забыт. XX в. пережил всплеск интереса к личности и научным трудам Джона Ди во многом благодаря усилиям английского историка Фрэнсиса Йейтса и произведениям художественной литературы, наиболее значительное из которых, кроме романа Майринка, – книга английского писателя Питера Экрояда «Дом доктора Ди» (1993). *Прим. – В. Ахтырская*

Невольно снова и снова вспоминаю об умирающем Михаиле Архангеловиче Строганове, которому уже не придется докурить последнюю пачку сигарет, – быть может, по той причине, что Господь не желает, чтобы кто-то угождал ему не в меру усердно.

* * *

Сегодня кристалл снова явился мне во сне. Снилось то же, что и прошлой ночью, однако, когда кристалл опустился над моей двуликой головой, ледящий холод не вызвал болезненного ощущения, которое заставило бы меня проснуться. Не понимаю: может быть, кристалл в конце концов коснулся моего темени? В тот миг, когда световой луч ярко осветил оба моих лица, я увидел, что сам я – двуликое существо, но в то же время – и кто-то другой. Я увидел себя, то есть увидел двуликого Януса со стороны: губы одного лика двигались, а на втором оставались сжатыми, немymi. И этим безмолвным на самом деле был я. А другой пытался что-то произнести и не мог. Казалось, он крепко спит и в то же время старается заговорить.

Но вот с его губ слетел вздох, и раздалась чуть слышные слова:

«Не пытайся выстроить систему! Не возмни, что способен это сделать! Выстраивая систему, разум подменяет причину следствием, все ставит с ног на голову и обрекает на гибель. Я направлю твою руку, повинуйся мне и читай, не уничтожай ничего... Читай... как я... велю...»

Произнести эти слова стоило мне – моей ипостаси – таких мучительных усилий, что я проснулся.

На душе было смутно. Что же со мной творится? Во мне пробудился некий призрак? Или в мою жизнь вторгся фантом из сновидения? Неужели мое сознание расколосось и я теперь «больной»? Нет, я чувствую себя прекрасно и, бодрствуя, не ощущаю ни малейшей склонности к раздвоению, не говоря уже о том, чтобы меня преследовала какая-то навязчивая идея, заставляя думать и действовать определенным образом. Я полновластный хозяин своих собственных ощущений и намерений, свободный человек!

И вновь всплывает обрывочное воспоминание о скачках верхом на коленях дедушки-лорда: старик рассказывает, что наш фамильный дух сновидений – немой, но настанет час, и он заговорит. И тогда дни нашего рода закончатся и корона уже не будет сверкать над одной главой, а увенчает двуликого.

Итак, Янус заговорил? И нашему роду пришел конец, а я – последний в роду и наследник Хьюэлла Дата?

Важны не сами слова, запечатлевшиеся в моей памяти, но ясный их смысл: «Читай, как я велю!» И еще: разум все переворачивает с ног на голову, подменяя причину следствием... Допустим, я послушаюсь повеления... но нет, нет, это не повеление, никаким приказам я не стал бы повиноваться, я никому не позволю собой командовать. Это совет, о да, конечно, совет, всего лишь совет! Почему бы не последовать совету? Не буду разбирать бумаги, внося порядок, а начну одну за другой переписывать в той случайной последовательности, в какой они будут попадаться под руку.

И, наугад вытащив из кипы листок, исписанный прямым почерком моего кузена Джона Роджера, я прочел следующее:

«Все давно в прошлом. Давно умерли люди, чья жизнь запечатлелась в этих рукописях, умерли со всеми своими желаниями и страстями те, чьи истлевшие в могилах кости ныне задумал потревожить я, Джон Роджер. Они не давали покоя праху людей, умерших задолго до них самих, а теперь вот я роюсь в прахе, как гробокопатель.»

Да и что такое „умершие“? Что значит „в прошлом“? Те, кто некогда мыслили и вершили дела, остались мыслящими и действующими и поныне, ибо все наделенное мощной силой

живет вечно! Да, конечно, ни один из нас не нашел того, что все мы искали, – истинного ключа к драгоценному сокровищу жизни, таинственного ключа, поиски которого составляют смысл и ценность существования любого человека. Кому было дано узреть корону со сверкающим кристаллом? Что мы, искавшие, обрели? Непостижимые уму горести и встречу со смертью, хотя и сказано в Писании: смерть будет побеждена! Должно быть, ключ сей покоится на дне бурной реки. Его не достанешь, не сойдя в глубины вод. Роду нашему был предсказан последний день. Еще никто из нашего рода не узрел последнего дня, предсказанное не сбылось: кровь наша не иссякла. И в этом была наша радость? Коли так, то и наша вина.

Двуликий ни разу мне не явился, сколько я ни заклинал его. Кристалл я также не сподобился лицезреть. Видно, так тому и быть: если дьявол не свернет тебе шею, чтобы заставить смотреть назад, то в своем неостановимом движении к смерти ты не увидишь свет впереди. Хочешь подняться на вершину – спустишься в самую глубину, лишь так низшее может стать высшим. Но к кому же из всех нас, отпрысков рода Джона Ди, обратился с речью Бафомет?¹³

Джон Роджер».

Бафомет! Я поражен, словно ударом. Господи боже, Бафомет, вот оно, имя, которое мучительно вспоминал и не мог вспомнить! Бафомет – увенчанный короной двуликий дух сновидений нашего рода, о котором говорил мой дед. Это имя дед шептал мне на ухо, по слогам, четко, раздельно, будто гвозди заколачивал, наверное, хотел, чтобы оно навсегда осталось в душе ребенка, прыгавшего, точно всадник, у него на коленях... «Бафомет! Бафомет!»

Но кто он, Бафомет?

Тайный символ ордена тамплиеров. Чуждый всему человеческому, но ставший для рыцарей Храма более близким, чем любой самый близкий человек, и именно поэтому остающийся их непостижимым божеством.

Неужели баронеты Глэдхиллские были тамплиерами? Вполне возможно. Положим, не все, но кто-то из рода... Сведения, которые приводят в книгах, легенды, сохраненные устным преданием, запутанны и противоречивы: Бафомет, дескать, низший демиург – таково переименованное гностиками и доведенное до абсурда понимание иерархии. Если демиург, то почему у него два лица? И при чем тут я, ведь во сне двуликим был я? Определенно, во всей этой истории верно лишь то, что я и в самом деле последний потомок Джона Ди, последний, в ком течет кровь глэдхиллских баронетов, и с моей смертью наш род угаснет.

И я смутно почувствовал – если Бафомет пожелает разомкнуть уста и повелевать мной, послушаюсь.

В этот момент мои размышления прервал Липотин. Антиквар пришел с вестями о Строганове. Преспокойно закуривая, он рассказал, что старик Строганов вконец измучился, поминутно харкая кровью. Пожалуй, стоило бы пригласить врача. Хотя врач в лучшем случае лишь облегчит предсмертные страдания Михаила Архангеловича.

– Но... – Липотин вяло пожал плечами и потер пальцами, как бы пересчитывая деньги.

Я понял намек и полез в ящик стола.

¹³ *Бафомет* – демон, со времен Средневековья изображавшийся в виде козлоподобного чудовища, одно из воплощений дьявола. Демон Бафомет впервые упоминается во французских хрониках в 1314 г.: поклонение дьяволу в облике Бафомета вменялось в вину рыцарям-тамплиерам, в том числе гроссмейстеру ордена Жаку де Моле, приговоренным к сожжению на костре за богоотступничество, ересь и противоестественные грехи. Поскольку тамплиеров судили по сфабрикованным обвинениям, Бафомета, возможно, также измыслили их гонители, в первую очередь французский король Филипп IV и Папа Климент V, – во всяком случае, никаких подтверждений тому, что Бафомет – древнее языческое божество, у современной науки нет. Однако у Майринка Бафомет – нечто более сложное, нежели воплощение зла: как и Гермафродит в романе «Голем», он выступает символом примирения противоречий, взаимодополнения противоположностей, обретения эзотерического, тайного знания. *Прим. – В. Ахтырская*

Липотин удержал меня за локоть и весь сморщился, высоко подняв густые брови, словно хотел сказать: «Никаких милосердных жертв!» Потом, стиснув зубами сигарету, попросил минутку терпения и, порывшись в кармане своей шубы, достал перевязанный бечевкой пакет.

– Вот последнее, что осталось у Михаила Архангеловича. Он просит вас принять это. Уж не откажите.

Я нерешительно развернул пакет. Небольшая, но тяжелая шкатулка из серебра с целой системой хитроумных замков, весьма солидных, являющихся в то же время и декоративными элементами. На самих замках и на петельках – узоры, какими в старину украшали свои изделия тульские мастера. Вещица, пожалуй, в художественном отношении довольно занятая.

Я заплатил Липотину, думаю, не обидев продавца. Липотин, не пересчитав, скомкал деньги и небрежно затолкал в карман жилетки.

– Теперь Михаил Архангелович сможет умереть, соблюдая приличия. – Вот и все, что я услышал по этому поводу от моего гостя.

Вскоре он ушел.

А у меня остался тяжелый серебряный ларчик, он заперт, и я не могу открыть замки, как ни стараюсь, хотя бьюсь над ними уже не один час. Металлические накладки можно оторвать разве что стамеской или перепилить. Но тогда красивый ларчик будет изуродован. Ладно, пусть стоит закрытым.

Итак, последовав приказу, полученному во сне, я наугад извлек из груды бумаг небольшую пачку и начал писать историю жизни Джона Ди, моего предка. Я переписываю фрагмент за фрагментом в той случайной последовательности, в какой они подворачиваются под руку.

Пожалуй, никто, кроме самого Бафомета, не знает, что из этого выйдет. Но я уже увлекся, мне интересны события, которые разыгрались в жизни известного человека, пусть даже все они происходили в далеком прошлом, а сам он давно умер; я хочу узнать, что получится, если не вторгаться в повествование по своему усмотрению и не пытаться, возомнив себя великим умником, *corrige la fortune*¹⁴.

Сразу же, вытянув первую пачку листов рукой, «исполняющей чужую волю», я мог бы насторожиться. Ведь передо мной письмо или официальный документ, который касается вещей, на первый взгляд никак не связанных с личностью Джона Ди или историей его жизни. Речь идет об отряде, известном под названием «Воронов» и, вероятно, игравшем некую роль в религиозных смутах 1549 года¹⁵.

Вот что я прочитал:

**«Донесение тайного агента») + (его преосвященству господину епископу Боннеру¹⁶
В Лондоне, лета Господня 1550-го**

...ваши преосвященство господин епископ ведают, сколь затруднительно уследить за лицом, подозреваемым в сатанинской ереси и вероотступничестве, каковым является извест-

¹⁴ Сжутьничать в игре, подтасовать; *букв.* подправить судьбу (*фр.*). – *Прим. перев.*

¹⁵ ...«Воронов»... *в религиозных смутах 1549 года.* – Мятажники, избравшие в качестве эмблемы ворона, – плод воображения Майринка. Возможно, на его выбор повлияла связь ворона в большинстве культур со смертью и потусторонним миром. Однако «вороном», а иногда «вороньей головой» в алхимии именовался осадок на стенках и на дне алхимического сосуда, возникавший в процессе возгонки вещества и символически отождествлявшийся алхимиками с «разложением» и низменными сторонами человеческой природы, еще не достигшей просветления. *Прим. – В. Ахтырская*

¹⁶ ...*епископу Боннеру.* – Эдмунд Боннер (1500–1569) – английский церковный и государственный деятель. Начиная службу при кардинале Вулси. Обратил на себя внимание короля Генриха VIII и вскоре стал для него незаменим. Ловкий царедворец, неоднократно выполнял миссию посланника, в частности вел от имени короля переговоры с папой римским. Пик его государственной и церковной карьеры, в том числе сан епископа Лондонского, приходится на годы правления Марии Кровавой, при которой он ревностно «восстанавливал» поруганную католическую веру и приобрел печальную известность как ненавистник протестантов. Преследуя «еретиков», подписал около трехсот смертных приговоров, прославившись жестокостью и заслужив репутацию едва ли не наиболее одиозной личности в английской истории. В правление Елизаветы пережил опалу, был удален от двора, умер в тюрьме. *Прим. – В. Ахтырская*

ный сэр Джон Ди; ваше преосвященство ведают, что сам господин губернатор день ото дня все более навлекает на себя таковое же подозрение и, к прискорбию, отнюдь не обосновательно, однако осмеливаюсь послать вашему преосвященству с верным гонцом сие донесение, составленное к нынешнему дню в моей канцелярии, дабы выказать вашему преосвященству, с каким усердием я стараюсь снискать вашу, господин епископ, милость, приумножая тем мои заслуги перед Отцом Небесным. Ваше преосвященство пригрозили, что предадите меня анафеме и пытке, коли я не сумею выявить зачинщиков или подстрекателей недавних возмущений подлого люда против нашей Пресвятой Церкви. На коленях умоляю ваше преосвященство обожждать недолгое время, прежде чем предать меня, хоть и грешного, но верного слугу вашего, карающему суду, ввиду того что ныне уже имею донести такие сведения, из коих явствует вина двух разбойников.

Вашему преосвященству ведомо постыдное бездействие нынешних правителей наших, возглавляемых господином лордом-протектором¹⁷, а равно и то, что не в последнюю очередь по причине попустительства, чтобы не сказать хуже, со стороны Его Величества все смелей поднимает в Англии свою гнусную голову ядовитая гидра непокорства, мятежа и кощунственного осмеяния святых таинств, храмов и монастырей. А в истекшем году, по Рождестве Христовом 1549-м, в конце декабря объявились в Уэльсе целые шайки подлых бунтовщиков, как будто бы сама земля их изрыгнула! В шайках этих все больше беспутные матросы и бродяги бездомные, однако уже и некоторые крестьяне к ним присоединяются, а тако же буйные ремесленники, сброд разномастный, необузданный и отчаянный. Отряд их придумал себе знамя, на коем омерзительной черной краской нарисована голова ворона, вроде той, что служит тайным знаком у алхимиков, и сами бунтовщики взяли себе имя Воронов.

Во главе мятежников стоит свирепый разбойник, прежнего звания – мясник в Уэлипуле, именуемый Бартлет Грин, он-то и есть главарь и атаман всей банды, святотатец, поносящий в глумливых речах нашего Господа и Спасителя, но того пище хулит он Приснодеву, ибо заявляет, будто бы Пресвятая Царица Небесная – поганая тварь, порожденная великой богиней, а по истине сказать – главнейшей идолицей и бесовкой, кою называет он Черной Исаидой¹⁸.

Означенный Бартлет Грин осмелился на дерзость неслыханную: объявил прилюдно, будто бы идолица сия поганая, блудница дьявольская Исаида его самого наделила чудесной неуязвимостью и в дар ему дала серебряный баимак, дабы сей нечестивец проходил без помех, где только вздумается, торжествуя над врагами. Господа слезно молить остается нам, ибо означенный Б. Грин, как и вся поганая банда, по всей видимости, пользуется покровительством Вельзевула и его приспешников, потому как до сего дня не принесли ему ни малейшего вреда ни пули, ни отравы, ни устроенные засады, ни открытые нападения с оружием в руках.

Доношу также о другом обстоятельстве, хотя поныне не удалось мне выведать все окончательно и достоверно. Направляет разбойников не один только Бартлет Грин, сеющий ужас и смерть, есть еще некий тайный руководитель походов и разбойных нападений банды

¹⁷ *Лорд-протектор* – имеется в виду Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет, первый граф Хертфорд (ок. 1506–1552) – регент при малолетнем короле Эдуарде VI, фактически правивший страной от его имени. *Прим. – В. Ахтырская*

¹⁸ *Черная Исаида*. – Исаида (Исида) – главное женское божество древнеегипетского пантеона, богиня плодородия, воды, верности, воплощения женственности, богиня-мать. Сведений о том, что древние египтяне почитали ее в черной, мрачной, хтонической ипостаси, не сохранилось, есть лишь отдельные упоминания о том, что некогда она как злая волшебница вступила в единоборство со светлым богом солнца Ра. Древние греки отождествляли Исиду с Деметрой, богиней плодородия и земледелия. Разумеется, английские бунтовщики в 1549 г. не имели представления ни о той, ни о другой. Густав Майринк, избрав предметом поклонения Бартлета Грина Черную Исаиду, создает на страницах романа своего рода личную мифологию. Однако не исключено, что Майринк опирался на «Классический словарь собственных имен, упоминаемых древними авторами» английского лексикографа Джона Лэмприра (1788), где древнеегипетская Исида отождествляется с древнегреческой Ио, аргосской царевной, возлюбленной Зевса, а также древнесемитской Астартой, богиней любви и плодородия, богиней-воительницей, и древнеиндийской богиней смерти и разрушения Кали (*др. – инд.* «кали» – черная), нередко изображаемой верхом на льве (отсюда, возможно, вся сложная «кошачья» символика романа). Любопытно, что герою романа противостоит демон в облике пантеры – княжна *Хотокалонгина*, фамилия которой отчасти созвучна имени богини Кали. *Прим. – В. Ахтырская*

воронья и, сверх того, должно быть, заговоров, в коих замешаны нечестивцы из числа владельцев господ; сия персона – поистине как наместник сатаны! – разбойникам весьма пособничает, снабжая деньгами, письмами, науцая тайно советами.

Надобно поискать заправилу и подстрекателя среди знатных господ нашего королевства, а то и среди властей предрержащих. Может статься, это один из них, а именно известный Джон Ди!

Дабы простой люд Уэльса совратить и власти дьявола предать, учинили разбойники наемни осквернение чудотворного святого места последнего упокоения его преосвященства господина епископа Дунстана Бридрокского¹⁹, склеп разорили и разграбили, святые реликвии по ветру пустили охальники, о чем с глубочайшим прискорбием докладываю вашему преосвященству. Учинили же богохульники сие непотребство, потому как все добрые католики веруют, что гробница святого Дунстана пребудет в целости и сохранности во веки веков и гнев Господень, а тако же молния небесная поразит насмерть всякого нечестивца, кто дерзнет протянуть кощунственную руку к святыне сей. Бартлет же, глумясь и поносные слова изрыгая, святыню осквернил при народе – многие толпы простого люда сие видели.

Далее спешу сообщить вашему преосвященству вести, дошедшие до моих ушей ныне: якобы прибывший к нам из Московии престранный путешественник, о коем по секрету рассказывают самые диковинные вещи, в недавние времена тайно встречался с Бартлетом Грином и вел с ним подозрительные конфиденциальные переговоры.

Имя же носит сей москвит чудное – Маски, и сдается, не подлинное то имя оного путешественника, а прозвище, а что оно значит, не ведаю. Величает себя магистром царя московского, телом тощ, волосом сед, лет ему, должно быть, более пятидесяти, а рожка татарская. Говорят, будто бы негоциант и в страну нашу прибыл, чтобы торговлю вести разными раритетами да безделицами русскими и китайскими. Может, так и есть, но подозрителен торговец весьма, никто не ведает, кто он таков и откуда на самом деле явился.

К прискорбию моему, доньне не увенчались успехом попытки схватить означенного магистра Маски, потому как неуловим наподобие дыма.

Касаемо магистра сего имеется одно обстоятельство, кое может послужить уликою и делу его скорейшего арестования пособить. В Бридрокке нашлись дети, видевшие, как приблизился москвит к разбитому и оскверненному склепу, поширил руками меж развороченных каменных плит и достал из-под них два блестящих шара, один красный, другой же белый, небольшие, предназначенные, похоже, для игры какой-то и выточенные из драгоценной слоновой кости. Москвит, доносят, с видом полного довольства оглядел сии шары, после чего, спрятав оба в карманы, поспешно удалился. К сему осмелюсь высказать предположение, что шары магистр присвоил, усмотрев в них курьезные раритеты, а как сам он таковыми торгует, то и сбудет их вскорости покупателю. Учредил я сыск, дабы местонахождение сих шаров установить, но покамест ни шаров, ни самого магистра сыскать не удалось.

Напоследок полагаю настоятельно необходимым поделиться с вашим преосвященством, духовником моим пред Господом, тревогою, коя не оставляет меня в последнее время. Суть же такова. Попали ко мне некоторые письма господина моего и властителя, губернатора. Порешив, что сие есть знамение свыше, я оставил их, негласно, у себя. А среди писем обнаружился доклад одного ученого доктора, нынешнего наставника в науках Ее Высочества леди Елизаветы, принцессы Английской. Доклад же содержание имеет весьма удивительное. Прилагаемый к докладу особый пергаментный лист, не навлекая на себя подозрений и не нанося ущерба посланию, изъял я из письма доктора и вместе с настоящим донесением пре-

¹⁹ *Епископ Дунстан Бридрокский* – исторический святой Дунстан (ок. 909–988) был епископом не Бридрока, а Гластон-бери и Кентербери. Считается покровителем златокузнецов, ювелиров и оружейников. Прим. – В. Ахтырская

даю в руки вашего преосвященства. В письме же господину губернатору ученый наставник Ее Высочества сообщает нижеследующее.

На четырнадцатом, ныне завершившемся году жизнь леди Елизаветы протекала наилучшим образом. Произошла чудесная перемена в ее поведении, дотоле, как известно, весьма необычном, – принцесса обратилась к занятиям, кои приличествуют юной леди. Кулачные бои, лазание по деревьям, обычай щипать и потчевать колотушками служанок и подруг, да еще забавы, состоявшие во вспарывании животов и прочих истязаниях мышей и жаб, по всей видимости, утратили в глазах принцессы былую прелесть, леди Елизавета замкнулась, предалась молитве и прилежному изучению Священного Писания. Но, видно, подбил ее к тому нечистый со своими пособниками!

Леди Эллинор, дочь лорда Хантингтона, шестнадцати лет от роду, жалуется, мол, принцесса нередко во время игр так пылко на нее набрасывается, что остаются синяки и царапины на деликатнейших частях тела. В минувший день святой Гертруды леди Елизавета, принцесса Английская, изъявила желание поехать кататься верхом со своими подругами по Эксбриджскому лесу, откуда забывшее о приличиях веселое общество помчалось по пустошам, уподобясь ведьмам дьявольской свиты, не знающим ни стыда, ни благопристойных манер, в точности как поганые язычницы амазонки!

Помянутая леди Эллинор на другой день сообщила по секрету, что в Эксбриджском лесу леди Елизавета разыскала тамошнюю старую колдунью и, заклиная грязную ведьму Пресвятою Кровью Христовой, просила предсказать судьбу, подобно тому как некогда выспрашивал у ведьм о своей доле покойный предок леди Елизаветы король Макбет²⁰.

Леди Елизавета, принцесса Английская, не токмо услышала многие пророчества, изречения и невнятное бормотание, но еще и получила от чертовой старухи приворотное зелье, должно быть, дьявольский любовный напиток, и тотчас, не сходя с места, выпила до последней капли, обрекая тем самым бедную свою душу на адские муки. После чего ведьма написала свои предсказания на пергаменте; прилагаемый к сему *corpus delicti*²¹, без сомнения, и есть ведьмовская каракуля, в коей я не сумел понять ни единого слова, по моему разумению, написанное есть не что иное, как богомерзкая галиматья. Листок пергаментный к настоящему письму подшит.

О сем счел необходимым незамедлительно донести вашему преосвященству, радея о службе, засим остаюсь и проч.»

Вместо подписи стоял знак)+(.

Рукой моего кузена Джона Роджера здесь же сделана приписка с пояснением, что свое донесение тайный осведомитель составил для страшного Кровавого епископа сэра Боннера, а пергаментный лист, приложенный к нему, – вероятно, и в самом деле запись, сделанная рукой эксбриджской ведьмы, предсказание судьбы принцессы Елизаветы, впоследствии взошедшей на английский престол. Вот этот текст:

Вопрошала я Гею, Черную Матерь²²,

²⁰ ...предок леди Елизаветы король Макбет. – Сообщение о том, что исторический король Шотландии Макбет (годы правления 1040–1057) был предком английской королевской династии Тюдоров, к которой принадлежала Елизавета, – вымысел Майринка. Прим. – В. Ахтырская

²¹ Здесь: вещественное доказательство (лат.). – Прим. перев.

²² **Гейя, Черная Матерь.** – В древнегреческой мифологии – Земля, богиня-мать, создательница всего сущего, древнейшее доолимпийское божество. Объединяет в своем облике черты мудрой и благой богини, хранительницы древнего знания, и хтонические, ужасные свойства прародительницы титанов и уродливых чудовищ – воплощение стихийных, неподвластных разуму сил природы. Частично отождествлялась со светлой Деметрой и фригийской Кибелой, богиней плодородия. Прим. – В. Ахтырская

нисходила в темную бездну
по семижды семидесяти ступеням.
«Взвеселись, королева Елизавета! —
вешала Черная Матерь. —
Испила ты питья себе на великое благо!

И разделит питье, и накрепко свяжет:
мужа с женой разлучит и сызнова свяжет.
Здравым нутро пребудет,
хворь его не затронет,
целое устоит, коль половина погибнет.
Я оберегу, я свяжу, я заколдую!

На ложе твое уложу жениха ночью порою,
станете с ним едины! День вслед за ночью грядет —
не распадется единство,
„я“ и „ты“ — слова пустые его не разрушат!
Ни на земле, ни за гробом не расстанутся венценосцы!
Мой напиток чудесный создаст из двоих одного,
взор устремившего и пред собою, и вспять,
глаз не смыкающего властелина.
Тысячелетия для него — что мгновенья.

Духом воспрянь, королева Елизавета!
Черный кристалл породила Черная Матерь,
Камень спасение принесет престолу,
части короны разъятой
соединит он навеки.

Половина венца — твоя, мужу вручи другую,
победоносцу, вонзившему
меч серебряный в холм зеленый.
Ждет плавильная печь, ждет и брачное ложе,
пусть же золото и золото сплавятся в слиток,
и засверкает корона цельнолитая».

Тайный осведомитель тоже снабдил пергамент пояснением, на отдельном листке, подшитом к предсказанию колдуньи. Суть в том, что предводитель разбойников Бартлет Грин, упомянутый в письме к епископу Боннеру, был схвачен и брошен в темницу:

«В понедельник на Святой неделе после Великого праздника Воскресения Господня, в лето 1550-е.

Шайка Бартлета Грина разбита, сам же он схвачен, однако не ранен, что поистине чудом почитать должно, ибо сражение вышло презестокое. Теперь сей преступник, душегуб и злостный еретик надежно закован в цепи, а сторожат его и днем и ночью, так что ни один из послушных ему демонов, ни сама Черная Исаида, кумир поганый, вызволить его не сумеют. Над кандалами его, как ручными, так и ножными, троекратно возгласили „Изыди, сатана!“, сопроводив сии слова крестным знаменем и щедро окропив железа святою водой.

Посему возношу истовую молитву Господу, да исполнится по Его воле пророчество святого Дунстана, в согласи с коим осквернитель святого праха, подстрекавший чернь к святотатственным деяниям, – уж не известный ли Джон Ди? – не избежит кары, но будет подвергнут гонениям, преследованиям и мукам до скончания века. Аминь!»

Вместо подписи тайный осведомитель поставил свой значок)+(.

В новой связке бумаг, которую я наугад вытащил из посмертного архива моего кузена Джона Роджера, оказался дневник нашего далекого предка сэра Джона Ди. Я сразу это понял, как и то, что дневниковые записи служат продолжением сюжета, завязка которого находится в доносе тайного осведомителя, и относятся к тем же годам.

Из дневника, начатого Джоном Ди, баронетом Глэдхиллским, в день торжественного присвоения ему звания магистра.

«В день святого Антония²³, лета Господня 1549-го.

...Да будет день посвящения нашего в магистры днем превеликого пьянства пред лицом Господа! Ах, как ярко воссияют в хмельном пылу носы и плечи отменнейших ученых мужей нашей Англии! Ну да я их проучу, узнают, каково со мной тягаться!..

...Ох, окаянный денек... Окаянная ночь!.. Нет, благословенная ночь, если я заслужил такое!.. Перо нещадно рвет бумагу, все оттого, что рука моя до сих пор пьяна, да-да, пьяна! А разум? Он ясен, как никогда. Снова бранится: проспись, свинья, довольно колобродить! И яснее ясного, светлее солнца мысль: я властитель над всеми следующими поколениями. И вижу нескончаемый ряд моих потомков – королей! Королей на английском престоле!..

...В голове наконец прояснилось. Но как вспомнишь минувшую ночь, ее события, голова начинает трещать немилосердно, того и гляди расколется. Надобно все обдумать без спешки и хорошенько понять. После обильных возлияний в честь новоиспеченного магистра Гиллфорда Толбота слуга приволок меня домой, а уж как – одному Богу ведомо. Если сия попойка не была наихмельнейшей из всех, случившихся с тех пор, как стоит Альбион, то... Довольно! Скажу лишь, что пьян я был как никогда еще за всю мою жизнь. Праотцу Ною далеко до меня...

Ночь выдалась теплая и дождливая. Должно быть, потому и вино так крепко ударило в голову. Платье мое испорчено, не иначе я вывалялся в грязи, когда на четвереньках добирался до дому.

Очувившись наконец в опочивальне, слугу прогнал с глаз долой, потому как не терплю, чтобы меня, как малое дитя, обихаживали, когда борюсь с бесами опьянения, и уж тем паче не желал бы уподобиться хмельному старцу Ною, на постыдную наготу коего пришлось набросить одежды.

Итак, я стал разоблачатся без помощи слуги. И поскольку преуспел, то с изрядной гордостью взглянул в зеркало.

Что же узрел в нем? Из зеркала с кривой ухмылкой смотрела самая жалкая, убогая, несчастная харя, какую только можно вообразить, – персону с высоким лбом, однако с низко зачесанными пегими, некогда темными волосами, поневоле заподозришь, что скрытое под ними чело есть обиталище низменных страстей, рождаемых пришедшим в упадок рассудком. Взор голубых глаз отнюдь не поражает царственной властью – он сален, мутен от пьянства, притом нагл. Разъявленная слюнявая пасть и неряшливая козлиная борода, полная

²³ *Святой Антоний* (251–356) – египетский пустынный, проповедовавший отшельническое уединение, непрестанные молитвы и физический труд. Испытание святого Антония бесами – тема, привлекавшая многих писателей и художников: Г. Флора, И. Босха, А. Дюрера. Прим. – В. Ахтырская

противоположность губам – тонким, привычным приказывать, губам истинного потомка Родрика²⁴, да еще жирная шея, обвислые плечи... – словом, позорный, издевательский портрет отпрыска рода Ди, Глэдхиллских баронетов!

Холодная ярость охватила меня, я приосанился и крикнул уроду за зеркальным стеклом:

– Свинья! А кто же ты, коли не отвратный боров, с головы до пят замаранный уличной грязью? И ничуть не стыдишься? Или никогда не слышал – «и вы будете, как боги»?²⁵ Сюда смотри, на меня! Где в тебе хотя бы малейшее сходство со мною, потомком Хьюэлла Дата? Нет и в помине! Негодный ты, потасканный и грязный призрак, а не баронет, человек благородного звания. Потрепанное пугало огородное, а не магистр свободных искусств. Довольно, хватит скалиться пренагло в лицо мне! И ты, и зеркало сие пусть тысячей осколков падут ниц предо мной!

И я занес руку для удара... тут некто в зеркале тоже поднял руку, и почудилось, будто молит он о пощаде, хотя, может стать, сие лишь померещилось моей воспаленной хмельной фантазии.

Глубокая жалость к приятелю из зеркала внезапно пронзила мою душу, и я сказал:

– Джон! Хотя навряд ли ты, свинья, заслуживаешь сего почтенного имени... Джон, заклинаю тебя колодезем святого Патрика²⁶, одумайся! Обрати помыслы свои к добру, возродись в духе, ежели хочешь и впредь оставаться верным моим спутником. Воспрянь же наконец, чертов пропойца!

И в тот же миг отражение в зеркале горделиво расправило плечи, чего и следовало ожидать, коли поразмыслить о том на трезвую голову, но в хмельном угаре я решил, что зеркальный мой приятель и впрямь вознамерился изменить нрав свой к лучшему, а потому, взволнованный до глубины души, я воскликнул:

– Ах, свинский собрат мой, стало быть, ты уразумел, что отныне не должно тебе жить по-прежнему! Отраднo мне, друг дорогой, видеть твое стремление к духовному возрождению, ибо... – тут из глаз моих хлынули слезы умиления и жалости, – ибо в ином случае что станет с тобою?

Тот, к кому обращался я с речами, в свой черед лил слезы, что еще более укрепило меня в нелепом заблуждении, будто бы изрек я слова изумительно мудрые, и я продолжал речь, обращенную к кающемуся грешнику:

– По великой милости Всевышнего, падший собрат мой, ты ныне явился мне в прискорбной своей бедственности. Пробудись же и сверши столь многое, что тебе под силу, а я... обещаю!.. я впредь не буду с тобой, нынешним, знаться и... и... – Судорожная икота, вызванная выпитым вином, сдавила горло и принудила меня умолкнуть на полуслове.

Но тут – ужас леденит душу! – в ответ раздался голос моего зеркального двойника, ровный и мягкий, однако прилетавший словно бы издалека и как бы шедший через длинную трубу:

– ...и не найду ни покоя, ни отдыха, пока не взяты будут прибрежные земли Гренландии, страны под небесами, озаренными северным сиянием... Пока не ступит нога моя на ту землю,

²⁴ ...потомка Родрика... – Родрик (Родри Маур, Родри Великий, ум. 878 г.) – король Уэльса, дед Хьюэлла Доброго. Прим. – В. Ахтырская

²⁵ ...Или никогда не слышал – «и вы будете, как боги»? – Дьявол, искушая Еву отведать плодов дерева познания, говорит: «... в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:5). Прим. – В. Ахтырская

²⁶ Колодезь святого Патрика (Чистилище святого Патрика) – пещера на крохотном островке в озере Лох-Дерг в Ирландии, по преданию, вход в потусторонний мир, до наших дней место паломничества католиков, неоднократно упоминавшееся в произведениях средневековой ирландской литературы, написанных в жанре «видения». Прим. – В. Ахтырская

пока не покорится Гренландия моей силе... Завладею Гренландией – завладею королевством заморским и короной Англии!

Голос умолк.

Как добрался я, нетрезвый, до постели, не помню. Смятение в мыслях настало великое, противиться ему не было силы. Мысли кипели и бурлили надо мной, как бы до меня самого не касаясь.

Они были превьшие меня, однако же я их направлял.

Из зеркала ударил вдруг яркий луч... вот она, суть роившихся надо мной мыслей, – падающая звезда! Луч поразил меня и пронизал насквозь, но заскользил в будущее, он озарил всех ныне еще не рожденных моих потомков! Вспышка сия есть посыл в грядущие столетия.

Я поспешил запечатлеть сей феномен и дрожащей рукой описал его, насколько сумел, в дневнике. После чего, мысленным взором оглядевши таинственным образом представляющую в моем воображении долгую галерею венценосцев, которым суждено продолжить мой род, я, не расставаясь с ними образами, погрузился в сон.

Ныне постиг: коли стану я королем Англии – а что может воспрепятствовать осуществлению чудесного, сверхъестественного и все же таки явившегося моим чувствам откровения? – коли стану королем Англии, то на троне, на каковой первым взойду я, будут в дальнейшем восседать мои сыны, внуки, правнуки. Хо-хо! Я вижу перед собой святую истину! Клянусь знаменем святого Георгия, вижу и путь к ней! Я, Джон Ди.

В день святого Павла²⁷, лета 1549-го.

Ныне долго размышлял о пути моем к престолу.

Грей²⁸ и Болейн²⁹ – сии имена наличествуют в нашем родословии. Стало быть, королевская кровь течет в моих жилах. Король Эдуард³⁰ хвор и немощен. Скоро уж кровохарканье уложит его в гроб. За престол будут бороться две женщины. Где же знамение Господне?.. Мария³¹ – Игрушка в руках католиков. Уж если кто вовек не признает меня своим другом, так это попы. Вдобавок Марию точит тот же недуг, что и брата ее, Эдуарда. Чихотка. Кашель. Тьфу ты, пропасть! И руки у нее всегда влажные и холодные.

Стало быть, судьбе и Богу угодна другая – Елизавета. Наперекор всем козням врага рода человеческого восходит ее звезда.

Каковы мои диспозиции? Я был представлен ей. Дважды в Ричмонде и в третий раз в Лондоне. В Ричмонде я для нее достал из пруда лилию, испачкав при сем туфли и чулки.

А в Лондоне... Ну что же... Прикрепил ленточку на ее платье, как раз на бедре, за что она отблагодарила меня пощечиной. Думаю, для начала немало.

²⁷ *Святой Павел* – «апостол язычников», не знавший Христа в его земной жизни и не входивший в число двенадцати апостолов, но как миссионер и богослов почитаемый наравне с апостолом Петром. Первоначально носил имя Савл (Саул) и был гонителем христиан. Впоследствии уверовал и стал проповедовать Слово Божие среди язычников. Принял мученическую смерть в правление императора Нерона, около 65 г. *Прим. – В. Ахтырская*

²⁸ *Грей* – аристократическое семейство Грей, герцоги Саффолкские. Находились в родстве с правящей династией Тюдоров, после смерти юного короля Эдуарда VI претендовали на трон. Трагическую известность приобрела представительница этого рода леди Джейн Грей (1537–1554), одна из наиболее образованных и утонченных женщин эпохи, ставшая заложницей своего высокого происхождения: честолюбивый Джон Дадли, граф Уорвик, приближенный короля, выдал ее замуж за одного из своих сыновей и настоял на том, чтобы умирающий король Эдуард VI изменил завещание в ее пользу. Джейн Грей процарствовала всего девять дней, затем была низложена, вместе с семьей мужа заточена в Тауэр и впоследствии казнена. *Прим. – В. Ахтырская*

²⁹ *Болейн* – дворянское семейство, возвысившееся в годы правления Генриха VIII, вторым браком женатого на Анне Болейн (1501?–1536). *Прим. – В. Ахтырская*

³⁰ *Король Эдуард* – Эдуард VI Тюдор (1537–1553) – английский король, сын Генриха VIII и Джейн Сеймур; правил шесть лет (1547–1553). *Прим. – В. Ахтырская*

³¹ *Мария* Тюдор (Мария Кровавая, 1512–1558) – английская королева, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Взошла на престол после смерти единокровного брата Эдуарда VI. Проводила чрезвычайно непопулярную в стране политику восстановления католицизма, преследованиями протестантов заслужила прозвище Кровавая. *Прим. – В. Ахтырская*

Отправил в Ричмонд надежных лазутчиков. Надобно найти какой-то предлог...

О расположении и устроениях леди Елизаветы поступили добрые вести. Ей надобно ученыя занятия, она жаждет приключений. Знать бы, где нынче обретается московит Маски!

Нынче прислали карту Гренландии, ту, что я выписал из Амстердама, увраж любезного друга моего, мастера картографии Герарда Меркатора³².

В день святой Доротеи³³.

Нынче объявился у меня Маски. И сразу спросил, не может ли чем услужить. У него, мол, имеются новые диковины азиатские. Приход московита поверг меня в изумление, ибо в недавнее время тщетно пытался я его разыскать. Маски упросил меня сохранить в тайне это посещение. А пребывание московита в моем доме ныне дело нештучное, может и головы стоить. У епископа Боннера во всех щелях доносчики и шпионы.

Маски показал два шарика из слоновой кости, красный и белый, каждый состоит из двух полусфер, соединяемых посредством резьбы. Никакой особой ценности я в них не усмотрел, но оба купил, отчасти по причине собственной ретивости, отчасти желая Маски к себе расположить... Он обещал мне всяческое содействие. Я попросил его приготовить действительный любовный эликсир, колдовской напиток, что пробуждает любовь испившего сего зелья и дарует счастье тому, кто, посылая напиток своей возлюбленной, сотворит молитву. Маски сказал, он, мол, эликсир не приготовит, но раздобудет. Мне-то какая разница? Я иду напролом, побыстрее бы цели достичь. На шарах же слоновой кости, купленных у Маски, я шуточки ради нацарапал какие-то знаки. И отчего-то вдруг шары сии вызвали во мне страх и отвержение, странное дело! Я выбросил их за окно, вот так-то...

Маски, царский (сие верно ли?) магистр, для приготовления любовного „фильтра“ потребовал дать ему моих волос, крови, слюны, да еще... тьфу! Получил все, что ему надобно. Мерзостно, однако годится, ибо приведет к заветной цели!

В день святой Гертруды³⁴, лета 1549-го.

Заметил нынче, что не могу хотя бы на минутку отвлечься от сладостных мечтаний о леди Елизавете. Сие мне незнакомо. Раньше леди Елизавета сердцу моему была вполне безразлична... Нет-нет, я должен исполнить то, что предрек глас зеркальный... Обмануться я не мог. События той ночи, бывшие столь поразительными в своей действительности, поныне жгут мне душу, как и в то памятное утро после пробуждения.

Но нынче все мои помыслы устремились к моей... клянусь святым Георгием, я доверю сие бумаге: невесте! К Елизавете!

Что же ей известно обо мне? Ничего, вероятно. Быть может, помнит, как я промочил ноги, срывая водяные лилии, пожалуй, еще – что однажды дала мне пощечину.

Не более.

А мне что известно о леди Елизавете?

Поистине – престранная отроковица. Вместе и сурова, и мягка. Весьма искренна и прямодушна, но притом загадочна, как старинная книга. Припоминаю ее обхождение с камерист-

³² *Герард Меркатор* (латинизированный вариант имени Герарда ван Кремера, 1512–Прим. – В. Ахтырская 1594) – выдающийся фламандский картограф и географ, автор наиболее точных карт и глобусов своего времени.

³³ *Святая Доротея* – такое имя носили несколько католических святых, жившие в начале нашей эры. Две из них приняли мученическую смерть в Риме, соответственно в годы правления Нерона и Диоклетиана, третья – в Каппадокии. Прим. – В. Ахтырская

³⁴ *Святая Гертруда*. – Трудно сказать, о какой святой идет речь. Возможно, Джон Ди имеет в виду святую Гертруду, аббатису Хельфтскую (ок. 1256–1301), автора религиозных произведений в жанре мистической поэзии, особо почитаемую в Трире и Кельне. Прим. – В. Ахтырская

ками и подругами. Иной раз мнится, будто не дева то была, а дерзкий мальчишка в девичьем платье, коего не мешало бы приструнить.

Однако мне пришелся по сердцу ее смелый и твердый взор. Должно быть, она не упускает случая наступить кое-кому из святых отцов на мозоль, а почтения не выказывает ни перед кем.

Если же надобно, ластится, словно кошка, и добивается своего. Иначе и я не полез бы в грязный пруд за лилиями.

Ручка у нее тяжелая, судя по той пощечине, но притом мягкая, точно кошачья лапка. *In sima*³⁵, как говорят логики, королева!

О да, я решился изловить не простую кошечку, а царского зверя – при мысли этой прямо-таки в жар бросает.

Маски опять скрылся.

Нынче от одного верного человека узнал я о прогулке принцессы верхом, вызвавшей много толков да пересудов. И ведь как раз в тот день – день святой Гертруды – посетили меня столь странные сладостные мечтания... Принцесса в Эксбриджском лесу сбилась с дороги, и магистр Маски указал ей и ее спутникам хижину матушки Бригитты³⁶ на болотах.

Елизавета выпила любовный эликсир! Да благословит Господь сей напиток!

Леди Эллинор Хантингтон замышляет недоброе, клянусь спасением души, она хочет помешать нашей будущей свадьбе, потому и попыталась в возмутительном высокомерии вышибить из рук принцессы чашу с напитком. Не тут-то было...

Ненавижу эту надменную, жестокосердную особу.

Сгораю от нетерпения: когда же можно будет посетить Ричмонд? Как только улажу все необходимые дела и развяжусь с некоторыми обязательствами, не мешкая подыщу предлог, объясняющий мою поездку в Ричмонд.

Итак, Елизавета, до свидания!

В день Богородицы скорбящей.

Мучат тревоги. Недавние предприятия Воронов внушают большие опасения.

В день святого Квирина³⁷.

Равнодушие правителя Уэльса окончательно сбивает меня с толку. Почему не принимаются меры к защите Воронов? Почему не использовать вместо них какую-то другую шайку?

Неужели движению евангелистов пришел конец? Неужели лорд-протектор готов предать своих верных подданных?

По всей видимости, я совершил глупость. Нельзя, ох нельзя было идти на союз с чернью. Дело не выгорит, только замараешься.

И все же, если тщательно все взвесить, мне не за что корить себя. Ибо сведения, поступающие ко мне из лагеря реформаторов-евангелистов, вполне надежны. Пути отступления им отрезаны.

Лорд-протектор... (здесь листок оборван)... на завоевание Гренландии. Какое войско, если не сию ораву отчаянных матросов и отслуживших свое наемников, я смогу снаря-

³⁵ Одним словом, коротко (лат.). – Прим. перев.

³⁶ ..хижину матушки Бригитты... – Речь идет о кельтской языческой богине Бригитте (Бригантии), покровительнице мудрости, врачевания, кузнечного дела, дочери «доброго бога» Дагды, кельтского Зевса. Древние греки отождествляли ее с Афиной. Принятие христианства превратило Бригитту в святую, особенно любимую в Ирландии, но одновременно выделило ведьмовскую ее ипостась. Прим. – В. Ахтырская

³⁷ **Святой Квирин** (ум. ок. 115) – римский воин, по преданию, тюремщик епископа римского Александра. Квирин и его дочь Бальбина приняли крещение от терпящего за веру епископа. Принял мученическую смерть – был обезглавлен, не пожелав отречься от веры Христовой. Прим. – В. Ахтырская

дуть незамедлительно, как только начнутся сборы в опасный поход, на завоевание северных земель?

Звезда меня выведет! Незачем отвлекаться пустыми размышлениями.

В четверг на Страстной неделе.

О проклятые страхи! День ото дня гложут все злее. Поистине, сумеи человек превозмочь свой страх, раз и навсегда отбросить робость, причем и ту, что потаенно обитает в душе, он стал бы чудотворцем – вот что я думаю. Силам тьмы пришлось бы подчиниться такому смертному... Все еще нет известия от Воронов. Все еще нет известия и от „магистра русского царя“. И ни единой весточки из Лондона!

Последние денежные отчисления в походную казну Бартлета Грина – о, если бы никогда в жизни не слыхивал я сего имени! – превысили мои возможности. Если из Лондона не придет ответ, я буду связан по рукам и ногам!

Нынче прочитал о дерзком разбойничьем набеге Бартлета Грина на вертеп папистов. Подобного этому удалому налету еще не бывало. Не иначе сам черт сделал душегуба неуязвимым для пуль и клинков, однако про других головорезов из его шайки этого не скажешь. Безрассудная вылазка!

Если Бартлет будет и впредь одерживать победы, чахоточной Марши не видать трона как своих ушей. На престол взойдет Елизавета. И тогда – вперед к вершинам!

В Страстную пятницу.

Неужто проснулась та свинья в зеркале? Снова на меня пялится пьяная харя? Напился, негодяй?

С бургундского на ногах не стоишь?

Нет, жалкий слабак, признайся: ты пьян от страха.

О Господи, ведь предчувствовал я! Воронам конец. Их окружили.

Губернатор... я плюну ему в лицо, да, харкну в проклятую физиономию господина лорда!

Опомнись, приятель! Ты сам, на свой страх и риск, поведешь Воронов в бой! Вороны, дети мои! Эгей!

Не трусь, старина Джон, не трусь!

Не трусь!

В день Воскресения Христова, лета 1549-го.

Что же теперь делать?..

Вечером я изучал карту Меркатора, как вдруг дверь словно сама собой отворилась и вошел незнакомый человек. Ни каких-либо знаков, ни оружия, ни письма, удостоверяющего личность, при нем не было. „Джон Ди, – сказал он, – пора покинуть эти места. Обстоятельства неблагоприятны. Все дороги перекрыли враги. Твоя цель недоступна. Остался лишь один путь – морем“. И, не попрощавшись, незнакомец ушел. А я был не в силах шевельнуться.

Наконец вскочил и бросился бежать по коридорам и лестницам, но нигде не обнаружил моего таинственного посетителя. Дойдя до ворот, я спросил кастеляна: „Ты кого это, любезный, пустил в дом в столь поздний час?“ Кастелян ответил: „Никого, ваша светлость, никого не видел!“ С тем я и вернулся в комнаты, теряясь в догадках, и вот сижу один и все думаю, думаю...

В понедельник на Святой неделе по Воскресении Господа нашего Иисуса Христа.

До сих пор не решился бежать.

Морем? Это означает, что я должен покинуть Англию, расстаться с моими планами, надеждами... эх, напишу честно: с Елизаветой!

Хорошо, что меня предостерегли. Вороны, как я слышал, потерпели новое поражение. Навлекли на себя беду тем, что посмели осквернить склеп святого Дунстана... именно так скажут католики. Что, если святотатство сие и мне принесет несчастье?!

Пусть! Надо мужаться! Кто посмеет заявить, что я в тайном сговоре с бандитами? Я, баронет Глэдхиллский Джон Ди!

Признаю, это было безрассудством. Да хоть бы и глупостью. Только не трусь, Джонни! Я безвылазно сижу дома, занимаюсь humaniora³⁸, и вообще я почтенный человек, дворянин и ученый!

Нет, не оставляют меня сомнения. Сколь многообразны орудия ангела, имя коему – страх!

Не лучше ли покинуть на некоторое время Альбион?

Черт бы побрал эти последние денежные пожертвования, из-за них я гол как сокол. Не беда! Попрошу займы у Толбота. Он даст.

Решено! Завтра утром я...

Господь Всемилостивый, что такое? Что за шум за дверьми?.. Кто там?.. Я слышу звон оружия! Что это значит? И голос... это же голос капитана Перкинса, он командует, да, вне сомнений, это капитан Перкинс, начальник стражи Кровавого епископа!

Стиснув зубы, пишу, я должен все записать, что бы ни случилось. Молоток грохочет, стучит по дубовым дверям... Уймись, волнение, – не так-то просто вышибить двери, я буду писать, буду, я должен записать все до последнего слова...»

Дальше я увидел приписку, сделанную рукой Роджера, в ней говорилось, что Джон Ди, наш с ним предок, был арестован, что подтверждается письмом:

«Подлинное письмо, доставшееся мне, Джону Роджеру, в наследство от Джона Ди, донесение капитана епископской охраны Перкинса его преосвященству епископу лондонскому Боннеру.

<Дата неразборчива>

„Настоящим доношу вашему преосвященству, что Джон Ди, эсквайр, находившийся в своем замке Дистоун, взят под стражу. Означенный Джон Ди был обнаружен нами при открытой чернильнице и с пером в руке за столом с географическими картами. Ничего написанного его рукой, однако, найти не удалось. В замке мной учинен обыск.

Арестант той же ночью доставлен в Лондон.

По моему приказу его поместили в номере 37-м, ибо в Тауэре сия камера самая надежная. Осмелюсь полагать, что арестант отрезан от своих многочисленных влиятельных знакомых, чье местонахождение выявить весьма трудно. Для верности 37-ю камеру, в коей помещен узник, гласно именую номером 73-м, ибо влиятельность некоторых друзей арестанта необычайно велика. Всецело полагаться на тюремщиков и сторожей нельзя, потому как алчны непомерно, среди же еретиков богачеев премного.

Пособничество Джона Ди разбойничьей шайке Воронов можно почитать доказанным, прочее же покажет допрос с пристрастием.

Вашего преосвященства покорнейший слуга Ги Перкинс, капитан, своей рукой написал».

³⁸ Филология и связанные с нею дисциплины, представляющие основу классического образования (лат.). – Прим. перев.

Колодезь Святого Патрика

Я дочитывал рапорт капитана Перкинса, как вдруг раздался резкий звонок, заставивший меня вздрогнуть. Я открыл дверь. Мальчишка-посыльный принес письмо от Липотина.

Когда меня отрывают от каких-то занятий, я раздражаюсь и поэтому совершил ужасный по нашим понятиям проступок – забыл дать пареньку на чай. Неприятно! А как исправиться? Липотин редко присылает записки с посыльным, и каждый раз их приносит новый мальчишка. Должно быть, среди бездомных шалопаев большого города у Липотина множество приятелей, готовых услужить.

Но что же он пишет?

«1 мая, в день св. Социуса³⁹.

Михаил Архангелович сердечно благодарит – к нему вызвали врача, сейчас он чувствует облегчение.

А пропус⁴⁰, чуть не забыл: он просит вас поставить серебряный ларчик в строгом соответствии с земным меридианом. А именно: расположите ларец так, чтобы воображаемая прямая меридиана проходила вдоль китайского орнамента в виде волнистых линий на крышке ларчика.

Зачем это нужно, не могу сказать – у Михаила Архангеловича, когда он объяснял, как надо поставить ларец, опять пошла горлом кровь, я, разумеется, не докучал ему дальнейшими расспросами.

Скорей всего, эта старинная серебряная шкатулка желает именно такого расположения, ибо чувствует себя на меридиане наилучшим образом! Сделайте милость, для вас это суций пустяк, а ларчику будет приятно. Не взывайте, если, на ваш взгляд, подобная просьба не лезет ни в какие ворота, – видите ли, антиквару, который всю жизнь провел в окружении вещей, похожих на столетних старцев, отчасти известны их привычки и склонности, у нас, знатоков старины, со временем появляется чутье, позволяющее распознавать тайные желания и мнимые хвори антикварных вещей, капризных, точно старая дева. Наш брат с их причудами считается.

Наверняка вы подумали: эдакой тонкости чувств не было, поди, в старой России и тем более нет в нынешней! О да, людей, разумеется, третируют, ведь их духовная ценность ни гроша не стоит. Но красивые старые вещи далеко не так выносливы, как люди...

Знаете ли вы, что китайский орнамент в виде волны на крышке ларчика есть древний символ даосизма, знак бесконечности, а в известных случаях – вечности? Ну, это так, к слову пришлось...

Преданный вам Липотин».

Я бросил записку в корзину...

Ну и ну, что-то не по себе мне от этого «подарка» умирающего барона Строганова. Ладно, где он, мой компас? Не сразу нашел, потом долго возился, прежде чем удалось определить направление меридиана. И конечно же, оказалось, что письменный стол стоит поперек. Вот славная вещь, преклонных лет стол, а никогда еще не позволял себе капризничать и требовать,

³⁹ *Святой Социус* – видимо, речь о дьяконе Соции, обезглавленном вместе с епископом Неаполитанским Януарием ок. 305 г. в царствование императора Диоклетиана. 1 мая считается днем обретения мощей святого Януария. *Прим. – В. Ахтырская*

⁴⁰ Кстати, между прочим (*фр.*). – *Прим. перев.*

чтобы поставили в каком-то соответствии с направлением земного меридиана, якобы для его, стола, благоденствия.

Сколько тайного высокомерия во всем, что приходит с Востока!.. Ну хорошо, я сориентировал тульскую шкатулку по меридиану... Еще не перевелись на свете простаки (и сам я в их числе), уверенные, будто бы у человека есть воля и он ее хозяин!.. Каков же результат моей слабохарактерности? Книжки, бумаги на столе, и сам стол, и комната, ее обстановка и давний, привычный порядок – буквально все словно перекошено и меня не устраивает. Уже не я, а разлюбезный меридиан здесь хозяин!.. Или тульский ларчик. Все, что стоит, лежит, висит, – вещи в комнате с ним в раздоре, все не по нутру несносному маленькому азиатцу! Подойдя к столу, смотрю в окно... Час от часу не легче – похоже, все на свете теперь идет вкривь и вкось!

Нет, нельзя оставить все как есть, отсутствие порядка раздражает. Надо или убрать со стола ларчик, или... О Господи, нельзя же перевернуть весь дом вверх дном ради нелепых причуд какой-то шкатулки!

Я сижу, уставясь на серебряного тульского кобольда, и в конце концов со вздохом признаю: да, клянусь колодезем святого Патрика, это правда – ларчик стоит правильно, у него есть надежный ориентир, а мой стол, моя комната в беспорядке, да вся моя жизнь идет как попало, без плана и системы, без разумного направления, просто раньше я этого не замечал... Эге, а вот это уже навязчивая идея!

Так и тянет немедленно приступить к перестановке, а сам я при этом должен сесть за стол и, как стратег, продумать план нового расположения вещей. Нет, надо отвлечься! Я поспешно вытаскиваю из кипы бумаг Джона Роджера новый листок.

Он сам лезет в руки, этот листок, исписанный прямым упрямым почерком. Тут есть заголовок... «Колодезь святого Патрика»!

Вот тебе раз! Что же это обитает в моей душе? Почему всего минуту назад я в запальчивости произнес именно: «Клянусь колодезем святого Патрика»? Ведь никогда раньше я слыхом не слыхал о подобной клятве. Слова сами слетели с губ, я понятия не имею, где они могли мне встретиться... Пстой!.. Кажется, где-то... да ведь только что... Пспешно листаю назад лежащую на столе рукопись, которую читал вчера, вот и нашел – в дневнике Джона Ди, черным по белому: «Джон, Джон, заклинаю тебя колодезем святого Патрика, одумайся! Обрати помыслы свои к добру, возродись в духе, ежели хочешь и впредь оставаться верным моим спутником». Так Джон Ди взывал к своему отражению в зеркале, да: «...заклинаю тебя колодезем святого Патрика, одумайся!»

Странно. Какое там – «странно»! Выходит, Джон Ди увидел в зеркале меня? Я – его отражение? Или я – отражение себя самого и из зеркала на меня воззрилось отражение, пьяное, опустившееся, замызанное, с мутным бессмысленным взором? Но... разве ты пьян, если тебе всего лишь – всего лишь? – бросилось в глаза, что твоя комната... не сориентирована по земному меридиану?.. Да что ж это за фантазии, что за сны наяву, средь бела дня?! Наверное, меня одурманил дух тленья, им же так и веет от бумаг покойного кузена.

Хотелось бы знать, какая там история с этим колодезем святого Патрика... Едва протянул руку к пачке бумаг, и в ту же минуту – я вздрагиваю, точно от холода, – в ту же минуту держу листок с подробным пояснением – еще одна записка, приложенная к дневнику моим кузеном Роджером! В ней излагается старинная легенда.

«Святитель Патрик, собираясь покинуть пределы Шотландии и обратить свои стопы в Ирландию, прежде взошел на гору, дабы сотворить посты и молитвы. С вершины обозрел он окрестность и увидел, что в землях тех много водится змей и ядовитых гадов. Святой воздел свой жезл, пригрозил опасной нечисти, и все змеи со злобным шипением, прыская ядом, сгнули. Но вскоре на вершину взошли люди, пожелавшие насмеяться над святителем. К увещаниям они остались глухи, и тогда святой Патрик воззвал к Господу и попросил Его явить

знамение, дабы утрашить язычников, после чего ударил жезлом о скалу под своими ногами. И в скале разверзлась пропасть, круглая, как колодезь, а из недр земных поднялись дым и огненные языки. Пропась эта нисходила в чрево земли, и оттуда доносились вопли и проклятия обреченных на адские муки грешников. Люди, увидев это, ужаснулись, ибо поняли, что святой Патрик отверз преисподнюю.

А святитель молвил: „Если кто сойдет туда, то принесет покаяние и другого с него не спросится, а ежели есть в таком грешнике хоть капля чистого золота, она расплавится в геенне за один день и одну ночь“. Многие сошли в пропасть, лишь немногие вернулись. Ибо всякому воздается по грехам его, одних огонь судьбы очищает, других уничтожает.

Пропась эта – чистилище святого Патрика, и каждый может там испытать свою душу: готова ли она ради вечной жизни окунуться в дьявольскую огненную купель...

Сказывают, будто и поныне разверст на той горе колодезь святого Патрика, но увидеть его дано не каждому, а лишь тому, кто для такого испытания подготовлен и наставлен, но главное условие – он должен быть рожден ведьмой или блудницей в первый день мая. В новолуние, когда тонкий серп новорожденной луны, взойдя, повисает прямо над пропастью, к черной половине лунного диска возносятся из глуби земной проклятия грешников, их изуверские дьявольские молитвы, затем они падают на землю каплями росы, и из этого сатанинского семени рождаются черные кошки».

– Меридиан, – я заговорил вслух, – волна на крышке серебряного ларца – китайский символ вечности! Хаос в моей комнате! Чистилище святого Патрика! Наказ моего предка, Джона Ди, двойнику в зеркале: возродись в духе, ежели хочешь и впредь оставаться верным моим спутником... А эти слова: «...многие сошли в пропасть, лишь немногие вернулись»? Черные ведьмовские кошки...

В моих мыслях полнейшее смятение, вихрем проносятся образы, чувства, слова. В их кружащемся водовороте мерцает некая догадка, точно яркий солнечный луч, пронизывающий пелену облаков. Я пытаюсь поймать его, облечь в слова, но чувствую лишь разбитость и бессилие.

Итак, да! Да, да, завтра же, клянусь Богом, я сориентирую свою комнату по меридиану, иначе не видать мне покоя.

Ох, работенка предстоит – все тут перетаскивать да переставлять! Чертов ларчик!

Опять рылся в архиве предка. Теперь под руку подвернулась тоненькая книжичка в ядовито-зеленом сафьяновом переплете. Переплет, несомненно, конца семнадцатого столетия. А в самой книжечке, видимо, рукописные заметки Джона Ди, начертания букв, шрифт – те же, что и в его дневнике. Но она сильно обгорела, некоторые страницы полностью уничтожены огнем.

На форзаце что-то написано очень мелким, бисерным почерком. Рука незнакомая! Привожу дословно: «Сожги, когда Черная Исаида глядит с ущербной луны. Во имя спасения твоей души, тогда сожги!»

Должно быть, этот наказ попытался исполнить неизвестный (новый персонаж!) более поздний владелец книжечки. Должно быть, Черная Исаида поглядела на него с темной части диска ущербной луны, и он, спеша избавиться от книжки, бросил ее в огонь. Вот она и обгорела... хорошо, но кто в таком случае спас книжку, кто не дал ей сгореть дотла? И кто первый, неизвестный автор предостерегающих строк, кому она, как говорится, жгла руки?

Нет ни приписки, ни какого-то знака, который подсказал бы разгадку.

Надпись на форзаце сделана определенно не Джоном Ди. Значит, кто-то из его наследников оставил предостережение, исходя из собственного печального опыта.

А то, что еще удалось разобрать на зеленом сафьяновом переплете, мой кузен Роджер по обыкновению переписал на особый листок и вложил в книжку: «Ежедневник Джона Ди за 1553 год». Значит, он вел его тремя-четырьмя годами позже, чем свой «Дневник».

Серебряный башмак Бартлета Грина

«Сии записки мною, магистром Джоном Ди, бывшим некогда тщеславным щеголем и весьма заносчивым невеждой, составлены после неисчислимо долгих страданий, с тем чтобы не замутилось зеркало, в коем вижу себя, а равно и для памяти; пусть послужат мои записки благотворным предостережением всем в нашем роду, кто явится на свет после меня. Потомки мои будут венценосцами, вера моя в сие предсказание крепка ныне, как никогда. Однако корона повергнет их во прах, как то случилось со мной, ежели, предавшись легкомыслию и заносчивости, не распознают они врага рода человеческого, ежечасно подстерегающего смертного, с тем чтобы заманить в свои сети.

*Престол земной возносится чем выше,
тем жарче адский пламень пышет...*

Случилось со мной с Божьего соизволения в первый день на Святой седмице, в конце апреля месяца лета 1549-го от Рождества Христова вот что.

В тот день, когда тревоги мои и мучения из-за неизвестной моей судьбы возросли до крайности, ворвались ко мне капитан Перкинс и стражники Кровавого епископа – ох, недаром прозвали так чудище в облике человеческого, свирепствующее в Лондоне под видом церковного пастыря! – и именем короля взяли меня под стражу, именем Эдварда, слабогрудого отрока! Смех мой, исполненный горечи, озлобил стражников, насилу избежал я жестокой расправы.

Листки, которым поверял свои опасения, успел я в самый тот миг, когда ворвались стражники, спрятать в стенном тайнике, где, по счастью, уже схоронил все бумаги, кои могли бы навлечь на меня подозрение или изобличить как преступника. Слава богу, я давно уж выбросил в окно два костяных шара, подаренные магистром Маски, и сие впоследствии укрепило мой дух, ибо ночью, когда за мной пришли, понял я, вникнув в бесхитростные речи капитана Перкинса, что епископ особо строго наказал ему сыскать шары. Стало быть, с диковинами азиатскими любезного Маски не просто обстоит дело, а мне урок – магистру из Московии не доверяться.

Ночь выдалась душная, лошади скакали во весь опор. Горластые, бранчливые стражники торопили, не давая передышки, так что к утру мы достигли Уорвика. Нет нужды живописать дневные остановки, когда держали меня под замком, в зарешеченных конурах или башнях, скажу только, что накануне первого мая в поздний вечерний час мы прибыли в Лондон, и капитан Перкинс привел меня в одиночную камеру, расположенную в подземелье. Видя эти и другие меры, я сообразил, что стражи желают сохранить в тайне мое прибытие в Лондон и весьма опасаются, как бы кто не спас меня, с оружием в руках отбив у охраны. В то время, однако, рассчитывать на чью-то помощь не приходилось – ума не приложу, кто отважился бы на подобную дерзость.

Стало быть, Перкинс толкнул меня в камеру, и я очутился во мраке, на двери со скрежетом задвинулись засовы, затем все стихло, я стоял ошеломленный, ничего не различая в темноте, и неуверенно нашаривал ногой замшиелые сырые камни.

Никогда ранее не приходило мне на ум, что, проведя всего лишь несколько минут в темнице, человек ощущает в сердце своем глубочайшее одиночество. Никогда в жизни не раздавался в моих ушах шум собственной моей крови, теперь же он громыхал мощным рокотом волн в бескрайнем море одиночества.

Только было подумал я об этом, как вздрогнул от гулко-го рыка – то был твердый, насмешливый голос, донесшийся из глубочайшего мрака, и прозвучал он так, будто приветствовала меня сама непроглядная тьма:

– Входите, милости просим, магистр Ди! Добро пожаловать в темное царство низших богов! С каким великим изяществом баронет Глэдхиллский споткнулся о порог!

За издевательским приветствием последовал оглушительный хохот, но в тот же миг раздался урюмый рык грозовых раскатов и грянул мощный громовой удар, в гуле и треске которого потонул жуткий смех невидимки.

Темный подвал озарила молния, однако картина, представшая в сернисто-желтом зареве, была столь ужасна, что ледяной озноб пронизал меня с головы до пят: в застенке я был не один, напротив двери, через которую меня втолкнули в подземелье, на стене, сложенной из грубых каменных блоков, висел закованный в тяжелье цепи человек, повешенный с распростертыми руками и ногами, как распятый на кресте святой Патрик⁴¹.

Вправду ли я увидел сего распятого? Свет молнии озарил его на мгновение, длившееся не далее вдоха. Затем его снова поглотил мрак. Быть может, картина сия только почудилась? Быть может, ужасающий образ, будто опаливший мне глаза, существует лишь в моей фантазии и нигде больше, как некое видение в моем мозгу, явившееся из глубин и поразившее душу, но в действительности не имеющее телесного воплощения. Живой человек, преданный лютым крестным мукам... разве мог бы живой человек так спокойно и насмешливо изъясняться, да еще хохотать с издевкою?

И вновь засверкали молнии, они вспыхивали так часто, что под сводами подземелья разлился мерцающий, неверный беловатый свет. Господь Всемилостивый, не грезил я! Там и впрямь висел человек – исполин с рыжими длинными волосами, упавшими на лицо, так что поначалу я различил лишь всклокоченную рыжую бороду и приоткрытый тонкогубый рот, готовый, мнилось, опять исторгнуть издевательский хохот. Несмотря на жестокие страдания, причиняемые растянутыми в стороны руками и ногами, лицо несчастного не выражало ни муки, ни боли. Оробев, я едва вымолвил: “Кто ты, человек, там, на стене?” – как грянул новый оглушительный громовой раскат. Затем я услышал:

– А ведь ты, баронет Глэдхилл, должен был узнать меня даже в потемках! – Голос был насмешлив и весел. – Говорят, заимодавца на след должника нюх выводит!

От ужаса я похолодел:

– Не означают ли твои слова, что ты...

– Так точно! Бартлет Грин, сам Ворон и всем Воронам возжак, защитник всех безбожников Бридрока, посрамивший Дунстана, горлопана хвастливого. А сейчас я хозяин здешнего постоялого двора „Железа холодные – жаркий огонек“, куда заносит запоздалых путников, сбившихся с дороги, – к ним и тебя надобно причислить, могущественный покровитель реформаторов, взявшихся обновлять дух и тело Церкви! – Страшную речь завершил дикий хохот, распятый задергался всем телом; однако тряска не причинила ему, по-видимому, ни малейшей боли.

– Я погиб... – С горестным вздохом я бессильно опустился на узкую, побелевшую от плесени скамью, которую заметил в углу.

Гроза ревела и бушевала за окнами темницы. Я молчал, да и захоти я что-то сказать, всякое слово, вопрос или ответ, потонуло бы в громах небесных. Погибели не миновать, думал я, и смерть моя не будет легкой и быстрой, ибо, вне всяких сомнений, каким-то образом вышло наружу, что я пособничал мятежникам. Много, ох как много доходило до моих ушей о сред-

⁴¹ ...как распятый на кресте святой Патрик. – Св. Патрик распят не был, умер в Северной Ирландии в 461 г. Прим. – В. Ахтырская

ствах, кои Кровавый епископ пускал в ход, дабы „приготовить грешника к покаянию“, сподобить его „узреть парадиз ранее смертного часа“.

Грудь мою сдавило от безумного страха. Я не убоялся бы смерти быстрой и приличествующей рыцарю, но меня душил неопиcуемый, помрачающий разум страх, стоило лишь вообразить, что приближается палач, шарит по мне руками... и все исчезает в зыбкой кровавой мгле. Пытка! Не что иное, как страх предсмертных мучений, повергает человека в рабскую покорность, делает зависимым от земного бытия, ведь если бы не было боли и страданий, исчез бы в человеках всякий страх смерти.

Буря шумела, но я уже не слышал ее. От черной стены, как раз напротив меня, невдалеке, доносился то возглас, то громоподобный смех, но я и этого словно не замечал. Мыслями и чувствами моими всецело владели страх и безрассудные планы спасения, в безнадежности коих я, впрочем, отдавал себе полный отчет.

Ни единым словом я не воззвал к Богу.

Наконец – не ведаю, час прошел или более, – гроза стихла, мысли мои также потекли спокойнее, я опомнился и начал рассуждать здраво. Прежде всего, надо было без оговорок принять, что жизнь моя теперь в руках Бартлета Грина, если только он уже не выдал меня, сознавшись во всем. Дальнейшая моя судьба решится по его воле: либо он смолчит, либо признается.

Я положил хладнокровно и с осторожностью разведать, не удастся ли склонить Бартлета к молчанию, потому как, рассудил я, выдав меня, он, конечно, ничего не потеряет, но ничего и не приобретет; едва успел я так подумать, как был поражен событием столь невероятным и страшным, что все мои замыслы, надежды и хитроумные соображения рухнули, сметенные нахлынувшей волной ужаса.

Громадная фигура Бартлета Грина вдруг начала медленно раскачиваться на цепях, словно распятый вздумал исполнить некий танец. Он раскачивался все шибче, все быстрее, и в первых проблесках рассвета мне почудилось, будто закованный в цепи разбойник качается в свое удовольствие в гамаке, подвешенном меж двух зеленых берез в весеннем перелеске. Однако кости его страшно трещали и хрустели, словно выворачиваемые жуткими орудиями пытки.

И тут Бартлет Грин запел! Поначалу голос его звучал довольно приятно, но вскоре стал пронзительным, как звук шотландской волынки, а затем и вовсе превратился в грубый животный рев:

*Эгей! Хо-хо! Эгей! Хо-хо!
Вот благодать, воздух в мае хмельной,
Кошки в мае линяют.
Мяу, моя кошечка! Пой, котик, пой!
Кошки свадьбы справляют.*

*Эгей! Хо-хо! Эгей! Хо-хо!
Нынче от цветиков в поле пестро,
А кошки перелиняли.
Сжарили кошек давным-давно,
Славно они завывали!*

*Весело свищет на ветке скворец:
Кошки на вертеле – страхам конец!
Мы лазим по мачтам и песни поем,
Мать Исаида, к тебе плывем!
Эгей! Эгей! Хо-хо!*

Не нахожусь слов, чтобы описать ужас, объявивший меня при звуках дикой песни, ибо сразу же твердо уверовал я, что главарь мятежников от мучительной пытки лишился разума. И ныне, когда рука моя выводит сии строки, кровь стынет в жилах...

Но вдруг заскрежетали засовы на обитой железом двери, и в камеру вошел тюремщик с двумя стражниками. Они открутили от стены цепи, и Бартлет шлепнулся на пол, точно жаба, попавшая косарю под косу. Тюремщик ухмыльнулся.

– Шесть часов пролетели, как одна минутка, мастер Бартлет! – сказал он с издевкой. – Ну да недолго вам болтаться на цепных качелях. Пожалуй, еще разок позволят повисеть да покачаться всласть, раз уж черт вам пособляет получать удовольствие от эдакой забавы, а там, глядишь, на огненной колеснице прямехонько на небеса покатайте, по примеру Илиши Пророка. Да только перво-наперво угодит колесница ваша в колодезь святого Патрика, а уж оттуда вам вовек не выбраться.

Бартлет Грин, удовлетворенно отдуваясь, на искалеченных ногах прополз, помогая себе руками, к охапке соломы, улегся и отвечивал грозно:

– Истинно говорю тебе, Дэвид-тюремщик, разлюбезный ты мой святоша, провонявший падалью: еще сегодня был бы ты со мной в раю, если бы я соизволил туда отправиться. Однако не надейся, что в раю с тобой обойдутся лучше, чем в силах вообразить твоя несчастная католическая душонка. Или, сын мой, желаешь, чтобы я сию же минуту тебя окрестил?

При сих словах стражники, грубые парни, содрогнулись от ужаса и перекрестились. Тюремщик же, испуганно отпрянув, завопил, подняв руку с перстами, сложенными особым образом, как принято у суеверных ирландцев, чтобы уберечься от сглаза:

– Не сметь, не сметь пялиться на меня! Ух ты, бельмастый дьявол, исчадие адское! Святой Давид Уэльский, небесный покровитель мой, помнит, поди, своего подопечного, хоть и навязали патрона мне, младенцу, когда я еще пеленки пачкал. Уж он твое колдовство ответит!

И тюремщик с охраной бросился вон, а вслед им гремел хохот Бартлета Грина. Оставили кувшин воды и хлеб.

Некоторое время не раздавалось ни звука. Светало, черты моего соседа выступили отчетливее. Правый глаз его белел мутным опаловым пятном в редяющем сумраке. Казалось, глаз этот взирает на мир с особенным, застывшим выражением глубочайшего презрения. То был взор человека, узревшего в смертный час адские бездны. Глаз был незрячий, с бельмом...»

Дальше шли обгоревшие страницы. От текста мало что осталось. Но общий смысл был ясен.

«– Вода? Хо-хо, не вода это – мальвазия! – Бартлет, стиснув изувеченными руками и подняв с пола тяжелый кувшин, пил так долго, что я и надеяться перестал в свой черед хотя бы одним глоточком утолить нестерпимую жажду. – В голове туман, все одно что погулял на знатной пирушке... уф!.. Что такое боль, мне неведомо... Уф! Робость? Боль и робость – сестры-близнецы... Сейчас я тебе, магистр Ди, кое-что расскажу... про такое во всех ваших университетах еще не докладывали... Уф... Коли настанет избавление от плоти, я большую свободу обрету... Смерть, как они это называют, мне не страшна, покуда не исполнится мне ровно тридцать лет и три года... Уф!.. Вот нынче в полночь как раз исполнится. Век мой отмерен до первого мая. В этот день ведьмы творят свои колдовские дела с кошками... Эх, матушка, отчего ты не проносила меня в утробе еще месяц? Гаже, чем есть, не уродился бы, зато был бы у меня целый месяц сроку, чтобы с Кровавым епископом, туницей безмозглым, честь по чести расквитаться за все удовольствия, коими он себя тешил! Ты, магистр, епископу...»

(Дальше на странице – черное пятно от огня.)

...тут Бартлет Грин тронул пальцем ямку у меня меж ключиц. Стражники порвали мой камзол, и грудь мою ничто не прикрывало.

– Вот, – продолжал он, касаясь моей ключицы, – кость клювовидная, непростая она, таинственная... называют ее „вороньей“. В ней – соль твоей жизни. Эта кость не подвержена тлению. Потому-то иудеи и наврали с три короба про Судный день да воскресение из мертвых... А понимать сие надо иначе... мы, посвященные в тайну новолуния... уф!.. Мы давно воскресли. Почему я об этом догадался? Ты, магистр, сдается мне, еще не преуспел в сем искусстве, и не помогут тебе ученая латынь да расхожие истины, хоть и поднаторел ты в этих науках. Уж так и быть, скажу тебе, магистр, в чем секрет: воронья кость светится, когда ее озаряет свет, который простым смертным не виден...

(Черное пятно от огня.)

...Нетрудно уразуметь, что после сих слов разбойника и душегуба меня обуял леденящий страх и я насилу унял дрожь в голосе, отважившись наконец спросить:

– Стало быть, я отмечен знаком, о коем никогда не подозревал?

На это Бартлет отвечал без тени насмешки:

– Да, господин мой, отмечен. Отмечен знаком Бессмертных и Незримых, в чье содружество никто не мог вступить, ибо еще ни один, рожденный быть звеном в их цепи, содружества не покинул; из иных же никто не удостоится посвящения в сие братство до тех пор, пока не будет побеждена кровь... Будь уверен, брат Ди: хоть и тесан ты из другого камня, хоть и обращаешься по другой орбите, нежели наша, но я никогда не выдам тебя той сволочи, что хуже грязи у нас под ногами. Мы с тобой от рождения наделены неизмеримым превосходством над сбродом, которому дано видеть лишь внешнюю сторону вещей, который от века был и вечно пребудет не горячим и не холодным!..

(Черное пятно от огня.)

...признаюсь, на душе у меня полегчало после этих слов, хотя я еще раньше устыдился своих страхов, ведь Бартлет, грубый простолоудин, будто играючи, принял столь тяжкие муки, и впереди его ждали, быть может, жесточайшие страдания, на которые он обрекал себя, обещав молчать и тем спасти мне жизнь.

– ...я сын приходского священника, – продолжал Бартлет. – А матушка была... знатная!.. Мисс Гладкая Попка, это, ясное дело, прозвище. Откуда она явилась и куда сгинула, доселе мне не известно. Однако, судя по всему, бабенка была ядреная и, покуда мой папаша ее не погубил, имя носила славное – Марией звали...

(Черное пятно от огня.)

...в ответ Бартлет рассмеялся странным своим сухим и холодным смехом и, помолчав, продолжал:

– Отец мой был самым твердолобым, самым безжалостным и трусливым попом из всех, каких мне доводилось видеть. Говорил, мол, по милосердию своему великому взял меня в дом, дабы я покаянно искупил грехи своего кровного родителя, коего я, дескать, не знаю. Не догадывался папаша, что не было у меня другого кровного отца, кроме него самого. Он меня вырастил и, дав в руки кропило, сделал служкой в своей церкви...

(Черное пятно от огня.)

...Тут он назначил мне епитимью, пришлось молиться ночи напролет, в тонкой рубашонке бить поклоны на холодных каменных ступеньках алтаря, упрашивать Господа, чтобы отпустил грехи моему „отцу“. А когда валился я на пол, одурев от слабости, – спать-то папаша вовсе не давал, – хватал плетку и хлестал меня до крови... И зародилась и окрепла в моем сердце лютая злоба на Распятого, висевшего над алтарем, а потом перекинулась она, уж и не ведаю, как такое могло случиться, на молитвы, которые я обязан был читать, и вышло так, что в голове моей молитва перевернулась и слова исходили из моих уст шиворот-навыворот, то бишь с конца, а не с начала. Вот так-то молясь, почувствовал я в душе жаркую радость, прежде неведомую... Папаша мой долгое время ничего не замечал, ибо молитвы перевернутые я тихим шепотом произносил, но однажды ночью он все же таки расслышал, что я себе под нос бормочу, и завопил во всю мочь в ужасе и негодовании, предал анафеме имя моей матери, перекрестился и побежал за топором, чтоб меня прикончить... Да только я был проворнее, ну и раскроил ему топором-то голову от темечка аж до самых зубов. Глаз у него вывалился из глазницы, упал на каменный пол да снизу-то на меня уставился. А я вдруг понял, что молитвы мои извращенные достигли глубочайшей глубины матери Земли, а не вознеслись к небесам, о чем толкуют жудеи, – мол, будто бы туда, на небо, поспешают жалобные вопли благочестивых...

Совсем было запаятовал, дорогой брат мой Джон Ди, ведь незадолго до той ночи, о коей я тебе рассказал, лишился я правого глаза, ослепила меня яркая вспышка света, вдруг озарившая церковь, однако, может статься, незрячим стал я на один глаз после удара плетью, полученного от родителя, сего наверное не знаю. Вот и выходит, что исполнилось по закону: око за око, зуб за зуб, когда разmozжил я ему череп... Да, друг ты мой, усердными молитвами сподобился бельмо приобрести, что нагоняет страху на подлый люд...

(Черное пятно от огня.)

...шел мне пятнадцатый год от роду, когда, бросив родителя моего с надвое разрубленной головой в луже крови пред алтарем, бежал я и после долгих скитаний очутился в Шотландии. Там пошел я в подручные к мяснику, потому как рассудил, что рубить головы телятам да коровам – дело нехитрое для того, кто с изрядной меткостью поразил тонзуру священника, отца родного. Да не тут-то было: только размахнусь топором – сразу как наяву та картина предо мной, ночь в церкви. И сия прекрасная картина так меня умиляла, что опасался я, убив бессловесную тварь, осквернить славное воспоминание. Ушел я от мясника и долго бродяжничал, побираясь по шотландским горным деревням и хуторам, на хлеб зарабатывал, играя на вольнке, украденной по дороге, мелодии душиераздирающие, от коих слушателям моим жутко становилось. Им-то невдомек, а я знал, чем эти напевы их страшили – мелодии я сочинял на слова извращенных молитв, которые возносил некогда пред алтарем в церкви; втайне звучали они в моем сердце именно шиворот-навыворот: не с начала, а с конца... Но и в одиночестве, бродя ночью по болотам и пустошам, я наигрывал на вольнке, особенно же в полнолуние одолевала охота погорланить, и всякий раз в лунные ночи мнилось, будто звуки и слова моих извращенных молитв сбегают по спине и ногам вниз, в землю, в ее лоно. А однажды в полночь – как раз день первый мая настал, праздник друидов⁴², и луна начала

⁴² ...день первый мая... праздник друидов... – 1 мая древние кельты отмечали языческий пастушеский праздник Белтайн, день возжигания костров, меж которыми проводили скот для очищения от злых сил. Праздник плодородия, время, когда грань меж земным и потусторонним мирами становится проницаемой, когда духи легко соглашаются предстать перед смертными. Поэтому именно в день Белтайна нетрудно вообразить появление «пастуха со стадом черных» (курсив наш. – В. А.) овец,

убывать – вдруг незримая рука, будто выросшая из земли, схватила меня за ногу, ни шагу я не мог сделать, точно в оковах, и на вольнке играть, ясное дело, перестал. Тут обдало меня ледяным холодом, поднявшись, как мне показалось, из круглой черной дырищи в земле совсем рядом со мной, и я оцепенел, потому как ветер заледенил меня всего, от макушки до пят, затылок даже похолодел, вот я и обернулся. Гляжу, а за спиной у меня стоит... вроде пастух, – подумал так, потому что он опирался на длинный посох, раздвоенный наверху, как греческая буква ипсилон. Увидел я и стадо черных овец. Но раньше-то ни пастуха, ни овец не заметил, не иначе прошел мимо с закрытыми глазами, в полусне; передо мною был не призрак, в этом я не сомневался, пастух был из плоти и крови, как и овцы, в чем убедиться было легко хотя бы по запаху сырой шерсти...

(Черное пятно от огня.)

– ...ты призван. – И он указал на мое бельмо».

(Черное пятно от огня.)

Очевидно, дальше шел рассказ о какой-то страшной магической тайне, потому что в верхней части обгоревшего листка записок Джона Ди незнакомой рукой было написано красными чернилами:

«Не способный совладать с порывами своего сердца да не читает далее! Не доверяющий силам своей души да сделает выбор: либо неведение в душевном спокойствии, либо познание гибельное!»

Дальнейшие страницы зеленой книжки были сплошь обугленными и черными. Огонь пощадил лишь отдельные строчки, и, разобрав их, я понял, что таинственный пастух рассказал Бартлету Грину о мистериях, связанных с древним культом некой Черной богини и магическими свойствами, которые приписывают луне, а кроме того, об ужасном кровавом ритуале, носящем название «тайггарм»⁴³, память о нем по сей день хранят шотландские народные предания. Бартлет Грин упомянул также о том, что не знал женщины и жил целомудренно, это показалось мне удивительным – воздержанием, как известно, разбойники с большой дороги редко могут похвалиться. Избрал ли Бартлет Грин по убеждению столь целомудренную жизнь, или его отвращение к женщинам объяснялось природными наклонностями, осталось неясным, слишком отрывочными и краткими были фрагменты на этих страницах. Но дальше снова шел текст, меньше пострадавший от огня, и я прочитал следующее:

«...Лишь наполовину уразумел я то, что сказал пастух о даре, коего удостоит меня Черная Исаида. Наполовину, потому как сам я в то время был еще не цельным, а половиной самого себя. Дар, подарок – это вещь, значит, ее пощупать можно, откуда же она возьмется, ежели Исаида невидима? Я спросил, по каким приметам узнаю, что назначенный час настал? И в ответ услышал: „По крику петуха“. Тут опять я растерялся: петухи в деревьях каждое

длинный посох которого раздвоен, как греческая буква ипсилон». Таинственный пастух – возможно, древнекельтский бог Луг, которого греки сравнивали с Гермесом, проводником душ умерших в загробное царство, посредником между миром живых и мертвых, посланцем богов и пастухом стад Гекаты, черной, хтонической богини луны, что в первую очередь важно для Майринка. *Прим. – В. Ахтырская*

⁴³ ...«тайггарм»... – Возможно, название этого ритуала связано с пракеельтскими корнями *gogto-s* («жаркий», «огненный»), *greaп* («солнце»), а также с санскритским *gharma* («жар», «огонь») и славянским «гореть». (По данным кн.: *Stokes Whitley, Adalbert Bezzenger. Wortschatz der keltischen Spracheinheit. Göttingen, 1979.*) *Прим. – В. Ахтырская*

утро кукарекают... А главное, не мог в толк взять, почему пастух видит такую важность в том, что не буду я знать страха и боли, покуда живу на земле? В моем тогдашнем разумении невеликую он посулил доблесть, потому как давно уж мнил я себя храбрецом... Но по прошествии времени, потребного для моей зрелости, услышал я петуший крик, о котором толковал пастух, в себе самом крик сей услышал... Дотоле не знал я, что перво-наперво все в крови человека творится, а потом уж во внешнем мире являет себя. И, услышав крик петуший, воспринял я дар Исаиды, „серебряный башмак“. Пока ждал подарка – долго ждал, много чего странного испытал на себе: то будто персты влажные незримые меня трогали, то во рту горечь невообразимая, а темечко горит жарко, будто тонзуру мне выжигало каленым железом, ладони и пятки чесались и зудели, и все мерещилось, будто где-то рядом кошки мяучат... Потом на теле у меня выступили письмена, которые прочесть я не умел, похожие на те, что евреи в своих книгах рисуют, весь я сими знаками покрылся, как сыпью, но, едва коснулся их солнечный свет, они исчезли. Бывало, нападала тоска, женской ласки хотелось, однако такой, какую я в самом себе чувствовал, и очень я тому удивлялся, потому что сызмальства питал глубокое отвращение к девкам и скотским забавам, коим они с парнями предаются...

Когда же услышал я петуший крик, да не в ушах он раздался у меня, а напрямик вдоль хребта до самого темечка пробежал, то, как пастух предрек, холодный дождь окропил меня своею святой водой, хотя на небе ни облачка не было, и после того в ночь на первое мая пошел я бродить по болотистой пустоши, и ноги сами привели меня к черной круглой дырище, в земле зияющей...

(Черное пятно от огня.)

...как пастух научил, тянул я повозку, а на ней пятьдесят черных кошек в клетке. Привез туда, развел костер и сотворил лунное заклятие. В тот же миг сердце у меня в груди бешено заколотилось от неопишемого ужаса и пена выступила на губах. Взял одну кошку, проткнул вертелом и принялся жарить над огнем, принося жертву кровавую. Полчаса, должно быть, терзали мой слух кошачьи вопли, но мне эти полчаса показались долгими месяцами, словно само время застыло, чтобы муку мою сделать невыносимой. Подумал я: как же пятьдесят раз такой ужас вытерпеть, мне ведь наказано ни на минуту не давать умолкнуть вою и визгу кошачьему, пока не расправлюсь с последней... Те, что в клетке сидели, тоже принялись кричать, и поднялся жуткий вопль, от коего в мозгу моем проснулись демоны безумия, что дремлют до поры до времени в каждом человеке, и пытались пожрать мою душу, отгрызая от нее кусок за куском. Бесы эти не прятались во мне, а вылетали изо рта вместе с дыханием, обращавшимся в пар на холодном воздухе, уносились к луне и кружили около нее, став ярким ореолом. От пастуха я знал, в чем смысл ритуального убийства: сей пыткой из меня будут вырваны потаенные корни боли и страха, ибо примут мою боль и мой страх черные кошки, священные твари Черной богини. Корней же, порождающих боль и страх, пятьдесят. Иными словами, я совершал как раз обратное тому, что некогда Назарянин сотворил из любви, желая принять страдания всей твари, забыв, однако, про животных... А когда боль и страх будут изгнаны из моей крови и уйдут в мир внешний, мир луны, откуда пришли, моя истинная бессмертная сущность предстанет открыто и навсегда восторжествует над смертью и ее спутниками, я же навеки позабуду свою прежнюю жизнь и себя прежнего. Еще сказал пастух вот что: „Тебя, плоть твою, однажды предадут огню, расправятся с тобой так же, как ты с черными кошками, ибо таков суровый закон земли, но дух твой нимало не пострадает“.

Ночь, день и еще ночь минули, пока приносил я кровавую жертву... однако времени я вовсе не замечал, будто исчезло оно, время... Вересковая пустошь вокруг, сколько хватало глаз, высохла и почернела от горя, ибо видела, какое страшное дело творилось. Однако уже

в первую ночь чувства, потаенно дремавшие во мне, ожили и стали явными: в ужасном визге и вое кошек, запертых в клетке, я начал различать отдельные голоса. Струны моей души откликались на них, подобно эху, и одна за другой они лопались. Последняя не выдержала, и тогда моему слуху стала внятна музыка низших сфер, голоса преисподней, с тех пор я обрел истинный слух... Что ж ты, брат Ди, как заяц, уши прижал? Все, рассказ мой о кошках окончен. А им на том свете сейчас худо ли? Играют, поди, как с мышатами, с душами попов...

Ну, дальше... Луна стояла высоко в небе, костер потух. Ноги меня не держали, и тряся я, как тростник. Прошло сколько-то времени – вдруг земля под ногами заколебалась, луна в небе стала раскачиваться, а потом пропала, будто поглотила ее тьма. И понял я, что левый мой глаз стал незрячим, ослеп я и не различал ни далеких гор, ни лесов, со всех сторон – только мрак и тишина. Уж и не знаю, как оно вышло, но только вскоре прозрел мой правый глаз с бельмом, и ему предстал мир удивительный – синие птицы летали там по воздуху, странные птицы с человеческими бородастыми лицами, а по небу туда и сюда сновали звезды, потому как у звезд тех были длинные паучьи лапы, и деревья там были каменные, но умеющие ходить, а рыбы подавали друг другу знаки руками, потому как были руки у тех рыб. Много разных диковин мне явилось, и все это я вроде видел впервые в жизни, а в то же время как будто уже знал раньше, словно в незапамятные времена побывал в том мире, но после забыл все, что увидел и узнал. И по-новому теперь оцищил прошлое и будущее, как будто бы время от меня ускользнуло...

(Черное пятно от огня.)

...Далеко где-то повалил из земли черный дым, но не клубился, а вроде завесой плотной повис, и все росло это облако, пока не сделалось громадным черным треугольником с опущенной книзу вершиной, и вдруг туча разорвалась, огненно-красная щель раскрылась сверху донизу, а в ней, смотрю, бешено крутится огромное веретено...

(Черное пятно от огня.)

...узрел я ужасную Черную Матерь, Исаиду тысячерукую, сидевшую за прялкой. Пряла она пряжу из человеческой плоти... из щели капала на землю кровь... Кровью обрызгало меня, все мое тело покрылось ужасными красными пятнами, точно чумными бубонами, – должно, то было магическое крещение кровью...

(Черное пятно от огня.)

...видать, когда окликнула меня Черная богиня по имени, пробудилась дремавшая во мне ее частица, дочь Исаиды, до того зревшая подобно зерну, и, соединившись с нею, стал я андрогинном и обрел вечную жизнь... Похотливых желаний, снедающих смертную плоть, я и ранее никогда не испытывал, а тут вовсе оградил себя от них навеки, ибо не подвластен проклятию пола тот, кто навеки соединился со своей женской половиной и заключает ее в себе... Вернулось зрение к моему левому, человеческому глазу, тут я увидел, что из пропасти святого Патрика поднялась рука и протянула мне что-то поблескивающее тускло, как слиток старого серебра... Хотел схватить – не удалось, опять и опять выскальзывал слиток из человеческих пальцев, и тут на помощь мне пришла дочь Черной богини – мягкой кошачьей лапкой сцапала и подала мне серебряный башимак, да, это он самый и был, серебряный башимак, что наделяет бесстрашием того, кто его наденет...

Приняли меня в труппу странствующих фигляров, плясал я на канате и укротителем был зверей хищных... Ягуары, пантеры и леопарды в страхе забивались в углы, едва лишь я на них гляну правым глазом своим, с бельмом...

(Черное пятно от огня.)

...На канате я ловко плясал, хотя никогда тому не учился, а все почему? Потому что, получив в дар серебряный баширак, позабыл я, что такое страх, не боялся, что голова закружится или сорвусь, еще потому, что „невеста“ моя, та, что во мне самом сокрыта, тяжесть моего тела принимала...

Вижу, брат Ди, по глазам вижу, о чем хочешь спросить, да не решаешься: „Отчего же Бартлет Грин не нашел лучшей доли, а мыкался в бродячей труппе фигляров, а потом собрал вокруг себя разбойников с большой дороги?“ Скажу тебе отчего. Свободным я стану, лишь приняв огненное крещение, когда меня сожгут, как я сжег черных кошек. Вот тогда-то возглавлю незримых мятежников и с того света ужю сыграю папистам на вольнке такую песенку, что сто лет и тысячу лет в ушах у них звон будет стоять, от которого вконец они одуреют! Палить из пушчонок начнут – пускай, на доброе здоровье! Бабах! Мимо ядрышки полетят, мимо... Да ты, магистр, может, не веришь, что есть у меня баширак серебряный? Смотри, малвер!

И Бартлет Грин носком правого сапога начал стаскивать другой сапог, но... вдруг замер, раздувая ноздри, хищно принюхался, точно дикий зверь, и оскалил зубы.

– Чуешь, брат Ди? Пантера к нам пожаловала! – сказал он с насмешкой.

Я вдохнул поглубже – в подземелье и правда запахло словно диким зверем. И тут раздалась шага, приближавшиеся к дверям каземата...

Еще миг – и заскрежетал тяжелый железный засов...»

На этом месте записки моего предка Джона Ди, переплетенные в зеленый сафьян, обрывались; я глубоко задумался.

Запах пантеры!

Помню, я где-то вычитал, что старые вещи и бессловесные твари, некогда проклятые или заговоренные, могут навести колдовские чары на того, кто берет их себе или вообще уделяет им не в меру много внимания. Кто знает, кем может обернуться невинный с виду бездомный пудель, который привяжется к тебе на вечерней прогулке, – пожалеешь его, возьмешь в теплую комнату... а под черной собачьей шкурой вдруг окажется сам дьявол...

Уж не повторится ли со мной, потомком Джона Ди, история доктора Фауста? Что, если, приняв тронутое тленом наследство покойного кузена Роджера, я угодил в сферы, где властвует древнее колдовство? Разбудил и выманил неведомые силы, кишасшие в ветхом бумажном хламе, словно древоточцы в старой мебели?

Прерываю начатую работу – переписку отрывков из сафьяновой книжки Джона Ди, необходимо зафиксировать то, что сейчас случилось. Признаюсь, делаю это очень неохотно. Мной уже овладело самому мне непонятное любопытство, неудержимое желание прочесть следующие страницы повествования моего предка, ведь он оказался в застенке! Как взволнованный читатель романов, хочу поскорей узнать о дальнейших событиях, разыгравшихся в темном подземелье, куда по приказу Кровавого епископа бросали еретиков, хочу добраться до смысла странных слов Бартлета Грина, – почему он говорил о запахе пантеры?

И все же... осмелюсь, скажу без обиняков: вот уже несколько дней меня неотвязно преследует странное ощущение – как только дело так или иначе касается архива покойного Джона Роджера, мной словно распоряжается чья-то чужая воля. Я, что называется, всеми фибрами

души чувствую непреклонную решимость (и уже написал о своем замысле) воссоздать удивительную историю жизни моего английского предка не как бог на душу положит, не как самому хотелось бы, а так, как угодно «двуликому Янусу», или, пожалуй, «Бафомету», которого я видел во сне: буду читать, расшифровывать, переписывать документы и дневники, как «он повелит», то есть поведет мою руку. Не хочу задаваться вопросом, явилось ли событие, которое только что произошло, также по наущению Бафомета?

Произошло же следующее. Я снова взялся за перо, но вдруг почувствовал что-то необычное. Минуло не более получаса после того, как я с трудом восстановил описание разговора, состоявшегося в Тауэре между Бартлетом Грином и Джоном Ди. Но я уже не могу с уверенностью сказать, что за эти полчаса передумал и перечувствовал, не знаю даже, не было ли все случившееся обманом чувств, галлюцинацией, смутным фантастическим видением, которое промелькнуло в моем усталом мозгу, точно тень. Что я имею в виду? Прежде всего, я почувствовал резкий и сильный «запах пантеры», нет, скорей то был неопределенный обонятельный образ, связанный с хищными зверями; во мне ожили впечатления, какие остаются, например, после посещения цирка: вспомнились клетки с хищниками, решетки из железных прутьев, за которыми, не зная покоя, ходят из угла в угол огромные кошки.

Я испуганно вздрогнул, прислушался: раздавался торопливый стук в дверь моего кабинета.

Не успел я откликнуться – далеко не приветливым тоном, поскольку не выношу, когда меня беспокоят за работой, – дверь распахнулась. Старая экономка, давно научившаяся уважать мои привычки, смотрела робко и растерянно, словно без слов извиняясь за вторжение, но в ту же минуту, едва не оттолкнув ее, в комнату вошла, о нет, не вошла – вихрем ворвалась, влетела, сметая все на своем пути, статная, высокая незнакомка в сверкающем черном одеянии...

Но почему я так взволнованно описываю приход дамы, который, что и говорить, был не лишен известной бесцеремонности, властной, самоуверенной манеры, свойственной особам, привыкшим командовать и повелевать? Хм, романтическая приподнятость так и сквозит в каждом слове, во всяком случае, когда перечитываешь написанное, она бросается в глаза. Однако довольно точно передает первое впечатление от встречи с незнакомкой. Вне всякого сомнения, дама принадлежала к высшему обществу. Мне показалось, будто она что-то высматривает, настороженно вытянув шею и широко раскрыв глаза. Она прошла, буквально не взглянув на меня, вернее, решительно прошествовала с высоко поднятой головой и остановилась возле моего письменного стола. Словно ища опоры или как слепая, слепцы ведь все распознают на ощупь, провела рукой по краю стола. Затем пальцы крепко сжались – тут незнакомка сразу успокоилась и замерла в неподвижности, опершись на стол.

Ее кулачок почти касался тульского серебряного ларца.

С неподражаемой, естественной, а не привитой воспитанием непринужденностью она мгновенно свела на нет всю странность, сказал бы даже, дикость ситуации, с улыбкой промурлыкав набор стандартных извинений, причем в ее речи явственно слышался славянский акцент, а затем, положив конец разброду в моих мыслях, ловко обратила их в нужном ей направлении.

– Не будем терять времени, – сказала она, – у меня к вам просьба. Вы исполните ее?

Вежливость не позволяла ответить отказом, тем более что вопрос был задан необычайно красивой женщиной, легко сменившей важную, горделивую аристократическую манеру на шутивно-просительный тон.

– С величайшим удовольствием, сударыня! Сделаю все, что в моих силах... – Вероятно, я произнес нечто в таком роде, потому что наградой мне был быстрый, неопишимо нежный и мягкий, словно бы ластящийся, взгляд. Она продолжала, засмеявшись легким, певучим, необычайно приятным смехом:

– Благодарю! Не подумайте, что у меня к вам какая-то из ряда вон выходящая просьба. Нет, все очень просто. Исполнить ее ничего не стоит, это зависит лишь от... вашего... доброго согласия. – Почему-то она запнулась.

Я поспешил развеять ее сомнения:

– О, если только вы изволите пояснить, госпожа...

Она тотчас поняла, что меня смущает, и воскликнула:

– Ах да, вот же моя карточка! Она лежит на вашем столе уже столько времени... – И снова раздался нежный певучий смешок.

Я в недоумении уставился туда, куда указывала ее ручка, удивительно изящная, мягкая, не миниатюрная и, как видно, сильная, – в самом деле, на столе, рядом с липотинским хитроумным ларчиком, лежала визитная карточка, я не заметил, да, определенно не заметил, когда и как она туда попала. Я взял ее со стола.

«Асия Хотокалюнгина» – имя моей посетительницы было выгравировано в технике офорта, так же как и причудливая княжеская корона. Я сообразил: к юго-востоку от Черноморского побережья, на Кавказе, уцелели черкесские князья, собственно, старейшины племен, некоторые кланы подчинены турками, другие – русскими.

Несомненно, правильные черты лица моей посетительницы, а они сразу привлекли мое внимание, характерны для восточного индоевропейского типа и вызывают в памяти как греческий, так и персидский идеал женской красоты.

Я слегка поклонился гостье, а она уже уютно устроилась в кресле у письменного стола и сидела, небрежно поглаживая изящными пальчиками крышку тульского ларчика. Я невольно следил за ее пальцами – внезапно испугавшись, что княгиня может ненароком передвинуть ларчик и изменить его положение относительно меридиана. Но ничего подобного не произошло.

– Княжна, располагайте мной! Приказывайте!

Она вдруг выпрямилась, царственно расправив плечи, и по мне вновь скользнул неопишимо ласковый, желтовато мерцающий взгляд, от которого словно струились волнующие токи.

– Как вам, может быть, известно, Сергей Липотин – мой старый знакомый, – заговорила княжна. – Раньше, когда мы жили в Екатеринодаре, он занимался систематизацией и разбором коллекций моего отца. Тогда-то он и пробудил во мне любовь к красивым старинным вещам тонкой искусной работы. Я коллекционирую изделия старых мастеров моей родины, ткани, кованые изделия, а главным образом... оружие. Не всякое оружие, разумеется... а только то, что очень высоко... думаю, как нигде, высоко... ценится у моего народа. В моей коллекции есть, между прочим...

Мягкий, грудной голос и удивительный, певучий, изумительно приятно коверкающий немецкую речь акцент; княжна изредка запинаясь, отчего в ее голосе слышался некий ритм, подобный мерному рокоту морских волн, от него пришла в волнение моя кровь: началось едва заметное мне самому ответное движение. Слова княжны, их смысл были безразличны, во всяком случае, так показалось, но интонация и ритм очаровали меня, я слышу их даже сейчас, и, конечно же, действием этих чар объясняется то, что многое, о чем мы говорили, взгляды и жесты, вероятно, даже некоторые мысли, возникшие у меня во время беседы, теперь представляются не реальными, а пригрезившимися. Княжна неожиданно оборвала на полуслове рассказ о своем собрании редкостей:

– Липотин и направил меня к вам. Он сказал, что вы стали владельцем одной... драгоценной, очень редкой и очень... древней вещи. Это копьё, вернее, острие копья, наконечник с инкрустацией золотом по металлу, чрезвычайно ценный, я знаю! Я располагаю верными сведениями. Описание изделия мне предоставил Липотин. Должно быть, вы приобрели эту вещь при его посредничестве. Ах, это неважно! – Я удивился и хотел возразить, но она не пожелала выслушать: – Неважно! Я хочу приобрести эту вещь. Продайте копьё! Это и есть моя просьба.

Под конец княжна заговорила торопливо, захлебываясь словами, даже вперед пода-лась. Будто к прыжку изготовилась, невольно подумал я, удивляясь и посмеиваясь в душе над пресловутой одержимостью коллекционеров, известно же: стоит им лишь завидеть или учуять заманчивую вещицу, готовы подстергать в засаде, чтобы броситься на свою добычу, подобно... хищнице-пантере.

Пантера!

Я вздрогнул – опять это слово, «пантера»!.. Несомненно, в своем жизнеописании Джон Ди создал замечательный литературный образ: слово, оброненное Бартлетом Грином, застряло в моей памяти!

Ну а что же моя черкесская княжна? Она, казалось, вот-вот вскочит с кресла, на пре-красном лице, точно набегающие волны, сменяли друг друга нетерпение и признательность, тревога, беспокойство и откровенное желание подольститься.

С трудом скрыв, как сильно разочаровала меня просьба, я улыбнулся и постарался отве-тить помягче:

– Княжна, поверьте, я не нахожу слов от огорчения. Вы просите о пустяке, а подобная удача – оказать любезность знатной даме, очаровательной женщине, великодушно проявившей доверие, исполнить небольшую просьбу – выпадает столь редко... Мне безумно жаль, но, увы, я вынужден разочаровать вас – оружия, о котором вы говорите, у меня нет, я даже никогда не видел чего-то подобного.

Вопреки ожиданию, княжна непринужденно улыбнулась и, еще больше наклонившись вперед, заговорила терпеливо и снисходительно, как мать (впрочем, очень юная), которой наврал с три короба ее ненаглядный сынок:

– Липотину, а также мне известно, что вам выпала редкая удача стать владельцем копья, которое я желаю приобрести. И вы мне его... продадите. Заранее сердечно благодарю.

– Княжна! Сударыня! Я в отчаянии, но вынужден возразить. Липотин ошибся... Липо-тин введен в заблуждение! Липотин, видимо, что-то перепутал, должно быть, он кому-то дру-гому... в общем, я...

Княжна встала. Мягко покачивая плечами, подошла ко мне. Ее походка... верно, походка!.. Вот теперь я вдруг отчетливо вспомнил: княжна двигалась гибко и бесшумно, как будто на цыпочках, с поразительным изяществом и грацией, а иногда словно крадучись, да-да, она подкрадывалась... Что за дикая мысль? Глупости!

Княжна ответила:

– Возможно, вы правы. О, конечно, Липотин мог ошибиться! Вы приобрели копье сами, без его посреднических услуг. Не все ли равно? Вы обещали... подарить его мне.

Мой лоб покрылся испариной. Я был в отчаянии и более всего опасался рассердить княжну, безумно этого боялся, до дрожи, а она стояла передо мной, изумительная женщина, охваченная жадным пылким нетерпением, смотрела на меня широко раскрытыми глазами, сверкавшими чудесным золотистым блеском, с улыбкой, в которой было очарование, мощно и неотвратимо завладевающее мной; я едва удержался – еще миг, и я схватил бы ее руки, покрыл их поцелуями... или слезами... да-да, чуть было не пустил слезу от бессильной ярости на себя, не способного исполнить ее просьбу. Я порывисто выпрямился и как можно более убедительно сказал, глядя ей в лицо, постаравшись выразить голосом максимальную искренность и сожа-ление:

– Мое последнее слово, княжна: я не являюсь владельцем копья, вернее, наконечника, который вы ищете, да это и невозможно. Видите ли, у меня были, конечно, увлечения, пожа-луй, можно назвать их страстью коллекционера, но никогда в жизни я не коллекционировал ни оружия, ни частей или деталей оружия, да и вообще никаких изделий из металла, кова-ных либо... – Я испуганно замолчал и, наверное, залился краской стыда, хотя чего же было стыдиться? Я говорил правду... Но эта великолепная женщина, с милой улыбкой, без тени

недовольства смотревшая на меня, небрежно, как бы невзначай, поглаживала липотинский тульский ларчик – можно подумать, ее руку притягивал к шкатулке магнит, – а ларчик-то, о, проклятый ларчик, он же серебряный, из металла, – увы, все мои уверения рассыпались как карточный домик, княжна была вправе считать меня лжецом. Ну как объяснить, в чем дело, коротко и ясно?! Я подыскивал слова. Княжна подняла руку, повелевая молчать:

– Разумеется, я вам верю, сударь, не утруждайтесь объяснениями. И не считаю возможным для себя быть посвященной в тайны ваших увлечений. Липотин наверняка ошибся. От ошибок и я не застрахована. Но прошу вас, еще раз прошу, как самый... преданный друг, как человек, быть может, по своей... наивности... питающий надежду, – уступите мне копьё, которое Липотин...

Я бухнулся на колени. Сегодня эта выходка кажется мне малость театральной, однако в тот момент ничего другого не оставалось – ну как еще, какими средствами я мог бы убедительно, однако без грубости выразить свою отчаянную растерянность? Я собрался решительно произнести слова, которые окончательно отмели бы любые возражения, и начал было: «Княжна...», как вдруг она с тихим, мягким и – да, да, признаюсь – чарующим смехом скользнула к двери. Обернувшись на пороге, она сказала:

– Сударь, я вижу, вы боретесь с собой. Поверьте, ваши колебания мне понятны. Найдите выход! Примите решение, и вы меня осчастливите. Я зайду к вам еще. И тогда вы исполните мою просьбу. Подарите мне наконечник копья!

Дверь за княжной затворилась.

* * *

Воздух наполнен ее ароматом, своеобразным и тонким. Запах незнакомых духов – сладковатый, легкий, как у нездешних цветов, но в то же время в нем едва уловимо ощущается иной оттенок – резкий, возбуждающий, странный и еще... не подобрать слова... звериный! Немыслимо волнующим... нелепым... восхитительным... смутившим... и перечеркнувшим мечты... оставившим в душе тягостное чувство, даже – не скрою – страх, – вот каким был ее визит.

Сегодня я, конечно, уже не в состоянии заниматься разбором бумаг. Надо сходить к Липотину, на Верренгассе.

Но прежде хотя бы кратко напишу о том, что вспомнил сию минуту: когда княжна переступила мой порог, дверь и ближайшая к ней часть комнаты утопали в тени – тяжелые занавеси на окне были наполовину задернуты. Как странно: почему-то теперь, задним числом, кажется, будто в этом темном углу глаза княжны вдруг вспыхнули, точно светящиеся глаза хищного зверя. Но я же прекрасно знаю, ничего подобного не могло быть! И еще деталь – ее платье из черного шелка с серебряной нитью, если только я верно разглядел. Тусклое серебро мерцало, разбегаясь по материи, словно волны или змеящиеся полосы. Сейчас, вспоминая это платье, я невольно ишу взглядом тульскую серебряную шкатулку. Серебро с чернью... Удивительное сходство с платьем княжны.

Отправился к Липотину в антикварную лавку на Верренгассе. Час был довольно поздний, так что прогулялся я напрасно – на двери висел замок. А на опущенных оконных жалюзи белело объявление: «Хозяин в отъезде».

Но я не успокоился. Рядом была подворотня – вход в темный внутренний двор, куда, как я знал, смотрит окно жилой комнатенки Липотина, примыкающей к лавке. Войдя во двор, я увидел, что окно это, мутное и тусклое, задернуто занавеской, я долго стучал, и в конце концов выглянувшая на шум соседка из другой квартиры спросила, что мне угодно. Оказывается, русский антиквар уехал еще утром! А когда вернется, соседка не знала, он только упомянул, мол, кто-то у него умер, барон какой-то нищий, тоже из России, в общем, господин Липотин

хлопочет о похоронах и устраивает дела покойного. Что ж, я все понял: завершён земной путь Михаила Строганова, выкурена последняя сигарета. Ну, значит, Липотину, взявшему на себя известные печальные обязанности, пришлось куда-то поехать...

Досадно! Лишь теперь, стоя под темным закрытым окном, я осознал, что мне надо было непременно обсудить со стариком-антикваром визит княжны; выходит, я надеялся получить от Липотина разъяснения и, может быть, совет насчет злосчастного копья. Судя по всему, подумал я, антиквар спутал меня с каким-то другим покупателем, который приобрел эту занятую вещь, но, как знать, может, старик оставил ее у себя и просто по рассеянности, а он рассеян, решил, что продал копьё мне.

Как бы то ни было, пожалуй, еще можно сторговать его у Липотина. Не скрою: в тот момент я не постоял бы за ценой, отдал бы целое состояние, лишь бы найти копьё и преподнести княжне.

В то же время я не переставал удивляться: почему мои мысли снова и снова возвращались к переживаниям и волнениям, связанным с новой знакомой. Я чувствовал: что-то происходит со мной, но что? В этом я не мог разобраться, несмотря на все усилия. И почему мне не отмахнуться от подозрения, что Липотин никуда не уехал, а, преспокойно сидя в своей лавке, пока я маялся под окном, как-то проведал, что я хочу спросить о копьё, хотя вопрос прозвучал только в моих мыслях; более того, мне показалось, будто он ответил! А вот что ответил – не помню... Быть может, я все-таки побывал в лавке? И мы с Липотиным долго обсуждали загадочную историю с копьём, просто я все забыл? Вдруг явственно представилось, что наш разговор уже произошел, вернее, мог произойти в моей жизни когда-то давно, да, очень давно, десятки, сотни лет тому назад, если бы я тогда жил на свете...

Возвращаясь домой, я поднялся на Старый вал, откуда открывается прекрасный вид на поля и протянувшиеся у горизонта горы. Вечер выдался погожий, все вокруг заливал лунный свет. Он был необычайно ярким, настолько, что я невольно поднял голову, думая увидеть луну, которая, должно быть, пряталась за кронами могучих каштанов. Вскоре луна, почти полная, едва начавшая убывать, взошла, поднявшись над деревьями. Я с удивлением увидел, что свет она излучает странный, зеленоватый, а лунный диск окружен багровым ореолом. Какое необычное сияние струится из туманной мглы... напрашивалось жутковатое сравнение – луна, словно сочащаяся кровью рана... И тут снова явилась уже знакомая мысль: реально ли все это? Не всплыло ли опять некое воспоминание, картина из стародавних времен? Я все смотрел на луну, повисшую чуть выше Старого вала. В эту минуту по светлому диску скользнула тень – отчетливый силуэт, темная фигура стройной женщины, – разумеется, особа, предпочитающая поздние прогулки; прошла по валу – ну и что? Но тут я снова ее увидел – под каштанами... струящуюся... да, именно струящуюся, иначе не скажешь... И вдруг показалось: явившись из убывающей луны, в мерцающем серебристо-черном платье навстречу мне идет княжна...

Наваждение внезапно пропало, исчезла и фигура, а я еще долго метался, точно обезумев, под каштанами, потом наконец опомнился, хлопнул себя по лбу и выругал за глупость.

Я продолжил свой путь, но спокойствие не вернулось. Я начал тихонько напевать и вдруг осознал, что, незаметно для себя, в такт шагам подобрал и прерывистую мелодию, и слова, а как это получилось, непонятно:

С ущербной луны
Из серебряной мглы
Взгляни
На меня, взгляни!
Всегда ты меня ждала,
Ночью меня звала...

От этой бессмысленной песенки, назойливо звучащей в ушах, я не мог отделаться, пока не добрался до дому. Только тут с грехом пополам заставил умолкнуть привязчивый монотонный напев. Но какие странные слова: «С ущербной луны...» Почему именно про луну? Неспроста все это, слова мне навязаны, я чувствую, они... да, они льнут ко мне, как кошки, черные кошки...

И вообще, все, с чем я теперь сталкиваюсь, наполнено неким странным смыслом. Или это только кажется? Определенно все началось в тот день, когда я занялся разборкой бумаг моего кузена Джона Роджера.

При чем же, при чем тут ущербная луна? И вдруг, подобно ознобу, меня пронизывает совершенно ясный ответ – я понял, почему в моих ушах непрестанно звучат эти слова, «ущербная луна», – ведь именно о ней что-то написано чужой рукой на полях в записках магистра Джона Ди! В зеленой сафьяновой книжечке!

Пусть так, все равно не понимаю: каким, нет, в самом деле, каким образом загадочные слова суеверного анонима, жившего в семнадцатом веке, написанные его рукой строки, полные ужаса перед древними сатанинскими ритуалами шотландцев⁴⁴, перед жуткими таинствами посвящения в их черные мистерии, – как все это связано с моей вечерней прогулкой на крепостном валу и с живописным появлением ночного светила над нашим прекрасным старым городом? При чем тут я, какое отношение это имеет ко мне, человеку двадцатого столетия?!

* * *

Вчерашний вечер не прошел даром. Спал плохо, снились непонятные, тяжелые сны. Запомнилось: я прыгаю, усевшись верхом на колени деда, английского лорда, а тот все шепчет и шепчет мне на ухо два слова, какие – я забыл, но вроде бы «копье» и «венок». Еще привиделось, что опять я стал двуликим и во сне мое «второе лицо» имело сосредоточенное, как бы предостерегающее выражение. Однако, насколько помню, мне не снилось чего-то жуткого или тревожного, чего стоило бы опасаться. И еще в грезах проступил образ княжны – ничего удивительного! – но опять-таки не помню, было ли ее появление с чем-то связано. Впрочем, что за вздорная мысль – искать смысла в фантастических видениях наших снов!

Короче говоря, голова с утра тяжелая, я рад, что меня ждет архив покойного кузена, – занявшись им, отвлекусь от моих собственных не в меру разгулявшихся фантазий. В моем нынешнем расположении духа самое милое дело – углубиться в старинные рукописи. Очень, очень приятно, тем более что записки Джона Ди неплохо сохранились, следов огня не видно, начиная с той страницы, на которой вчера пришлось прервать чтение. Итак, продолжим:

Серебряный башмак Бартлета Грина

«В наше узилище, слабо осветившееся первыми лучами утренней зари, вошел некто в черном. Человек сей явился без сопровождающих лиц. Роста он был среднего, телом дороден, однако отличался завидным проворством и легкостью походки. Тотчас я почувствовал крепкий запах, исходивший от развешенных на ходу складок его черной сутаны. Пахло же и впрямь хищной bestией. Духовный пастырь имел приятно округлые розовые ланиты, и можно было бы счесть его эдаким благодушным ходячим винным бочонком, каких немало среди монахов, если б не взгляд желтых глаз, на удивление неподвижный, одновременно властный и настороженный; на сутане не было знаков, позволяющих узнать сан, и явилось сие духовное лицо без

⁴⁴ ...перед древними сатанинскими ритуалами шотландцев... – О том, что кельты практикуют человеческие жертвоприношения и кровавые обряды, писал Цезарь в «Записках о галльской войне», древнеримский поэт Лукан в поэме «Фарсалия», Тацит в «Анналах». Возможно, Майринк обращался к этим источникам. Прим. – В. Ахтырская

сопровождения, если таковое и было, то не показывалось; но я сразу догадался: к нам пожаловал его преосвященство епископ лондонский сэр Боннер, Кровавый епископ, собственной персоной. Бартлет Грин безмолвно сидел напротив меня. Неторопливо и спокойно, одними глазами внимательно следил он за каждым движением нашего посетителя. Едва я это заметил, страх, охвативший меня при виде Боннера, исчез, и, взяв себе в пример жестоко измученного разбойника, я остался сидеть, где сидел, и притворился, будто никакого интереса не имею к посетителю нашему, тихими стопами прохаживавшемуся туда и сюда.

Однако тот неожиданно остановился перед Бартлетом Грином, пнул его слегка ногою и проревел грозным голосом:

– Встать!

Бартлет и бровью не повел. Искоса поглядел с ухмылкой на истязателя своего тела и отвечал голосом глубоким, каковой и подобает столь могучей груди, да еще в насмешку передразнив грубый окрик епископа:

– Рановато ты протрубил, архангел! Не пробил час воскресения из мертвых. Ибо, зри, мы еще живы!

– Узрел с отвращением великим, исчадие ада! – Сии слова епископ произнес на удивление мягким, кротким, отечески благожелательным тоном, что не подходило к смыслу сказанного и разительно отличалось от грозного львиного рыка, какой мы услышали вначале.

Теперь он сладко мурлыкал:

– Послушай меня, Бартлет! Неисповедимым милосердием Всевышнего тебе уготован путь покаяния и... исповеди. Признайся во всем без утайки, и предание тебя адским мукам в пламени костра будет отложено. А то и вовсе избежишь казни, и тогда времени для земного покаяния останется у тебя предостаточно.

Лишь сдавленным, странно урчащим смехом ответил ему Бартлет Грин. Я увидел, что епископ содрогнулся от едва сдерживаемой ярости, однако он владел собой превосходно. Подойдя ближе к узнику, который, несмотря на столь жестоко истерзанную плотскую оболочку, тряся от беззвучного смеха, скорчившись на гнилой соломе, Боннер сказал:

– Как я вижу, сложения ты, Бартлет, крепкого. Пытка, долженствующая выявить истину, нанесла тебе лишь малый урон, тогда как иные трусливые душонки давно отлетели бы, оказись они в твоей шкуре. Бог даст, умелые цирюльники сумеют вправить тебе кости, а коли потребуются, то и лекарей призовем. Знай, на мое милосердие можно рассчитывать, оно надежно, как и моя строгость. Признайся, и в тот же час выйдешь из этой ямы вместе с... – мягкий голос епископа поистине обратился в кошачье мурлыканье, дружеское и ласкающее слух, – с товарищем по несчастью и собратом по участи, баронетом Джоном Ди, добрым твоим другом.

Впервые епископ почтил меня вниманием. Мое имя прозвучало из его уст так неожиданно, что я вздрогнул всем телом, словно был внезапно разбужен и вернулся к действительности после сонного бесчувствия. А дело в том, что казалось мне, будто я и впрямь вижу сон или присутствую на представлении потешной комедии, которая к моей жизни ни малейшего касательства иметь не может. Теперь же епископ, произнесший мое имя столь вкрадчивым, мягким тоном, без жалости отнес меня к персонажам скорбного театрального действия. Неужели Бартлет признает наше знакомство?.. Погиб я!

От ужаса, в каковой повергла меня сия мысль, кровь отхлынула от сердца и застучала в висках, но в тот же миг Бартлет с неопишуемой выдержкой и невозмутимостью обернулся ко мне и разразился громовым хохотом:

– Дворянин восседает тут на гнилой соломе вместе со мной? Честь мне оказали, за то благодарствую, брат епископ. Я-то, простак, думал, в компанию мне дали горемыку, каковой проходит выучку в вашем добром заведении, где наставят его, труса, как со страху дух испускать... из задницы!

Гнусные оскорбления поразили меня как своей неожиданностью, так и тем, что нанесли урон моей гордости, и посему гнев мой, когда я в негодовании отпрянул, был неподдельным и глубоко искренним, что, без сомнения, не укрылось от пристально наблюдавшего эту сцену епископа. У меня же чувства так обострились, что я сразу понял задумку славного Бартлета, и в душе моей воцарилось уверенное спокойствие, ибо, сообразив, что к чему, я мог превосходно исполнять свою роль в комедии, всячески подыгрывая и Бартлету, и епископу, как того требовали обстоятельства.

Между тем епископ скрыл свое недовольство – ведь, бросившись, как пантера, на нас обоих, он промахнулся и покамест остался без добычи – протяжно зевнул, издав утробное урчание, схожее с угрюмым рыком хищного зверя.

– Стало быть, ты хочешь сказать, что не водишь знакомства с сим оборванцем и не знаешь его имени, почтеннейший Бартлет? – Епископ опять пустил в ход лесть.

Однако разбойник в ответ хмуρο проворчал:

– Вот еще! На что мне знакомство с пугливым желторотым птенцом, которого вы, почтеннейший слугитель дьявола, точно кукушка, подбросили в мое гнездышко! Угодно ему – пускай этот щенок, трусливо повизгивая, вперед меня прошествует в райские врата, прежде погрелись на костерке, который вы разложите. Мне-то что? Я первому попавшемуся паршивому бароншике в друзья себе да названные братья не позволю набиваться, это у вас, подручного старухи с косой, всякая шваль – друзья-приятели.

– Придержи свой глумливый язык! Ах ты, гнусный висельник! – возопил епископ, ибо его терпению пришел конец. А из-за двери донесся звон оружия. – Мало тебе будет жариться на поленьях, политых смолой, сатанинское отродье! Мы устроим костер из серных „хлебцев“. Заранее вкусишь от благ, что уготованы тебе в родимом доме отца твоего, Вельзевула! – Епископ, едва не задохнувшись от лютой злобы, побагровел, поперхнулся и оскалил зубы.

А Бартлет Грин хохотал во всю глотку и, опершись на изувеченные пыткой руки и колени, все сильнее раскачивался взад и вперед, так что, глядя на него, я содрогнулся от ужаса.

– Брат Боннер, ты пребываешь в заблуждении! – фыркая от смеха, объявил он. – Не поможет сера, напрасно на нее надеешься, дорогой ты мой. Сера только в ваннах хороша, французов от известной болезни лечить – милое дело. Но не подумай, что сам обойдешься без купаний в сих целебных источниках, ха-ха! Нет, ты послушай, дружочек! Знаешь ли, там, куда ты угодил в свой смертный час, вон серы покажется тебе слаще мускуса и персидских благовоний!

Точно громадный лев, зарычал епископ:

– Признай, бесовское свиное рыло, что этот дворянин, Джон Ди, – разбойник и душегуб из твоей шайки, не то...

– „Не то“?.. – язвительно подхватил Бартлет Грин.

– Подать ручные тиски!

Стражники и тюремные охранники ворвались в подземелье. Тут Бартлет, и так-то уже изувеченный пыткой, с жутким смехом взмахнул правой рукой и, сунув в рот большой палец, сомкнул мощные челюсти, раздався страшный хруст... палец был откушен у самого основания. Бартлет выплюнул его прямо в лицо епископу и снова разразился диким хохотом, видя, что щека и сутана оторопевшего епископа замараны кровью и харкотинной.

– Вот тебе! Получай, – прохрипел Бартлет, икая и задыхаясь от смеха, – воткни его себе... – Далее из уст Бартлета горохом посыпались столь непристойные проклятия и насмешки, что нет никакой возможности доверить их бумаге, не говоря уж о том, что я оказался просто не способен хотя бы отчасти запомнить затейливую злобную брань. Скверно-слова и чертыхаясь, Бартлет ужасающим образом расписывал, как он примется „по-братски“ опекать епископа, едва лишь сам он, Бартлет, попадет в заветный край, каковой он

назвал Зеленой землею – туда он якобы улетит из пламени костра. И уж там-то не серой и не смолою будет терзать ненавистного епископа – они покажутся лишь комариными укусами в сравнении с мукой, которой он его подвергнет, ибо разбойник твердо решил „воздать добром“ за зло – к чаду своему, Боннеру, подослать дьяволиц столь благоуханных и обольстительных, что и сам папа римский не устоял бы перед их чарами, не устраиась даже французской болезни. Адскими утехами и адскими муками отравлен будет всякий час оставшегося епископу земного бытия, ибо... „Ибо в потустороннем мире, золотко мое, ты будешь вопить да стенать в аду и смердеть в гнилых трущобах, взывая к нам, князьям черного камня, вененосцам, не ведающим ни страданий, ни боли“.

Не буду пытаться – невозможно описать блеск жуткой игры его ума, беменный вихрь страсти, не найти слов и для того, чтобы, пусть в ничтожно малой мере, передать безграничный ужас, отразившийся на лице епископа Боннера при извержении этого неукротимого потока. Святой отец, не отличавшийся щедеуиностью, стоял как громом пораженный, а тюремщики и стражники, сгрудившиеся было за его широкой спиной, теперь забились в углы потемнее, ибо все в этой свите твердо верили, что бельмо Бартлета наводит порчу, что его, пусть и незрячий, глаз навлекает неминуемую беду и горести, конца которым не будет во веки веков.

Наконец сэр Боннер оправился от испуга и, утерши пот со лба рукавом шелковой сутаны, заговорил очень спокойно и тихо, однако голос его был хриплым и сдавленным:

– Не исторгла твоя, ведьмовское отродье, глотка новых песен, знаем мы эти гнусные измышления злокозненного врага истины. Ты, однако, напомнил нам, что следует поторопиться, дабы ты, подобие сатанинское, долее не грелся в лучах света небесного.

– Да, поторопись, – хмуро ответил Бартлет, – убирайся, а то дышать нечем, тут все провоняло твоим, пожиратель падали, отвратным духом, хоть топор вешай.

Епископ властно поднял руку, стражники бросились к Бартлету, но тот скорчился и, ловко опрокинувшись на спину, выставил им не только зад свой, но и ногу, с которой скинул башмак. Стражники отпрянули.

– А ну, полюбуйтесь-ка, полюбуйтесь! – воскликнул он. – Серебряный башмак, видели? Его подарила Великая Матерь Исаида. Раз он при мне, ни боли, ни страха не ведаю! Свободен я от сих хворей, что одолевают вас, коротышек-карликов!

С содроганием увидел я, что на ноге у него нет пальцев; культя и впрямь походила на уродливый серебряный башмак, ибо по самую щиколотку была покрыта светлыми пятнами и изъедена страшной болезнью, серебристой проказой, иначе лепрой. Бартлет был как тот прокаженный, о ком в Библии сказано: „...вышел он... белый от проказы, как снег“...⁴⁵

Стражники завопили:

– Чума! Проказа! – и, отивьрнув копы и кандалы, с коими пришли, опрометью бросились вон, толкаясь и теснясь в дверях камеры.

Сэр Боннер, хоть и не сошел с места, весь скривился от ужаса и брезгливости и явно не мог решить, то ли хранить гордый вид, то ли поддаться страху, ибо даже сведущие люди и ученые мужи опасаются сего необычайно заразительного недуга. И пришедший сюда потешить свое властолюбие и насладиться муками несчастных узников епископ начал медленно, шаг за шагом пятиться, не спуская глаз с Бартлета, а тот полз за ним и подбирался все ближе, выставив страшную блестящую ступню и непрестанно осыпая церковного иерарха глумливой бранью да гнусными поношениями. Сэр Боннер положил безобразию конец, хоть и не слишком отважно, – скакнув к двери, сдавленным голосом просипел:

– Нынче же на семи кострах произведем очищение огнем от сей заразы. И ты, сообщник сатанинского отродья, – так епископ именовал меня, – отведаешь огня, каковой избавит

⁴⁵ 4 Цар. 5:27. – Прим. перев.

нас от сего чудовища. Отведаешь сполна, дабы досконально ты проверил, способен ли огонь очистить от скверны твою душонку. Если потом мы отправим тебя на костер как еретика, считай, что тебе окажут великую милость!

Вот как благословил меня напоследок Кровавый епископ. Признаюсь, услышав таковые обещания, в мыслях я успел побывать во всех безднах и во всех пыточных застенках страха и ужаса, ведь недаром в народе говорят, мол, Кровавый епископ преуспел в особого рода искусстве, он предает свою жертву смерти не сразу, а в три приема: в первый раз убивая своей усмешкой, во второй раз – речами злобными, а уж в третий только – призвав на помощь палача. Посему не миновать, видно, последней, мучительной казни, на которую обрек меня этот человек, подумал я, однако непостижимое чудо совершилось и спасло меня от гибели...

Вновь остался я наедине с Бартлетом Грином, и тут он нарушил воцарившуюся тишину своим раскатистым смехом, а затем обратился ко мне с добродушной речью:

– Брат Ди, уноси-ка ноги! Ты же извелся от страха! Глядя на тебя, можно подумать, блохи да клещи, набросившись целыми полчищами, не дают тебе покоя. Но если и правда сделал я кое-что, дабы считали тебя непричастным к моим делам, – ладно, вижу, ты за услугу благодарен, – то истинно и другое: из проклятого застенка ты выберешься живым и невредимым, ну, может, малость подпалишь себе бороду при моем огненном вознесении на небеса. Сие тяжкое испытание перенеси бесстрашно, как подобает мужу.

Не веря своим ушам, я устало поднял голову, тяжелую, гудевшую после стольких тягостных переживаний и страхов. Вдобавок все мои чувства притупились, как нередко бывает, когда от чрезмерных волнений и горестей душевные силы подходят к концу; даже тревоги меня покинули, так что я с усмешкой вспомнил, в какой неописуемый ужас поверг епископа и всю его свиту вид „серебряного баймака“ моего товарища по несчастью, а вспомнив сие, я дерзостно придвинулся поближе к разбойнику, отмеченному жуткими знаками проказы.

Бартлет сразу это заметил и утробно заурчал, я же без труда угадал в его ворчании некие особенные нотки (ибо, разделив с кем-то беду и страдания, легко понимаешь настроения своего товарища по несчастью), должно быть, подумалось мне, на неукротимого мятежника снизошло то, что в натурах, разительно от него отличающихся, можно было бы истолковать как доброе сочувствие.

Бартлет неторопливо нашарил что-то в кармане своей кожаной куртки, распахнутой на голой волосатой груди.

– Смелей, брат Ди, придвигайся еще ближе, – предложил он запросто. – Дар моей милостивой властительницы такого свойства, что всяк должен сам его заслужить. Оставить его тебе в наследство не могу, как бы ни хотелось.

Тут он вновь зашелся сдавленным, утробным смехом, при звуке коего меня пронизал озноб. Бартлет продолжал:

– Потому я и сделал все, что мог, чтоб повам не пришлось порадоваться, дознавшись о нашем с тобой сговоре. Не из любви к тебе, добрый мой приятель, я это сделал, а потому, что так надо было. Мне, видишь ли, кое-что ведомо, да изменить того не могу... Знай же: ты, баронет Ди, взойдешь на трон, тебе, юный король, назначено принять корону Зеленой земли, и ждет тебя невеста, повелительница трех царств.

Словно молнией пронзили меня сии слова, изреченные разбойником и бродягой, насилиу я совладал с собой и не выказал изумления. Мысль моя во мгновение ока превратила все лишь возможное во вполне вероятное, и показалось, узрел я нити, связующие Бартлета, бродягу и колдуна, с ведьмою из Эксбриджского леса, а то и с магистром Маски.

А Бартлет, будто подслушав мои мысли, продолжал:

– Сестрицу Зеиру из Эксбриджского леса я хорошо знаю, магистра московского тоже. Берегись его! Московиту случай помогает, ты же достичь власти должен своим знанием и волей! Красный да белый шары, что выбросил ты из окна...

Я надменно усмехнулся:

– С недурными людьми знакомства водишь, Бартлет! Стало быть, магистр Маски тоже разбойник из шайки Воронов?

– Как бы я ни ответил – „нет, ошибаешься“ или „может, оно и так“, сути ты все одно не уразумеешь. Я тебе другое открою... – И главарь разбойников по порядку рассказал, чем я занимался ночью до того, как пришли арестовать меня по приказу епископа; что я делал тем вечером, было ему известно, а равно и место, где я устроил тайник, чтобы прятать, с великим тщанием сберегая от чужих глаз, разные секретные листки; даже в сих записках предпочту умолчать об их существовании. Бартлет же досконально все знал, так, словно был мной самим или явился как бесплотный дух той ночью в мое жилище и видел то, чего никто на всем белом свете ни узнать, ни разведать не мог бы.

Посему я более не в силах был совладать с изумлением и потаенным страхом перед изувеченным главарем мятежников и осужденным еретиком, а тот, посмеиваясь, удивлял меня все новыми необычайными дарованиями, искусствами и способностями, так что я, уставясь на него, замер, потеряв дар речи, а затем пробормотал:

– Коли ты не ведаешь боли и восторжествовал над любыми, самыми тяжкими муками плоти... коли тебе, по твоим словам, помогает могущественная властительница, твоя богиня, Черная Исаида, и для тебя нет никаких тайн, даже самых сокровенных... то почему же ты томишься в оковах, несчастный узник с искалеченными руками и ногами, обреченный стать добычей пламени? Почему не выйдешь живым и невредимым из застенка, призвав на помощь силы чудесные?

Вместо ответа Бартлет поднял и на ишурке раскачал наподобие маятника маленький кожаный мешочек, который снял со своей шеи. Потом с усмешкой сказал:

– Разве не упомянул я, брат Ди, что время, отпущенное мне по нашему закону, истекло? Некогда я предал огню кошек, ныне – мой черед сгореть в огне, ибо сегодня в полночь исполняется мне тридцать лет и три года. Покамест я еще Бартлет Грин, узник, коего они могут истязать, калечить, жечь огнем, покамест я говорю с тобой как сын потаскухи и попа, но завтра все переменится – сын человеческий взойдет женихом в дом Великой Матери. Время власти моей наступит, брат Ди, и все вы узнаете, какова моя власть, когда настанет мое царствование в вечной жизни!.. А чтобы ты вечно помнил мои слова и пошел по моей стезе, на-ка вот, прими, наследничек, это мое земное сокровище, оставляю тебе, владей...»

Тут в тексте было вымарано несколько строк, в повествовании вновь возникла лакуна. Похоже, сделал это сам Джон Ди, намеренно. Впрочем, какого рода подарок получил баронет от разбойника Бартлета Грина, стало ясно, как только я продолжил чтение.

«...в четвертом часу пополудни были окончены все приготовления к казни, какие только могло породить мстительное воображение Кровавого епископа.

Вот уже с полчаса, как Бартлета Грина увели, и, сидя в одиночестве, я снова и снова доставал из мешочка и разглядывал скромный дар моего товарища – кусок черного каменного угля, величиной с кулак, гладко отполированный и довольно правильной двенадцатигранной формы; вспоминая то, что растолковал мне прежний владелец камня, Бартлет, я искал на блестящих черных гранях картину неких событий, кои разыгрываются в сию минуту где-нибудь в отдаленных местах, – вдруг, думал я, проступит там, словно в зеркале, образ того, что самого меня ожидает в будущем. Однако ничего подобного не узрел, быть может, потому что душу мою, лишая ясности, смущала тревога, а Бартлет ведь особо указал на непозволи-

тельность такового замутненного, грязного, как он выразился, душевного состояния, ежели хочешь хоть что-то увидеть в черном зеркале.

Скрежет отодвигаемого засова отвлек меня, я поспешио сунул таинственный черный камень в кожаный мешочек и схоронил под подкладкой платья.

Тотчас в камеру вошли вооруженные до зубов стражники из охраны епископа, и я уж подумал, что меня ждет скорая расправа и казнь без суда. Однако епископ распорядился по-иному: дабы побудить к смирению и кротости закосневшую в упрямстве душу грешника, было решено привести меня и держать возле костра, да так близко, чтобы пламень опалил мне волосы, чтобы я увидел да хорошенько разглядел во всех подробностях, как Бартлет Грин будет корчиться в огне. Не иначе по наущению сатаны измыслил епископ такое средство устрашить меня зрелищем смертных мук несчастного Бартлета, а заодно все-таки вырвать признание, заставив одного из нас, а то и обоих невольно выдать наше сообщничество, или добиться какой иной измены. Просчитался Кровавый епископ!.. Нет сил описать со всеми подробностями то, что буду помнить до смертного часа, ибо запечатлелось сие в моей душе словно выжженное огнем тавро... Посему коротко замечу лишь, что епископу Боннеру довелось вкушать совсем иных услад, нежели те, кои с жестокой сластолюбивой алчностью рисовал он себе в воображении.

Ибо в пятом часу Бартлет Грин взошел на эшафот так проворно, словно то был не приготовленный для него костер, а брачное ложе; написавши сии слова, я припомнил, что сам Бартлет говорил мне в радостном уповании: мол, в час казни станет он женихом Великой Матери, – должно, еретик хотел сказать, что его ждет возвращение к Черной Исаиде.

А поднявшись на помост, он с громким смехом завопил, обратясь к епископу: „Берегись, поповская харя! Вот ужко запою сейчас песнь возвращения в родные края, так ты плешь-то прикрой получше, а то охота разбирает окропить ее горящей смолой да серой! Прожгу, ох прожгу тебе черепок, чтоб мозги огнем горели, пока не пробьет час провалиться тебе в преисподнюю!“

Костер сложен был и впрямь с невиданным доселе коварством и на редкость изошренной жестокой выдумкой, оборони Господь, чтобы в нашем исполненном скорби мире однажды снова явилось подобное изобретение. Посреди поленницы из сырых, медленно горящих сосновых дров торчал столб, Бартлета привязали к нему, надев железа. Само пыточное древо было сплошь увито вервием, обмазанным серой, а над головой грешника прикреплен был широкий толстый венец из сучьев и ветоши, щедро политых смолой.

И вот, когда палач своим факелом поджег костер в нескольких местах, то сразу, точно фитиль, ярко вспыхнули серные веревки, пламя мгновенно взбежало на самый верх, охватило венец над головой осужденного, и в тот же миг на него редким дождем стали капать горящая сера и смола.

Зрелище поистине ужасающее, однако не обыкновенный то был человек на костре, – казалось, не огненные струи на него льются, а освежающий весенний дождичек или манна сыплется с небес!.. Он, преданная казни жертва, не умолкая ни на минуту, поносил епископа, осыпал его глумливой бранью и издевательскими словами, так что вскоре не казнимый еретик на костре, а сэр Боннер в своем бархатном кресле корчился, будто у позорного столба. И если бы позволяли приличия, сэр Боннер, забыв и думать о наслаждении зрелищем жестокой казни, с величайшей радостью бежал бы от беспощадного прилюдного разоблачения своих тайных преступлений. Но казалось, епископа поразило некое заклятие, и он поневоле то молча трясся, терзаясь от ярости и стыда, то, брызгая слюной, вопил на своих подручных, теперь понуждая шевелиться живей, дабы ускорить, не растягивать страшную пытку, как он желал того прежде. Странное дело! Град пуль, пущенных в Бартлета, не заставил его умолкнуть, он был словно заговорен, ни один выстрел не причинил ему вреда. В конце концов сухой хворост и пакля, брошенные на поленницу, занялись, костер ярко вспыхнул, и Бартлет скрылся в пла-

мени и дыму. И тут он запел громовым, ликующим голосом, совсем по-иному, нежели в темнице, когда раскачивался на цепях, – жутко и радостно звучала его неукротимая песнь:

*Весело свищет на ветке скворец:
Кошки на вертеле – страхам конец!
Эгей! Эгей! Хо-хо!*

*Мы лазим по мачтам и песни поем,
Мать Исаида, к тебе плывем!
Эгей! Эгей! Хо-хо!*

В толпе все смолкли, настала мертвая тишина, от ужаса у палачей, стражников и судей, попов и знатных господ глаза повылезали из орбит, а кого и скрючило предиковинным образом. Впереди, у всех на виду, сидел сэр Боннер, лорд и епископ, бледный, как призрак; он, точно в столбняке, мертвой хваткой вцепился в подлокотники своего кресла и не сводил остекленевших глаз с пылающего костра. Когда же смолкли последние звуки предсмертной песни Бартлета Грина, епископ вдруг дернулся, вскочил с криком и зашатался, точно услышав свой смертный приговор, – то ли порыв ветра подхватил пламя, то ли и впрямь вмешалась нечистая сила, но с верха костра внезапно сорвался целый сноп огненных языков, и они, полыхая, кружась вихрем и рассыпая искры, взмыли в вечернее небо, устремились к возвышению, на котором стоял епископский трон, и пролетели как раз над головой Боннера. Пала ли на его тонзуру пылающая сера, окропив сатанинским огнем, как о том пророчествовал Бартлет, не знаю. Впрочем, судя по жуткой гримасе, исказившей лицо епископа, так и было; а ежели он взревел от боли, то вопль, конечно, потонул в шуме заголосившей толпы и звоне оружия, что разом взметнулись над площадью, вызвав содрогание воздуха, в котором плыл ужасный, невыразимый запах.

В заключение, чтобы даже малости не упустить в сих достоверных записках, упомяну вот о чем: когда я, опомнившись и придя в себя, потер рукою лоб, как бы прогоняя пережитые ужасные тревожения, с моей головы упала опаленная прядь... Ночь, наставшая после ужасных событий того дня и проведенная мною в одиночестве под темными сводами подземелья, изобиловала удивительными событиями, из коих осмелюсь доверить бумаге лишь некоторые. Впрочем, отсюда отнюдь не следует, что когда-нибудь смогу я позабыть то, что приключилось со мною той ночью, равно как и все, что пережил я ранее в лондонской тюрьме Кровавого епископа.

До позднего ночного часа протомился я, каждую минуту ожидая прихода епископа Боннера и допроса с пристрастием. Признаюсь, не слишком полагался я на предреченное Бартлетом, но все же то и дело доставал из мешочка его подарок – черный уголь, надеясь увидеть на блестящих гранях неказистого камня образ, в коем открылось бы мое будущее. Но вскоре последний свет в камере померк, а тюремщики, как и минувшей ночью, не сочли нужным, или же им то было запрещено, дать мне хотя бы лучину.

Итак, долго, не знаю, сколько времени, просидел я в темноте, раздумывая о своей судьбе и об участии Бартлета, и не раз горестно вздохнул, позавидовав разбойнику с большой дороги, ибо он-то уже избег неволи и забыл про все горести земные. Верно, около полуночи меня все-таки одолела усталость и я погрузился в тяжкое прерывистое забытье.

И тут мне почудилось, будто тяжелая железная дверь каземата сама собой растворилась и как ни в чем не бывало в подземелье бодро вошел Бартлет Грин! Рыжий разбойник, в добром здравии, с высоко поднятой головой, сразу было видно, сил у него, исполина, еще прибавилось, да к тому же он весело улыбался и держался как человек, все чувства коего, прежде спавшие, пробудились. Я был вне себя от изумления, тем паче что ни на минуту, словно все

происходило не во сне, а наяву, не мог забыть казни, которой несколько часов тому назад предали Бартлета. Таковое соображение я тут же и высказал спокойным ровным тоном, а затем именем Святой Троицы потребовал ответа: призрак ли он или же создание из плоти и крови, хоть и явившееся неведомыми путями с того света.

Бартлет захохотал обычным своим утробным хохотом и заверил меня, мол, не призрак он, а живой и невредимый Бартлет Грин собственной персоной, и не с того света явился, а с оборотной стороны земного мира, ибо на ней он теперь обитает, а никакого „того света“, мол, вовсе нет, есть, дескать, лишь этот свет, наш мир, единый, однако наличествуют в нем многие стороны и грани, и та сторона, на которой он, Бартлет, ныне обретается, мало чем уступает той, которую считаю своим миром я.

Изложение мое сбивчиво, оно бессильно передать весьма ясный, простой и вполне понятный смысл его речи, каким он предстал мне в те мгновения полусна-полубодрствования духа, ибо истинная суть слов Бартлета явилась мне словно в лучах яркого солнечного света, который пронизал и озарил все тайны времени, пространства и самого бытия всех вещей, открыв их моему духу. Бартлет весьма многое сообщил и относительно моего собственного „я“, и о том, что ожидает меня в будущем; все это я до сего дня сберег в памяти, не упустив ни словечка.

Если я сомневался и был недоверчив той ночью, предполагая, что меня, возможно, морочит сонная греза, то ныне, когда пишу эти строки, я уже получил урок в отношении многих предсказаний Бартлета – они сбылись самым удивительным, воистину противным здравому разумению образом, сомнений у меня теперь нет, я понял, что впредь было бы непростительной оплошностью не доверять его пророчествам, касающимся моей дальнейшей жизни. Одно только смущало меня: по какой причине Бартлет не оставляет попечений о моей особе, почему взялся быть моим благодетелем? Доселе он ни разу не потребовал от меня деяний или речей, противных совести, и ни разу не выказал себя как искуситель, посланный дьяволом, ибо случись такое, я не преминул бы изгнать его, с неколебимой твердостью возгласив: „Изыди, сатана!“ – и сим надежным, безотказным средством незамедлительно спровадил в пекло, если бы он вознамерился утащить туда мою душу.

Нам с ним не по пути, воистину, и ежели я когда-нибудь замечу, что он замышляет втянуть меня в недобрые дела, то спуску не дам!

Той ночью Бартлет в ответ на мои настойчивые расспросы объявил, мол, утром я выйду на волю. Нимало не поверив обещанию, ибо, судя по тому, как сложились обстоятельства, оно было несбыточным, я стал усердно втолковывать Бартлету, что он сулит нечто совершенно невероятное, и тут он покатился со смеху – должно быть, ни до, ни после в своей жизни так не смеялся.

– Простофиля ты, брат Ди, – сказал он, вволю нахохотавшись. – Слепнешь, потому как глядишь на солнце, а думаешь, подвели глаза. Дело-то ясное: ты же только начинаешь приобщаться к нашему искусству, потому, видать, и значит для тебя... ну, к примеру, какой-нибудь кусок земли больше, чем живое слово. Что ж, проснешься – доставай мой подарок и высматривай в нем то, что недоступно твоему разумению.

Наставления, полученные мною от Бартлета, были необычайно важны, ибо касались завоевания Гренландии, настоятельно необходимого и долженствующего сыграть особую роль в моей судьбе, даже определить все мое будущее. (Не умолчу о том, что во время других своих посещений – а Бартлет посещает меня нередко – он всякий раз твердо и неизменно указывает мне этот путь, поскольку лишь завоевание Гренландии поможет достичь высшей цели моих горячих желаний и устремлений; несомненно, прежде всего через Гренландию лежит мой путь к трону, так говорит Бартлет, и я начинаю понимать, что рассуждение его правильно.)

Тут я проснулся; ущербная луна стояла высоко, голубовато-белый квадрат света, лившегося через оконце, лежал у моих ног. И я с жадной поспешностью вытащил из кармана черный угольный кристалл и, вступив в полосу лунного света, повернул к нему одну из темных блестящих граней. Она замерцала темно-синими, почти фиолетовыми искрами, но, кроме этих световых рефлексов, я долгое время ничего не мог различить. Мало-помалу на меня снизошло удивительное, даже физически ощутимое спокойствие, и черный кристалл в руке уже не дрожал, ибо трепет моего тела унялся, как и волнение души.

Тогда лунные блики в черном зеркале начали переливаться всеми цветами радуги, по нему проплывали, то клубясь, то снова рассеиваясь, бледно-опаловые туманные облака. Наконец на темной грани резко и ярко выступили некие контуры, вначале картинки были крохотные, – казалось, в ясную лунную ночь гномы играют на поляне, а я тайком за ними подсматриваю. Затем картинки стали расти виширь, в них появилась глубина, то, что предстало моим глазам, сделалось... нет, не объемным, но тем не менее столь правдоподобным, словно я сам находился среди этих образов. И я увидел...»

Снова в записках тщательно вымаран кусок текста, правда, довольно небольшой. Насколько я могу судить по некоторым мелким признакам, это сделал сам автор, мой предок Джон Ди. Вероятно, написав о чем-то, он счел за благо сохранить некие сведения в тайне от случайных читателей, тем более что, побывав в застенках Тауэра, он, разумеется, имел веские основания опасаться всех и вся. Здесь же между страницами был вложен обрывок какого-то письма. Видимо, он попался где-то моему покойному кузену Джону Роджеру, и тот, изучая записки, приложил к ним найденный фрагмент. На полях рукой Роджера сделана пометка: «Все, что осталось от единственного документа, относящегося к загадочному освобождению Джона Ди из Тауэра». Кому письмо адресовано, сегодня уже не установить, фрагмент есть фрагмент, но, в сущности, это и неважно, главное, он проливает свет на обстоятельства дальнейшей жизни моего предка: из письма явствует, что из темницы Джон Ди вырвался благодаря вмешательству принцессы Елизаветы.

Приведу фрагмент полностью:

«...побудило меня открыть вам, единственному во всем свете, сию тайну, с коей в моей жизни ни одна не сравнится как в отношении возвышенности смысла, так и великой опасности. Таковое обстоятельство, даже в отсутствие иных причин, служит мне оправданием во всем, что я уже совершил и что совершу в будущем к вящей славе всемилостивейшей властительницы нашей и моей повелительницы, девственной принцессы Елизаветы.

Сообщаю с предельною краткостью:

Узнавши от верных людей о моем бедственном положении, принцесса Елизавета тайно призвала к себе – с мужеством и осмотрительностью, коего не сыщешь ни в одной столь же юной душе! – нашего общего с нею друга Лейстера и, заручившись словом чести сего рыцаря, вопрошала, согласен ли он доказать свое мужество, свою любовь и верность мне. Удостоверясь в полнейшей его решимости и готовности, ежели понадобится, пожертвовать ради меня жизнью, она с небывалой отвагой приступила к моему спасению. Дабы умерить мое собственное изумление, ибо в противном случае оно станет поистине беспредельным, я склонен скорей принять на веру то, чему невозможно найти обоснованные подтверждения, а именно: ребячливый задор и неведение относительно всей опасности предприятия, осмелюсь высказаться более определенно: свойственная натуре Ее Высочества сумасбродность, каковая подчас берет верх над здравомыслием, побудила ее совершить нечто невозможное и вместе с тем единственно возможное для моего спасения. По покровом ночи, добыв – Бог знает, кто да как ей помог! – ключи или отмычки, она проникла в государственную канцелярию Его Величества

короля Эдуарда, коего как раз в те дни узы дружбы и общее дело связывали с его преосвященством епископом Боннером.

Принцесса разыскала и отперла шкатулку, в которой сберегались листы с особыми водяными знаками, предназначенные для написания высочайших указов; бесстрашно подделав почерк короля, она написала указ о немедленном моем освобождении и приложила к сему личную королевскую печать, неведомо какими путями забравшись в хранилище, обыкновенно тщательно запираемое на ключ.

Должно быть, все было исполнено с достойной восхищения осмотрительностью, благородием и смелостью, ибо поддельный указ ни у кого не вызвал ни малейших сомнений и даже сам король, впоследствии узрев сей документ, словно чудом появившийся на свет, но якобы вышедший из-под королевского пера, был так смущен, что безмолвно признал за собственноручный указ, о существовании коего прежде и не догадывался. Может статься, он заподозрил неладное, однако смолчал о подделке, дабы не признать, что в ближайшем окружении высочайшей особы творятся колдовские чудеса или совершаются неслыханно дерзкие преступления. Короче говоря, на другое утро, еще до зари, дверь канцелярии епископа Боннера едва не вышиб Роберт Дадли, впоследствии удостоенный титула графа Лейстера⁴⁶; он доставил спешное послание и потребовал, чтобы духовный суд вместе с ответом на королевский указ тотчас же выдал и самого арестованного. Сие удалось!

Ни мне, ни кому другому не довелось узнать, что же было написано в поддельном королевском указе, сочиненном юной особой шестнадцати лет от роду. Но, как мне стало известно, Кровавый епископ, отдавая – в присутствии Дадли, королевского посланца, – приказание своим стражникам привести меня, был бледен и трясся всем телом.

Таковы сведения, кои я счел возможным сообщить вам, дорогой друг, хоть и после долгих колебаний. Теперь вы можете судить о том, какого рода особенности отличают „вечный союз“, уже нередко упоминавшийся мною в связи с нашей всемилостивой высокородной королевой...»

И все, письмо обрывается.

В записках Джона Ди после вымаранных строк идет следующий текст:

«В точности как предсказывал Бартлет Грин, наутро меня вызволили из заточения без всяких формальностей и проволочек. Тогдашний мой добрый друг, старина Лейстер увез меня из Тауэра в надежное укрытие, где даже епископ Боннер не догадался бы меня разыскивать, тем паче ловить, если бы таковая забава опять пришла ему на ум, а сие могло быть, ибо, наверное, он вскорости жестоко раскаялся в уступчивости, которую поспешил проявить, получив указ о моем освобождении. Воздержусь от дальнейших комментариев сего события, а равно и от высокомерных попыток со скрупулезной введливостью педанта истолковать и *secundum rationem*⁴⁷ поверить в неисповедимые пути Господни. Упомяну лишь о том, что состояние духа епископа после аутодафе Бартлета Грина внесло свою лепту в дело моего освобождения, коим я обязан прежде всего, конечно, Божьей помощи, а также поразительному, почти невероятному мужеству и ловкости моих избавителей. Епископ же, как узнал я позднее от его собственного капеллана, – а каким окольным путем, ныне значения не имеет, – всю ночь не сомкнул глаз, поначалу, пребывая в сильном душевном смятении, все мерил шагами

⁴⁶ Роберт Дадли, граф Лейстер (1532–1588) – фаворит королевы Елизаветы. Принимал участие в попытке государственного переворота (возведении на трон леди Джейн Грей), вынашивал планы женитьбы на Елизавете. Прославился вероломством и коварством, молва приписывала ему убийство двух жен, мешавших ему взойти на престол. В 1587–1588 гг., во время англо-испанских войн, показал себя бездарным полководцем. Известный меценат, щедрый покровитель искусств. Прим. – В. Ахтырская

⁴⁷ В согласии с законами разума (лат.). – Прим. перев.

свой кабинет и, проведя так несколько часов, стал метаться в горячечном бреду, испытывая страхи и ужасы невыносимые. Притом он обращал невнятные, сбивчивые речи к некоему собеседнику, лишь ему одному видимому, и непрестанно отбивался от сонмища демонов, терзавших его разум, а в конце концов завопил истошно: „Признаю: не совладать мне с твоей силой! Признаю: сгораю во пламени! Сгораю!.. Сгораю!“ Вбежавший на крик капеллан нашел епископа лежащим в беспмятстве. Однако не буду пересказывать здесь бесчисленные слухи и толки, дошедшие до меня. Ибо они чудовищны, и думается, ежели я хотя бы попытался изложить их суть, тут же лишился бы рассудка от ужаса».

Так заканчивается повесть Джона Ди о «Серебряном башмаке Бартлета Грина».

Я с большой пользой для здоровья и настроения провел несколько дней за городом, гуляя в горах. Все бросил – письменный стол, его расположение относительно меридиана, замшелые реликвии, наследство древнего предка, бежал, будто вырвавшись на волю из тюрьмы, прочь из дома, прочь от работы.

«Разве не забавно? – подумал я, в первый раз отправившись бродить по болотистым пустошам в предгорьях. – Вот я гуляю и радуюсь свободе в точности как Джон Ди, ведь, наверное, он испытал нечто похожее, когда вырвался из застенка и оказался на просторных нагорьях Шотландии». Я улыбнулся: конечно, Джон Ди так же спотыкался о кочки, и так же душа его ликовала, наслаждаясь вновь обретенной свободой, хотя со времени его освобождения минуло три с половиной столетия, да и брожу я не в Шотландии, а по болотистым лугам южнотурецких земель. Джон Ди, кажется, скрывался близ Сидлоу-хиллз. Помнится, об этой местности вроде рассказывал мой дед? Ну да, значит, ничего удивительного, если я нахожу какое-то сходство, ведь дед, тот, что перебрался в австрийскую Штирию из Англии, часто говорил нам, детям, что заболоченные долины у подножия немецких Альп напоминают ему шотландские ландшафты в первую очередь совершенно особенной атмосферой.

Замечтавшись, я мысленным взором увидел – но странно, все было не так, как при обычном воспоминании: словно я опять в городе, дома, сижу за письменным столом, но в то же время это не я, а лишь пустая скорлупа или кокон, да, пустой кокон, после зимы оставленный мотыльком, брошенный умирать там, где он выполз, нет, сам я вырвался из тесной оболочки и наслаждаюсь свободой на просторе, среди лиловых вересковых пустошей. И так явственно предстал этот кокон, что я с ужасом подумал: хочешь не хочешь, придется возвращаться домой, опять начнутся серые будни... Просто жуть берет, когда вообразишь, что дома за письменным столом и в самом деле осталась пустая оболочка и я должен буду вернуться и снова слиться со своим серым двойником, а для чего? Для того, чтобы не расторглась связь с прошлым...

От подобных причудливых фантазий не осталось и следа, когда я действительно вернулся в город, потому что дома на лестнице я столкнулся с Липотиным, тот уходил, не застав меня. Я, хоть и чувствовал с дороги разбитость во всем теле, не дал гостю уйти, а повел его наверх, к себе в квартиру. Дело в том, что при виде Липотина я с неожиданной силой почувствовал, что всей душой жажду поговорить с ним о княжне, и о покойном Строганове, и о столь многих вещах, которые...

В общем, Липотин просидел у меня весь вечер.

Странный вечер! Нет, если быть точным, странной была только беседа, Липотин, против обыкновения, разговорился, и я обратил внимание на его шутовскую манеру, которую, конечно, замечал и раньше, но тут она выступила столь отчетливо и явно, что многое в старике-антикваре показалось новым и удивительным.

Он рассказал о последних часах и смерти Строганова, которую тот принял с философским спокойствием, потом заговорил о неинтересном – как он пристраивал оставшийся после умершего жалкий скарб: кое-что из одежды, вещи, висевшие в платяном шкафу, словно...

пустые коконы бабочек. Чудеса! Липотину пришло на ум сравнение, которое непрестанно вертелось в моей голове несколько дней назад, когда я гулял за городом, в горах. Ну а тут мои мысли уподобились, пожалуй, растревоженному муравейнику, я их, впрочем, не высказал: не испытывает ли умирающий, думал я, то же, что и человек, который, толкнув некую дверь, выходит на волю, оставляя после себя пустой кокон... одежду... материальную оболочку... Ведь мы и при жизни порой оставляем свое тело как нечто чуждое нам – я и сам недавно пережил подобное, расставшись со своим коконом, сидевшим за письменным столом, пока я гулял по окрестностям. Мы вдруг чувствуем, что плоть, пустой кокон остался где-то позади, и испытываем такое жуткое чувство, какое, наверное, охватило бы покойника, если бы он мог оглянуться на свое бездыханное тело...

Меж тем Липотин болтал не закрывая рта в своей насмешливой, отрывистой и бессвязной манере, но напрасно я ждал, что он первым заведет речь о княжне Хотокалюнгиной. Мне же робость – странная робость! – довольно долго не позволяла направить разговор в нужное русло, но в конце концов нетерпение взяло верх: разливая чай, я без обиняков спросил, почему, собственно, Липотин сказал княжне, что антикварная вещь, которую она разыскивает, у меня и что я вообще покупал у него какое-то старинное оружие. Липотин и глазом не моргнул:

– Почему же не сказать? Я мог продать вам что-то в таком роде. – Его невозмутимость сбила меня с толку, я возразил более горячо, чем хотелось бы:

– Липотин, ну как же! Вам ли не знать, продали вы мне или не продали персидский или бог его знает какой наконечник копья! Разумеется, вам отлично известно, что никогда в жизни...

Все тем же равнодушным тоном он перебил:

– Ну конечно, я продал копьё вам, уважаемый.

Он сидел, опустив глаза с тяжелыми веками, и старательно заталкивал в сигарету табак, норовивший высыпаться. Всем своим видом он будто говорил: а что тут странного?

Я вспыхнул:

– Шутки в сторону, любезнейший! Никогда я не покупал у вас таких вещей. Да и не видел чего-то подобного в вашей лавке! Вы ошибаетесь, и я совершенно не понимаю, в чем дело!

– Да? – вяло отозвался Липотин. – Ну, значит, когда-то раньше я продал вам это оружие.

– Не было этого! Ни раньше, ни теперь! Поймите же... Раньше! Что значит – раньше? Сколько времени мы с вами вообще знакомы? Полгода – невелик срок, думаю, ваша память не настолько слаба, наверняка вы отлично все помните!

Не поднимая головы, Липотин искоса взглянул на меня и ответил:

– Если я говорю «раньше», то имею в виду в прошлой жизни, в другой инкарнации.

– Не понял... «В другой»?..

– Инкарнации, – отчеканил Липотин.

В его тоне мне опять почудилась насмешка, я решил не дать спуску и не менее иронически протянул:

– Ах вот оно что!

Липотин промолчал.

Но я непременно хотел дознаться, почему он подослал ко мне княжну, и попробовал еще раз:

– Впрочем, я вам обязан тем, что таким образом познакомился с дамой, э-э...

Он кивнул.

Я продолжал:

– К сожалению, из-за мистификации, которую вы сочли уместным устроить, я попал в довольно неловкое положение. А теперь я хотел бы разыскать для княжны копьё...

– Позвольте, оно же у вас! – с лицемерной серьезностью возразил он.

– Липотин, да с вами просто невозможно разговаривать!

– А что такое?

– Ну, знаете ли! Вы же солгали даме! Заявили, будто бы у меня находится какое-то оружие...

– ...которое вы приобрели у меня.

– Тьфу ты, пропасть! Вы сами сказали минуту назад, что это...

– ...было в иной инкарнации... Поди знай... – Липотин замолчал, наморщив лоб, словно в глубокой задумчивости. Потом буркнул: – Ну, бывает, век перепутаешь...

Я понял, что не добьюсь от него сегодня ни одного серьезного слова. Честно говоря, это меня раздосадовало. Но поневоле взяв шутовской тон, я криво усмехнулся и сказал:

– Жаль, что нельзя предложить княжне прежнюю инкарнацию драгоценного копья, которое она с такой страстью разыскивает.

– Почему же нельзя?

– Да вряд ли княжна захочет слушать ваши отговорки насчет инкарнаций, столь удобные, но чисто умозрительные.

– Не скажите! Княжна – русская. – Липотин улыбнулся.

– Ну да, и что же?

– Россия молода. Даже очень молода, считают некоторые из ваших соотечественников. Моложе всех. Но Россия и стара. Невероятно стара. Нам, русским, никто не удивляется. Бывает, мы хнычем, точно малые дети, бывает, нам дела нет до проходящих веков, как трем старцам с серебряными бородами, что жили-были на острове посреди моря...

С подобной заносчивостью я уже сталкивался. Как было удержаться от насмешки?

– Знаю, знаю: народ Божий на земле.

Липотин зловеще скривился:

– Возможно. Ибо в сем мире он игрушка дьявола... Впрочем, мир был и остается единым.

Мне еще больше захотелось высмеять любовь к напыщенной философии чаевников и курильщиков, типично русскую страстишку.

– Мудрость, достойная антиквара! Пространство и время – пустые фикции, что подтверждают предметы старины, древности той или иной эпохи, дожившие до наших дней. Только мы, люди, привязаны к времени и пространству... – Я уже собрался без разбора нанизывать банальность за банальностью, болтать ради болтовни, лишь бы в этом потоке потонули выпренные философы Липотина, но он, усмехнувшись и как-то по-птичьи дернув головой, прервал мою тираду:

– Возможно, я действительно набрался мудрости от старинных вещей. Тем более что древнейший из всех раритетов, какие мне известны, – это я сам. Я ведь не Липотин, настоящее мое имя – Маски.

Нет слов, способных передать мой испуг. Мысли заволокло густым, вязким туманом. Волнение, вспыхнувшее точно пламя, казалось, было не унять, но, собрав волю в кулак, я заставил себя притвориться, что лишь слегка удивлен и задаю вопрос из досужего любопытства:

– Вам известно это имя? Откуда, Липотин? Знаете, это очень интересно. Понимаете ли, это имя... оно и мне известно.

– Да? – Вот и весь ответ – лицо Липотина было непроницаемо.

– Да. Это имя и его владелец с некоторых пор, признаюсь вам, очень меня занимают.

– С недавних пор, верно? – Липотин ухмыльнулся.

– Ну конечно! – Я начал горячиться. – С тех пор как эти... эти... – Я невольно сделал несколько шагов к письменному столу, на котором высились кипы бумаг – свидетельства моих трудов.

Липотин, заметив мое волнение, конечно, сразу сообразил, что к чему, и заговорил самодовольно, словно получил подтверждение какой-то своей догадке:

– Вы хотите сказать, с тех пор как в вашем распоряжении находятся записки и документы, связанные с жизнью англичанина Джона Ди, известного чернокнижника и фантазера эпохи королевы Елизаветы? Да, да, конечно, Маски этого господина тоже знал.

Я потерял терпение:

– Послушайте, Липотин! Довольно, наконец, морочить мне голову! Я готов отнести на счет вашего характера или желания позабавиться то, что нынче вечером вы вздумали говорить загадками, но каким образом... как вы могли узнать это имя – Маски?

– Ну что ж... – по-прежнему вяло промямлил Липотин, – кажется, я уже упомянул, что он был...

– Да-да, русский! «Царский магистр» – так его именуют в некоторых старинных источниках. Но вас-то, вас что с ним связывает?

– Шуточки, уважаемый, шуточки! – Липотин встал и закурил новую сигарету. – Царский магистр известен в наших... гм, кругах. Разве маловероятно, что почтенная династия археологов и антикваров – а я именно из такой семьи – ведет свой род от этого самого Маски? Разумеется, это лишь предположение, любезный друг, да-да! – И он потянулся за шляпой.

– Очень занятно, в самом деле! Этот странный персонаж вам знаком из истории России? Но он встречается и в старых английских хрониках, и в мою жизнь он, можно сказать, вошел... – Вот этого я, вообще-то, не собирался говорить.

Но Липотин уже протянул мне руку, одновременно открывая дверь.

– Можно сказать, вошел в вашу жизнь, мой уважаемый меценат. Правда, пока что вы бессмертны, и только. А вот он... – Липотин сделал паузу, прищурился и снова пожал мне руку. – Скажем прямо: не он, а я. Да будет вам известно, я вечен. Всякое существо бессмертно, просто не догадывается о своем бессмертии или начисто о нем забывает, когда приходит в сей мир или покидает его. А поскольку забывает, значит, нельзя сказать, что всякое существо имеет жизнь вечную. Ну, в другой раз потолкуем более обстоятельно. Ведь мы с вами, надеюсь, еще долго не расстанемся. Итак, до встречи!

И он быстро спустился по лестнице.

А я остался один на один со своей взволнованностью и недоумением. Тряхнул головой – может, рассеется туман? Уж не был ли мой антиквар навеселе? Раз-другой я подметил, что глаза у него как-то слишком задорно блестят. Пьяный Липотин? Чепуха. Скорей, чудил старик, как всегда, он и раньше, сколько я его знаю, был со странностями. Еще бы, на восьмом десятке покинуть родину, оказаться в изгнании, такой участи никакие душевные силы не выдержат!

Но странно все-таки, что имя Маски для него не пустой звук. Мало того, он, выходит, еще и потомок царского магистра, если, конечно, не разыграл меня.

Стоило бы хорошенько расспросить Липотина, ведь что-то ему действительно известно об этом персонаже... Ах, черт возьми, я же за весь вечер ни на шаг не приблизился к разгадке непонятной истории с княжной!

Ничего, в более подходящий, светлый час, в более спокойном настроении непременно добыю от Липотина толкового ответа. Больше не дам водить себя за нос.

А теперь за работу!

* * *

Уж как решил, – запустив руку в ящик стола, куда сложил бумаги из посылки покойного кузена, наугад вытаскиваю тетрадь в обложке из веленя, превосходной выделки пергамена. Под обложкой – ни заглавия, ни титульного листа, прямо на первой странице начинаются, вернее, продолжаютс чьи-то записи, иногда они датированы. Должно быть, эта тетрадь – одна из целого собрания аналогичных дневников. Почерк, вне всяких сомнений, тот же, что был в записках Джона Ди, правда, заметно изменившийся.

Начинаю переводить текст:

Дневниковые записи Джона Ди, эсквайра, сделанные им в позднейшие годы

«Аппо 1578.

Ныне, в день Великого праздника Воскресения Господня, я, Джон Ди, проснулся на ранней заре и неслышно выскользнул из спальни, стараясь не нарушить сон Джейн, моей жены, с которой сочетался я браком после кончины моей первой жены, и Артура, моего возлюбленного сына, почивающего в колыбели.

Не берусь сказать с уверенностью, что повлекло меня из дому и со двора навстречу занимавшемуся весеннему дню, теплomu и мягко серебриющемуся свету, – верно, то было воспоминание о погожем пасхальном утре, которое двадцать и восемь лет тому назад обернулось для меня столь скверно.

Немало у меня оснований принести глубокое и искреннее благодарение неисповедимой судьбе, или, изъясняясь более благопристойно, Провидению и милосердию Божию, ибо и ныне, на пятьдесят седьмом году от роду, дозволено мне, пребывающему в добром здравии и светлом уме, с пользою наслаждаться благами жизни и ежеутренне созерцать великолепное светило, восходящее на востоке над краем земли.

Давно уже сошли в могилу многие из тех, кто некогда желали погибели моей, и сэр Боннер, Кровавый епископ, не оставил по себе ничего, кроме негодования и страха, с коим поминуют его в народе, толкуя о старых временах, да еще няньки стращают им непослушных деток.

Но что же случилось со мною, сбылось ли предреченное? Куда привели дерзновенные атаки юного бодрого духа?.. Нет, не хочу размышлять о том, как уходили, вместе с годами, мои замыслы, надежды и силы.

Предаваясь таким вот думам, подступившим вдруг более рьяно, чем когда-либо, я прогуливался по берегу неширокой речки Ди, в незапамятные времена давшей имя нашему роду. Эта речушка, в сущности ручей, своей забавной резвостью навела меня на сравнение всех земных деяний человека со стремительным торопливым потоком. Вскоре я достиг местности, где ручей, прихотливо кружа и петляя, бежит вокруг холма, что над озером Мортлейк, а в одной заброшенной выемке, где прежде добывали глину, разливается, образуя подобие небольшого, поросшего тростниками пруда или затона. Посмотришь, и на первый взгляд покажется, будто ручей Ди застоялся тут, обратившись в болотину, да и вовсе сгниул.

И вот я остановился возле заболоченной заводи и уж сам не знаю, сколь долго смотрел на легко колеблемый ветром тростник, что скрывает сей жабий питомник. Пренеприятные сомнения одолели меня, и в мыслях с чрезвычайною силой застучался вопрос: уж не является ли собой горестная участь сего ручейка символ судьбы Джона Ди, того самого, что стоит сейчас на берегу, отражаясь в темных водах? Стремительный бег, внезапная, слишком ранняя остановка, загнившие воды, жабы и лягухи, осока да тростники... А над всем в тепловатом солнечном свете неверный трепет блестящих, точно адамантами убранных, стрекозых крыл. Поймаешь лгунью-чаровницу, ан в руках-то отвратный червяк со скользкими стекляшками крыльев.

Размышляя о сем, я нечаянно заметил большую серо-бурую личинку, из которой, пригретая теплым весенним солнцем, выползла юная стрекоза. Трепещущее насекомое не засиделось на желтой соломинке, к коей, готовясь свершить страшный акт рождения и смерти, в страхе прильнуло, цепляясь из последних сил, темное обиталище, ныне стрекозою покинутое. Теплые солнечные лучи вскоре обсушили влажные тонкие крылья. И вот они махнули раз, другой, изящно распрямились, с мечтательной неспешностью разгладились, расправленные резво сучащими задними ножками, и жарко затрепетали... крохотный эльф взлетел, треща

крыльями, а уже в следующий миг он, сверкая, стремительными зигзагами сновал высоко над водой, блаженствуя в воздушной стихии. Недвижная личинка, мертвый кокон висел на сухом стебле близ гнилой и затхлой воды.

„Сие и есть тайна жизни, – произнес я вслух. – Еще одно бессмертное существо сбросило мертвую оболочку, еще одна воля победила и, вырвавшись из темницы, устремилась к своей цели“.

Вот так же и со мною, вдруг подумалось мне, и я увидел самого себя, увидел долгую череду картин, как бы оставленную мною позади, ибо начало ее терялось в далеком прошлом: вот я в застенке Тауэра, на соломе, а рядом Бартлет Грин, вот в шотландских горах, в убежище, предоставленном мне Робертом Дадли, скучаю над книжным старьем или развлекаюсь охотой на зайцев, то я в Гринвиче стряпаю гороскопы для принцессы Елизаветы, взбалмошной, неуловимой... То выплясываю реверансы и разливаюсь соловьем перед императором Максимилианом в Офене, венгерской его резиденции⁴⁸. А целые месяцы, растраченные на глупейшие интриги, что плели мы с Николаем Грудиусом, тайным секретарем императора Карла и тайным же адептом розенкрейцеров. Я видел себя как наяву – застывшим в нелепых, комических сценах, оцепеневшим от гложущего душу страха, в непостижимом ослеплении сердца, – вот я в Нанси, лежу больной в опочивальне герцога Лотарингского⁴⁹, вот я снедаем рвением и любовью, исполнен великих планов и упований в Ричмонде, пред пылкой и ледяной, мгновенно загорающейся и недоверчиво уклоняющейся, пред нею... пред нею...

Я увидел себя у постели моей первой жены, моей злой судьбы, моей бедной Элинор, умирающей, борющейся со смертью, а я – и это увидел – тайком ускользнул от нее, бежал, как из темницы, от смертного одра в сады Мортлейка, к ней, к ней... к Елизавете!

Маска... личина... призрак! Вот каков я... Нет, не я, а бурая личинка, из последних сил прильнувшая к земле, извивающаяся и бьющаяся, чтобы породить другого, окрыленного, истинного Джона Ди, покорителя Гренландии, завоевателя мира, юного короля!

Увы! Я все тот же извивающийся червь и все еще не стал ее женихом... О моя юность, мой пыл, о моя королева!

Вот чем обернулась прогулка мужа преклонных лет, в двадцать семь помышлявшего завладеть короной Англии и тронном Нового Света.

Так что же произошло за тридцать лет, что истекли с того дня, когда в Париже я возглавлял прославленную кафедру и в учениках у меня ходили именитые ученые, а в числе прилежных слушателей были французский герцог и сам король? Какие тернии истерзали крылья орла, устремившегося к солнцу? Запутавшись в каких силках, орел вынужден был разделить участь дроздов и перепелок, очутившихся в домашней клетке, и только по великой милости Господней не был зажарен на медленном огне?

Тихим пасхальным утром вся моя жизнь прошла перед моим мысленным взором, однако не так, как обычно бывает, когда вспоминаешь былое, – нет, я видел себя живого, но словно бы позади, за своей спиной, и в каждом новом видении я был личинкой, заключенной в кокон времени, и всякий раз мне доставалась мука возвращения в давно покинутый мною кокон моей телесной оболочки в то или иное время жизни; ныне я сызнова претерпел все начиная с того времени, как себя помню, и по сей день. Однако скитания по кругам ада моих несбывшихся надежд были все же бесполезны, ибо внезапно я с удивлением убедился, что на извилистый и темный путь моих блужданий пролился яркий свет солнца. И посему я положил, что надобно не упустить ничего из пережитого нынче утром и описать картины, представившие моему

⁴⁸ ...императором Максимилианом в Офене, венгерской его резиденции. – Император Максимилиан II (1527–1576) – с 1564 г. – император Священной Римской империи, король Венгрии и Богемии. Отец Рудольфа II. Прим. – В. Ахтырская

⁴⁹ Герцог Лотарингский – представитель аристократического семейства, находящегося в родстве с Габсбургами. Прим. – В. Ахтырская

мысленному взору. Стало быть, изложу события моей жизни за истекшие двадцать восемь лет, назову же сию повесть:

Ретроспекция

Великий Родрик Уэльский – это мой предок, а Хьюэлл Дат Добрый, коего на протяжении веков воспевали народные песни, – гордость нашего рода. Так что род мой древнее обеих „Роз“ английских⁵⁰ и знатностью не уступит ни одной из тех династий, что возводились на престол в нашем королевстве.

Никакого урона нашей родовой чести не наносит то, что в лихие годы владения графской фамилии Ди были рассеяны, разбиты или утрачены, равно как и многие титулы. Отец мой Роланд Ди, баронет Глэдхиллский, муж нрава разнузданного, сердца буйного, сохранил из всех отошедших ему вотчинных земель только крепость Дистоун и изрядное поместье, доходов с которого едва хватало на удовлетворение грубых страстей и непомерного честолюбия моего родителя, а честолюбие его состояло в том, что из меня, последнего в древнем роду, надлежало выпестовать героя, каковой вновь привел бы нашу фамилию к благоденствию и славе.

Верно, он думал, дав мне надлежащее воспитание, искупить грехи дедов и прадедов и смирял свой буйный нрав, коль скоро то было необходимо для моего будущего; хотя рос я в известном отдалении, а натуры наши различались не менее, нежели вода и огонь, ему одному обязан я тем, что все мои способности были развиты, а желания, даже странные, на взгляд отца, исполнялись. Книги внушали ему отвращение, о науках он отзывался с глумливой насмешкой, однако лелеял мои дарования и, опять же в угоду непреклонной гордыне, позаботился дать мне превосходное образование, какое может получить в Англии отпрыск богатого и знатного рода. Из Лондона и Челмсфорда⁵¹ он пригласил для меня самых лучших наставников.

Знания свои я затем пополнил в Кембридже, в колледже Святого Иоанна, где был принят в обществе самых благородных и даровитых ученых мужей нашей страны. Когда в Кембридже меня, двадцати двух лет от роду, с почетом удостоили звания бакалавра, какое не приобретается ни взятками, ни интригами, отец мой устроил в Дистоуне столь пышное празднество, что в уплату долгов пришлось отдать третью часть всех поместий, ибо с поистине королевской щедростью он расточал средства ради нелепых роскошеств и пиров. Вскоре отец мой опочил.

Мать моя, тихая, нежная и печальная женщина, к тому времени давно сошла в могилу, так что я к двадцати трем годам стал ни от кого не зависящим единственным преемником все еще весьма завидных владений и древнего титула.

Если выше я в столь невоздержанных словах выразил мысль о непримиримой противоположности моей и отцовской натуры, то лишь с одним намерением: хотелось с надлежащей яркостью представить чудо, сотворившееся в душе сего человека, всецело преданного военным состязаниям да игре в кости, охоте да попойкам, ибо он оценил по достоинству семь глубоко презиравшихся им свободных искусств, поскольку моя ими увлеченность, по разумению родителя, сулила увенчать великой славой наш фамильный герб, изрядно обветшавший за время смут и усобиц. Не осмелюсь утверждать, что я не унаследовал горячности и неукротимой разнузданности отца. Драчливость и пьянство, да и прочие, более прискорбные склонности – из-за них не раз я в юные лета вязывался в опасные авантюры, а бывало, попадал и в обстоятельства, угрожавшие моей жизни. Давнишня афера, на какую пустился я в юношеском

⁵⁰ ...обеих «Роз» английских... – Имеются в виду гербы династий Ланкастеров (с изображением алой розы) и Йорков (с изображением белой розы), боровшихся за английский престол в 1455–1485 гг. Впоследствии обе розы были объединены в гербе королевского дома Тюдоров, к которому принадлежала Елизавета. Прим. – В. Ахтырская

⁵¹ Челмсфорд – деревня в графстве Эссекс, к северо-востоку от Лондона. Прим. – В. Ахтырская

задоре, связавшись с главарем разбойничьей шайки Воронов, была неслыханно дерзким предприятием, однако далеко не самой отчаянной проделкой, хотя и привела к роковому повороту моей жизни...

Беззаботное существование, не отягченное помыслами о грядущем дне, дикая жажда приключений... по их милости сразу после кончины родителя я решился предоставить попечению управителей отчий дом со всеми угодьями, и, получая лишь весьма скромную ренту, молодой лорд отправился в путешествие. Меня манили университеты Левена и Утрехта, Лейдена и Парижа, жизнь, бьющая ключом в сих городах, а также, конечно, молва о процветании как признанных наук, так и тайных учений.

Корнелий Гемма, великий математик, Фризий⁵², достойный последователь Евклида⁵³ в полночных странах, и знаменитый Герард Меркатор, первый среди всех землеведов и астрономов нашего времени, – вот какие учителя наставляли меня в науках! Домой я вернулся прославленным физиком и астрономом, не уступающим ученостью никому во всей Англии. А было мне в ту пору всего двадцать четыре года! И я возгордился еще больше, ибо природная моя заносчивость на тучном питательном субстрате славы возросла неимоверно.

Государь, закрыв глаза на мою молодость, а равно и на известные эскапады, назначил меня профессором греческого языка в кембриджский колледж Святой Троицы, находящийся под особым покровительством его величества. Чем можно было бы больше потрафить моей гордыне, если не определив наставником в то заведение, где сам я еще недавно сидел на ученической скамье?

На мой греческий коллегийум собирались мои одноклассники, а то и старшие летами слушатели; занятиям нашим лучше подошло бы название не *collegium officii*⁵⁴, а *collegium bacchi et veneri*⁵⁵. Что правда, то правда, даже сегодня, вспоминая наше представление „Мира“ божественного Аристофана⁵⁶, древнего комедиографа, не могу удержаться от смеха; мои ученики и приятели сыграли роли в сей пьесе, а я поставил ее на сцене, выдумав нечто чудное. Как предписал сочинитель, был сооружен громадный жук-навозник, преотвратный видом, а в брюхе у него был устроен хитрый механизм, позволивший сему насекомому взлететь; прямо над головами зрителей, завопивших в суеверном страхе, он с громовым треском испустил зловоние и вознесся в небо с посольством к Юпитеру.

Как же славные профессора и магистры, почтенные горожане и цеховые старшины крутили носами и со страху пускали шептунов, насмерть перепуганные колдовскими фокусами и черной магией молодого и не в меру дерзкого искусника и выдумщика Джона Ди!

Шум и хохот, брань и дурачества того дня, будь я повнимательнее, могли бы преподать мне урок: ведь все это образы мира, в коем я рожден и обречен жить. Ибо чернь, навязавшая сему миру свои законы, на озорство и безобидное балагурство отвечает лютой ненавистью и мстит шутнику с жесточайшей серьезностью.

В тот же вечер к моему дому хлынула толпа желающих схватить меня, еретика, сговорившегося с дьяволом, и отдать в руки судей, безмозглых тупиц. А впереди-то сам декан с

⁵² *Корнелий Гемма... Фризий.* – Видимо, Майринк «раздваивает», превращая в двух персонажей, знаменитого голландского математика, астронома и картографа Гемму Фризия (1505–1558, настоящее имя – Ренье Гемма, Фризий – псевдоним, который он взял себе по названию голландской провинции Фрисландия, где родился). Джон Ди действительно встречался с Фризием и его учеником Меркатором в 1548 г. и пользовался их изобретениями – картами и глобусами. *Прим. – В. Ахтырская*

⁵³ *Евклид* (ок. 365–300 до н. э.) – знаменитый древнегреческий математик, автор труда «Элементы», считавшегося в Европе основополагающим сочинением по геометрии вплоть до XIX в. *Прим. – В. Ахтырская*

⁵⁴ Обязательный учебный курс (*лат.*). – *Прим. перев.*

⁵⁵ Курс (наук) Вакха и Венеры (*лат.*). – *Прим. перев.*

⁵⁶ *...представление «Мира»... Аристофана...* – Аристофан (ок. 445–386 до н. э.) – знаменитый греческий комедиограф; комедия «Мир» (421 г. до н. э.), как и большинство произведений Аристофана, была написана на злобу дня и призывала афинян заключить мир со Спартой, положив конец Пелопоннесской войне. *Прим. – В. Ахтырская*

факультетским настоятелем в черных рясах, каркая во все горло, как вороны над падалью, господа, вставшие в ряды плебеев, дабы расшализившийся механикус не ушел от кары за „кощунство“!.. И если бы в то время не опекал колледж мой друг Дадли, граф Лейстер, муж достойный и умный, чернь ученая заодно с невежественной как пить дать разорвала бы меня на куски, заставив кровью искупить содеянное мной осквернение воздуха небесного.

Я избег гибели, быстрый конь умчал меня в укрепленный Дистонн, затем путь мой пролегал за море в Левенский университет. Я расстался с почетной должностью, недурным жалованьем и с моим славным именем, ныне замаранным злобной бранью святош и праведников, облитым грязью подозрений. Но я не придавал значения ядовитой клевете, ее змеиному шипению, в то время оно еще казалось бессильным, ибо издавали его людишки низкого звания. Да, маловато у меня было житейского опыта, не подозревал я, что в иных случаях не важны сословные различия, ибо ненависть тех, кто превыше всех прочих, в свое время сведет вместе знатного дворянина и презренного плебея и сварит из изменной зависти тех и других отраву для благородного человека.

О знатные, благородные мои сотоварищи, довелось, довелось мне с тех пор сполна изведать вашу лютую ненависть!..

В Левене постиг я химию и алхимию, изучил и природу вещей, насколько возможно научиться сему от профессоров. Затратив немалые деньги, я устроил собственную лабораторию, где, уже в одиночку, усердно стал исследовать тайны естественной природы и тайны божественные. И в известной мере достиг понимания четырех основных элементов...

В то время я носил звание магистра свободных искусств. Поскольку зловредная клевета невежд моей родной Англии до Левена не добралась и преследовать меня не могла, я вскоре удостоился высочайшего почтения среди людей ученых и неученых, а осенью, когда я приступил к чтению лекций по астрономии в Левенском университете, Сели, герцоги Мантуанские и Мединские⁵⁷, чтобы послушать меня, еженедельно на один день приезжали из Брюсселя, где в то время находился двор императора Карла V⁵⁸. Его императорское величество несколько раз снизошел до посещения моих лекций, причем не позволил изменить хотя бы малость в обычном ходе и порядке занятий в угоду высочайшей особе. Мой просвещенный соотечественник сэр Уильям Пикеринг⁵⁹, джентльмен, достойный всяческих похвал, господа Маттиас Хакон и Иоханнес Капито, прибывшие из Дании, также были в числе прилежных слушателей моих докладов. Как раз в тот год я посоветовал императору Карлу на время покинуть Нидерланды, потому как зима стояла сырая и я ожидал болезненного поветрия, о чем говорили многие верные приметы, кои я хорошо изучил. На сию опасность я и указал его величеству. Император удивился и поднял меня на смех, не желая верить подобным предсказаниям. А многие придворные и свитские воспользовались сим предложением, чтобы очернить меня насмешками и лживыми речами, ибо покровительство, которое император открыто мне оказывал, давно возбуждало ненависть и неуголимую зависть в их сердцах. Не кто иной, как герцог Медина-Сели, однако, с настойчивостью разъяснил императору всю опасность надвигающегося поветрия и убедил его величество не отмахиваться беспечно от моих предостережений. А все дело в том, что,

⁵⁷ ...герцоги Мантуанские и Мединские... (Медина-Сели) – аристократические роды, соответственно итальянский и испанский. Прим. – В. Ахтырская

⁵⁸ Карл V (1500–1558) Габсбург – с 1516 г. – король Испании Карлос I, с 1519 г. – император Священной Римской империи. Королевский двор в Брюсселе был унаследован Карлом V от отца, бургундского герцога Филиппа Красивого. Прим. – В. Ахтырская

⁵⁹ Сэр Уильям Пикеринг. – Такого английского ученого нам обнаружить не удалось, как не удалось выяснить, существовали ли в действительности датские ученые Маттиас Хакон и Иоханнес Капито. Современником Джона Ди был немецкий философ-гуманист Вольфганг Капито (1487–1541, Капито – латинизированная форма его настоящей фамилии Кёпфель). Прим. – В. Ахтырская

уверившись в добром расположении герцога, я открыл ему некоторые признаки, кои послужили мне для предсказания.

Что же? После Нового года хворь так распространилась, что император Карл со всем двором в большой спешке покинул Брюссель, предложив и мне следовать в своей свите... Когда же я, сославшись на свои ученые занятия, отказался от столь высокой чести, император щедро одарил меня деньгами и золотой цепью с императорским талером в знак высочайшей милости, то есть вознаградил меня самым лестным образом.

А вскоре легочная чума в Голландии свирепствовала с невиданной силою, за два месяца в городах и селах умерло, как считали, до тридцати тысяч человек.

Я же ускользнул от поветрия и перебрался в Париж. Здесь учениками, коим преподавал я Евклидову геометрию и астрономию, стали Турнебус⁶⁰ и философ Петр Ремус⁶¹, великие врачи Рансоне и Ферне⁶², математик Петр Ноний⁶³. Вскорости почтил нашу аудиторию высочайшим присутствием король Генрих II⁶⁴ и так же, как Карл V в Левене, пожелал сесть вместе с прочими слушателями, то есть ниже моей кафедры. Герцог де Монтелиуса Монтелуккский испрашивал моего согласия возглавить академию, которую учредили бы для меня, или занять профессорскую кафедру в Парижском университете, что открывало мне прекрасное будущее.

Я только забавлялся и в угоду своей гордыне со смехом отклонял любые предложения. Злосчастная звезда вновь привела меня в Англию. А дело было так. В Левене Николаю Грудиусу, тайному секретарю императора Карла, бог весть где повстречался таинственный шотландский вольница – уж не тот ли загадочный пастух, о котором рассказывал Бартлетт Грин? – и с уверенностью предрек, что мне суждено достичь в Англии высочайших почестей и побед. Предсказание поразило меня до глубины души, в его словах мне чудился совершенно особенный магический смысл, который, впрочем, постичь не удавалось; так или иначе, речи вольница не прерывались в моих ушах, разжигая честолюбие, всегда готовое ринуться в авантюру, и я вернулся в Англию. А вернувшись, тотчас ввязался в невероятно опасную, кровопролитную распрю между папистами и приверженцами учения Лютера, поднявшуюся с Реформацией и ввергнувшую в братоубийственные войны всю страну, начиная с королевского дома и кончая последней захудалой деревушкой. Я встал на сторону реформированной Церкви и помышлял уже, что, предприняв решительный штурм, завоюю любовь и руку Елизаветы, взявшей сторону евангелистов. Крушение сих надежд я без утайки описал в тогдашних моих дневниках, нет нужды снова к нему возвращаться.

Роберт Дадли, граф Лейстер, лучший друг, какой был у меня в жизни, немало помог мне коротать время, когда я скрывался в его шотландском родовом замке в Сидлоу-хиллз после освобождения, а лучшие сказаны, спасения моего от гибели в застенках епископа Боннера. Дадли снова и снова рассказывал, какие тайные переговоры и дела привели к моему освобождению. А я слушал и не мог наслушаться, ведь речь шла о принцессе Елизавете и той поистине достойной мальчишки-сорванца смелости, той отчаянной решительности, что обнаружила себя в ее поступке. Но я знал и гораздо более важное – то, о чем Дадли не догадывался. Я знал, о, знал и при сей мысли едва мог сдержать возглас ликования, что принцесса Елизавета

⁶⁰ Турнебус – французский филолог, исследователь греческой философии Адриан Турнебус (Адриан Турнюб, 1512–1565). Прим. – В. Ахтырская

⁶¹ ...философ Петр Ремус. – Возможно, речь идет о французском гуманисте, философе Петре Рамусе (1515–1572; настоящее имя Пьер де ла Раме). Прим. – В. Ахтырская

⁶² ...великие врачи Рансоне и Ферне... – Их нам обнаружить не удалось; не исключено, что их имена вымышленные. Прим. – В. Ахтырская

⁶³ ...математик Петр Ноний – известный португальский математик и географ Педро де Нуньес (1502–1578). Прим. – В. Ахтырская

⁶⁴ Генрих II – Генрих II Валуа (1519–1559) – король Франции в 1547–1559 гг. Прим. – В. Ахтырская

спасла меня, сделав все возможное и даже невозможное, словно спасая самое себя, ибо выпила любовный эликсир, приготовленный эксбриджской ведьмой и магистром Маски из элементов и секретов моего тела.

Мысль сия окрыляла, как и моя уверенность в чудодейственной силе любовного напитка, с очевидностью подтвержденной небывало смелым поступком принцессы. Благодаря магии, ее могуществу я, растворенный в любовном напитке, завладел душой леди Елизаветы, усмирил ее волю, и власти над нею ничто не лишит меня вовеки, как не лишило до сего дня вопреки всем препятствиям, что ставила на моем пути неисповедимая судьба!

„Совладаю!“ – такой девиз был у моего отца, а он воспринял его от своего отца, тот от своего, – должно быть, сей девиз древен, как и весь наш род. „Совладаю!“ – сим словом с юных лет направлял и я все свои помыслы и желания, прищипывал себя к свершениям и победам что в светской и рыцарской жизни, что в занятиях научных. „Совладаю!“ – сей девиз возвысил меня, поставив учителем и советником императоров и королей и, осмелюсь сказать, сделав одним из наиболее почитаемых ныне в моем отечестве ученых людей, сведущих в таинствах естества и духа. „Совладаю!“ – в конечном счете сие убеждение привело к моему спасению из застенков инквизиции, и оно же...

Отщеславный глупец! С чем совладал ты, что покорил своей власти за тридцать лет? За тридцать лучших лет в жизни мужа? Где корона Англии? Где трон, воздвигнутый в Гренландии и землях Запада, каковые нынче назвали в честь Америго Веспуччи⁶⁵, моряка, неизвестно, жившего ли вообще на свете?

Далее опускаю пять несчастных лет, по воле капризной и неразумной судьбы выпавших чахоточной королеве Марии, ибо ее правление лишь ввергло Великую Британию в новые бесплодные смуты и позволило папистам снова утвердить свое ложное вероисповедание и непримиримую к инакомыслию власть.

Для меня же те годы были поистине даром Провидения, мудро усмирившего мои страсти, потому как в означенные пять лет я, анархист поневоле, с небывалым тщанием подготавливал планы завоевания Гренландии. Я испытывал спокойное торжество, сознавая, что настанет мой, нет, наш час – час великой славы для моей королевы и для меня, супруга Елизаветы, предначинанной ей судьбой.

Обращая взор в минувшее, я прихожу к выводу, что сознание высокого предназначения у меня в крови, с ним я родился на свет. Оно меня воодушевляет ныне, оно было и прежде, даже в детстве я в глубине души не сомневался в том, что мне суждено взойти на королевский престол; должно быть, благодаря этой слепой вере, словно бы доставившейся в наследство от предков, я в течение всей моей жизни ни единого разу не помыслил, что надо бы получить рассмотреть да проверить, на чем, собственно, основаны столь высокие притязания.

И поныне, несмотря на бесчисленные разочарования и неудачи, укоренившаяся в глубинах моей души уверенность осталась незыблемо твердой, пусть даже фактам наперекор.

Но о чем же свидетельствуют факты?

Хочется мне, по примеру торговцев, составить нынче отчет и посмотреть, каково мое состояние: не покривив душой, расписать, как в бухгалтерском гроссбухе, по графам расходов и доходов притязания и устремления моей воли, с одной стороны, и достигнутое мной в жизни – с другой. Чувствую, пора, ибо некий внутренний голос торопит, мол, время подводить итоги.

Нет в моем распоряжении ничего – ни писем или иных документов, ни воспоминаний, подтверждающих, что и впрямь детские мои годы осеняло предвидение будущих моих притязаний на престол. Однако я вновь и вновь твержу: „Престолом сим может быть лишь англий-

⁶⁵ **Америго Веспуччи** (1451–1512) – итальянский мореплаватель и первооткрыватель, принимавший участие в первой и второй португальских экспедициях. Первым предположил, что Христофор Колумб открыл не Индию, а Новый Свет. Когда Веспуччи поделился своими догадками с неким французским картографом, тот присвоил континенту его имя. *Прим. – В. Ахтырская*

ский престол!“ – и некое чувство, живущее в моей груди, отменяет любые сомнения. Отец мой, Роланд Ди, разумеется, нередко толковал со мной о знатности нашей славной древней фамилии, особо указывая на наше родство с домами Греев и Болейнов. Подобное бахвальство не редкость у дворян, видящих угасание и предчувствующих бесславный конец своего дома, но мой отец обыкновенно вспоминал о знатности нашей фамилии тогда, когда в очередной раз за долги приходилось давать королевским приставам закладную на участок пахотной земли или леса. Понятное дело, воспоминания о сих зазорных неурядицах вряд ли могли поощрять мои заносчивые мечтания.

И все же первое свидетельство и первое предсказание будущих свершений принадлежало мне самому, вернее, исходило от моего отражения, когда я после попойки в честь присвоения мне ученой степени магистра воззрелся на себя и увидел в зеркале пьяную образину. Суровые укоризны, изреченные призрачным двойником, по сей день звучат у меня в ушах, но ни лицо, ни слова, казалось, не были моими собственными, потому как в зеркале я видел кого-то, отличавшегося от меня самого, и речи доносились ко мне со стороны, от моего противника, из-за зеркального стекла. Чувства меня не обманули, память не подвела, ведь едва лишь некто в зеркале заговорил со мной, я мигом протрезвел, будто окаченный ледяной водой.

Далее: удивительное предсказание, написанное для леди Елизаветы ведьмой, эксбриджской лесной колдуньей. Впоследствии Роберт Дадли тайно доставил мне копию, сделанную собственной рукой принцессы, к сему она приписала три слова, которые с тех пор живут в моем сердце: *verificetur in aeternis*⁶⁶. А затем в темнице Бартлет Грин, таинственный разбойник, посвященный – ныне не осталось в том никаких сомнений – в ужаснейшие ритуалы, что находят исполнителей и приверженцев в трущобах горной Шотландии, указал еще более ясные знаки и недвусмысленно дал понять, какая судьба меня ожидает. Ведь он назвал меня „юным королем“. Слова сии я с того дня непрестанно пытаюсь истолковать в алхимическом смысле. И всякий раз притом меня властно охватывает чувство, что „корону“ понимать должно отнюдь не как венец земного монарха...

Он, неграмотный мясник, раскрыл мне глаза, я постиг смысл северного предела земли – Туле⁶⁷, то есть Гренландии: сия есть мост к неисчерпаемым сокровищам и бесчисленным землям Нового Света, лишь ничтожно малую и наименее ценную часть которых открыли и преподнесли испанской королевской фамилии авантюристы Колумб и Пизарро. Благодаря Бартлету Грину я увидел расколотую, долженствующую быть вновь соединенной корону Западного моря, Англии и Северной Америки, – увидел соединенных узами брака короля с королевой на престоле Британских островов и Новой Индии.

Вновь предчувствие властно охватывает душу: должно ли понимать сие лишь в смысле земного бытия?!

Он ведь еще дважды, уже не в Тауэре, позднее, являлся, говорил со мною с глазу на глаз и словно прочными железами сызнова укрепил в моем сердце девиз Родрика: „Совладаю!“

Он, именно он при одном из своих явлений толкнул меня на последнее, крайнее средство – насильственное – своими ужасными сокрушительными речами, в то же время ясными, будто вдохновенными всеведущим разумом и несущими благотворную свежесть; подобно ледяной воде, омочили они чело измученного лихорадкой страдальца, повлекли, заманили и... соблазнили меня, несчастного, завладеть королевой, покорив ее силой, ибо уклончивая и загадочная ее натура снова и снова от меня ускользала.

⁶⁶ Будет проверено в вечности (лат.). – Прим. перев.

⁶⁷ ...северного предела земли – Туле... (Ultima Thule) – в представлении древних греков и римлян – северная оконечность земли, северный предел обитаемого мира; первые сведения о Туле содержатся в записках грека Пифея из Массалии (Марселя). Древние отождествляли Туле с Норвегией, Исландией или одним из Шетландских островов. Для героя романа *Ultima Thule* – Гренландия, не столько реальная, сколько таинственная, фантастическая, затерянная где-то посреди бескрайнего западного океана, подобно Авалону, островам Блаженных или кельтской Земле Вечной Юности. Прим. – В. Ахтырская

И опять все то же предчувствие: должно ли относить сие к земному бытию?!

Не хочу, впрочем, забежать вперед, всему свое время и место. Покамест по порядку буду излагать события тех лет, наверное, так легче будет отыскать изъян, помешавший моим жарким устремлениям достичь цели.

Королева Мария опочила в тот год, когда мне минуло тридцать три, и тут-то, казалось, настало время действовать. Все планы экспедиции для завоевания Гренландии, а также проекты преобразования новых земель в плацдармы для дальнейшего постепенного и продуманного покорения Северной Америки, разработанные мной самым тщательным образом, были полностью готовы. Я не упустил ни единой мелочи, которая могла бы воспрепятствовать или же, напротив, споспешествовать сему с размахом замышленному предприятию, учел его географические, мореходные и военные аспекты, стало быть, в самое ближайшее время великая держава могла приступить к преобразованию мира.

И поначалу все складывалось прекрасно! В ноябре 1558 года верный друг мой Дадли, ставший к тому времени графом Лейстером, сообщил, что леди Елизавета повелела мне составить гороскоп, дабы узнать наиболее благоприятный день для ее торжественной коронации в Вестминстерском аббатстве. Имея все основания видеть в таком поручении добрый знак и свидетельство благожелательного расположения государыни, я с жаром взялся за дело, призвав звезды и светила небесные удостоверить грядущий расцвет славы моей повелительницы, а также свою судьбу – предсказанное высокое назначение разделить с Елизаветой престол.

В том гороскопе положение светил и впрямь оказалось чудесным, ибо сулило Англии по восшествии Елизаветы на престол небывалые процветание и богатство. Мне же он принес, помимо щедрого денежного вознаграждения, похвалы, согревшие мое сердце, и косвенное обещание не королевской, но иной, большей благодарности от моей повелительницы. Деньги вызвали у меня лишь досаду, я убрал их с глаз долой, а вот весьма неопределенные посулы, намеки на ожидающую меня милость, которые со слов Елизаветы снова и снова передавал друг Лейстер, я счел надежным залогом того, что все мои мечты в скором времени сбудутся.

Ничто, ничто не сбылось!

Королева Елизавета затеяла со мной игру, и конца ей, похоже, не предвидится... Никакими словами не передать, скольких мук и душевных волнений, поколебавших даже веру мою в помощь Всевышнего, стоили ее забавы, какой урон понесли мои упорство, воля, энергия как физической, так и духовной природы... Втуне затрачены силы, коих достало бы заново построить и разрушить целый мир...

Лестный атрибут – «девственная», который все кому не лень старались вернуть в свои льстивые речи, вскорости стал модным словом, неизменно присовокуплявшимся к официальному королевскому титулу, и, как видно, был королеве так приятен, что самим звуком своим кружил голову – Елизавета положила себе за правило строгость манер, титулу соответствующих. Ее непокорность, своеобразие и прирожденное свободолюбие противоречили сему роковым образом. Притом и молодость, юная сила, игравшая в крови, брала свое, зов пола требовал удовлетворения, нередко весьма диковинного и извращенного.

И когда я получил приглашение в Виндзорский замок (то было незадолго до нашей первой, жестокой размолвки), где мне предстояло встретиться с Елизаветой без свидетелей, ни малейших сомнений относительно ее желаний быть не могло. Вспыхнув от негодования, я ответил отказом, так как отнюдь не хотел провести ночь со снедаемой похотью девственницей, а мечтал о дне достойного соединения с королевой узами брака.

Думается, вполне верными были сплетни – дескать, друг мой Дадли, не имевший столь высоких притязаний, радостно принял то, в чем я отказал и себе, и предмету моего терпеливого, исполненного надежд поклонения. Был ли я прав? Бог весть...

Много позднее, по наущению, чтобы не сказать приказу Бартлета Грина, того, кто не ведает ни рождения, ни смерти, но является и исчезает, я совершил то, что в конце концов навлекло на меня проклятие, подобное грозовой молнии, которая долгое время лишь грозно полыхала в вышине, однако раньше или позже должна была меня поразить; как видно, сия кара была назначена неисповедимым Провидением. Я остался жив после удара молнии, хотя мои жизненные силы и душевный покой были с тех пор неисцелимо подорваны; с уверенностью берусь утверждать: в иной час и при ином расположении звезд и светил небесных проклятие столь страшное меня бы убило.

Жив-то жив, однако бывшая моя сила разрушена до основ. Но я постиг, кто мой противник!

Двусмысленное отношение ко мне Елизаветы, ее жестокосердие, а более всего – вновь нарушенное ею обещание приглашать меня в Виндзорский замок не ради болтовни, игривых забав и кокетства, а для серьезных советов и переговоров, привели меня в ярость: поддавшись гневу, я покинул Англию и отправился в Венгрию, к императору Максимилиану, дабы представить сему деятельному правителю планы завоевания и колонизации Северной Америки.

Странное дело, еще в пути я ощутил раскаяние – показалось, будто я замыслил выдать свою глубочайшую тайну и пойти на измену моей королеве, в душе раздался предостерегающий голос, что-то влекло меня назад, словно магической незримой пуповиной я был связан с материнским телом, с моей государыней.

Посему императору я сообщил лишь кое-какие соображения свои относительно астрологии и алхимии, рассчитывая пожить при дворе, получив кров и место императорского математика и астролога. Однако я не оправдал надежд императора, как и он – моих.

На следующий год, в моей жизни сороковой, я воротился в Англию; Елизавету нашел столь же милостивой, прельстительной и столь же царственно горделивой и холодной. По ее приглашению прибыл в Гринвич и провел там несколько дней в сильном волнении, ибо впервые за все время она снизошла до моих лекций и с искренней благодарностью приняла плоды моих научных изысканий. Она любезно пообещала свое заступничество на случай любых обвинений со стороны обскурантов, а вскоре посвятила меня в самые сокровенные свои мечты, планы и заботы.

В те дни она, по-прежнему то ласковая, то жестокая, открыла мне, что в страстном сердце сохранила верность мечтаниям своей юности, коль скоро оные касаются моей особы, и дала понять, что ею не забыт любовный эликсир эксбриджской ведьмы.

Я с изумлением вывел из сего, что она знает больше, нежели я предполагал. Однако тут же она необычайно торжественно объявила, что до конца дней будет питать ко мне сестринские чувства, то есть любовь большую, нежели плотская страсть, и что наш союз на первых порах должен быть союзом сестры и брата, с тем чтобы названное кровное родство однажды вознеслось на вершину истинного кровного соединения. Поньне не ясны мне ни смысл, ни цель сей фантазии, а тогда речи Елизаветы меня поразили, словно ее устами вещало некое неземное существо... Неужели я заблуждался, и королева, лишь крайне неохотно пойдя навстречу моим настойчивым стремлениям и надеждам, хотела попросту напомнить подданному о надлежащих границах в обхождении с высочайшей особой? Странно, однако: никакими силами я не могу избавиться от мысли, что то был голос не самой Елизаветы, что некая неведомая сила изрекла ее устами слова, обладающие особым смыслом, коего мне не постичь, должно быть, никогда. Что означает, что может означать „вершина истинного кровного соединения“?.. В те дни в Гринвиче я в первый и единственный раз вступил с Елизаветой в открытую честную борьбу во имя любви и взаимности, во имя естественного права мужчины на обладание женщиной. Увы! Елизавета не покорилась, более неприступная, чем доселе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.